

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. А. БУНИНА»

ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ

*Рецензируемый научно-теоретический
и прикладной журнал*

№ 3 (32) / Елец, 2022

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3
<https://hisfas.elpub.ru>

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014).

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ляпин Д. А. (доктор исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев В. Н. (доктор исторических наук, профессор, ВГУ, Воронеж)

Елистратов В. С. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Канищев В. В. (доктор исторических наук, профессор, ТГУ им. Г. Р. Державина, Тамбов)

Крючков И. В. (доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений СКФУ, Ставрополь)

Литвинов В. П. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Оришев А. Б. (доктор исторических наук, профессор, РГАУ – МСА им. К. А. Тимирязева, Москва)

Петрухинцев Н. Н. (доктор исторических наук, профессор, РАНХиГС, Москва)

Сень Д. В. (доктор исторических наук, профессор, Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Горбачев В. И. (кандидат исторических наук, докторант университета королевы Виктории, Веллингтон, Новая Зеландия)

Горчыца Я. К. (сотрудник Познаньского университета им. Адама Мицкевича, зав. отделом археологии Конинского окружного музея, Познань, Польша)

Жиров Н. А. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец) – зам. главного редактора

Клевцова О. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Колотари А. (Доктор философии (Dr. habil.), доцент педагогического факультета Капошварского университета, Капошвар, Венгрия)

Ливцов В. А. (доктор исторических наук, профессор, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орел)

Лоевская М. М. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Обломский А. М. (доктор исторических наук, профессор Института археологии РАН, Москва)

Овчинникова Ю. С. (кандидат культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Ряполов В. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Серазетдинов Б. У. (кандидат исторических наук, доцент, Центр военной истории Института российской истории РАН, Москва)

Тропин Н. А. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Филонов В. И. (доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орел)

Чубур А. А. (кандидат исторических наук, доцент БГУ им. И. Г. Петровского, Брянск)

Шапиро Б. Л. (кандидат исторических наук, доктор культурологии, доцент РГГУ, Москва)

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

- Попова А. Д.
(Рязань) «КРЕПНУТ РЯДЫ БРИГАДМИЛА»: РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ОХРАНЕ ПРАВОПОРЯДКА В 1940-60-Е ГГ. 5

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

- Гайденко П. И.
(Москва) «ЗЛЫИ БО ЗЛЪ ПОГИБНЕТЬ»: НАКАЗАНИЯ ДРЕВНЕ-РУССКИХ АРХИЕРЕЕВ (ОПЫТ ЦЕРКОВНОГО ПРАВОСУДИЯ XI – НАЧАЛА XIV ВВ.)..... 17

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

- Литвиненко П. В.
(Москва) СТРАННЫЕ НЕОФИТЫ ИСЛАМА: ПЕРЕХОД ХРИСТИАН В ИСЛАМ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ..... 36

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

- Булыгина Т. А.
Амбарцумян К. Р.
(Ставрополь) К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ – СОВЕТСКИЙ НАРОД» И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В 1970-1980-Е ГОДЫ..... 52
- Махрачев Г. С.
(Тамбов) РЕАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ТАМБОВЩИНЕ В ГОДЫ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА..... 63
- Семикин А. А.
(Ростов-на-Дону) АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И РАЗВИТИЕ ЖИВОТНОВОДСТВА В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1953-1958 ГГ..... 76
- Шеримет А. Г.
(Оренбург) ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПРОВИНЦИИ 1920-Х ГОДОВ: МОНОПОЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА..... 86

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Китаева И. В.
(Пятигорск) СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ МОНАСТЫРСКИХ ПОДВОРИЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ, ОСНОВАННЫХ В XIX И XX СТОЛЕТИЯХ. 102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Жиров Н. А.,
Ляпин Д. А.,
Логунова Н. В.
(Елец) ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XVII-НАЧАЛЕ XX ВВ.: НОВЫЕ МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ... 111
- Шапиро Б. Л.
(Москва) СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: КАКОЙ ОН?..... 114

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 118

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 120

CONTENT

HISTORY OF EVERYDAY

Popova A. D. (Ryazan)	"THE RANKS OF THE BRIGADMIL ARE STRENGTHENING": THE ROLE OF THE PUBLIC IN PROTECTION OF LAW AND ORDER IN THE 1940-60s.	5
--------------------------	---	---

ARCHEOLOGY AND QUESTIONS OF THE HISTORY OF ANCIENT RUSSIA

Gaidenko P. I. (Moscow)	"EVIL FOR EVIL TO DIE": PUNISHMENTS OF THE ANCIENT RUSSIAN BISHOPS (EXPERIENCE OF A CHURCH JUDGE OF THE XI - BEGINNING OF THE XIV CENTURIES)	17
----------------------------	--	----

TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Litvinenko P. V. (Moscow)	STRANGE NEOPHITES OF ISLAM: THE TRANSITION OF CHRISTIANS TO ISLAM IN RUSSIAN TURKESTAN.....	36
------------------------------	---	----

THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON

Bulygina T. A., Ambartsumyan K.R. (Stavropol)	TO THE QUESTION OF THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE CONCEPT "NEW HISTORICAL COMMUNITY - THE SOVIET PEOPLE" AND ITS IMPLEMENTATION IN THE 1970-1980S.....	52
Makhrachev G. S. (Tambov)	IMPLEMENTATION OF THE SOVIET POLICY REGARDING THE HOUSEHOLD INDUSTRY IN THE TAMBOV-SCHINA DURING THE YEARS OF MILITARY COMMUNISM	63
Semikin A. A. (Rostov-on-Don)	AGRARIAN POLICY AND DEVELOPMENT OF ANIMAL HUSBANDRY IN THE ROSTOV REGION IN 1953–1958S ...	76
Sherimet A. G. (Orenburg)	IDEOLOGICAL IMPACT IN THE PROVINCE OF THE 1920S: MONOPOLIZATION OF THE PROCESS.....	86

CULTUROLOGY AND ART

Kitaeva I. V. (Pyatigorsk)	COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS OF THE STATE OF MONASTERY COMPOUNDS OF THE KRASNODAR REGION, FOUNDED IN THE XIX AND XX CENTURIES.....	102
-------------------------------	---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Zhirov N. A., Lyapin D. A. Logunova N. V., (Yelets)	ON THE STUDY OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE SECOND HALF OF THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES	111
Shapiro B. L. (Moscow)	MODERN TEXTBOOK ON THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE: WHAT IS IT?.....	114

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	118
INFORMATION FOR AUTHORS.....	120

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Попова А. Д.
(Рязань)

УДК 94 (47)

**«КРЕПНУТ РЯДЫ БРИГАДМИЛА»:
РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ОХРАНЕ ПРАВОПОРЯДКА В 1940-60-Е ГГ.**

Статья анализирует опыт использования бригадмила и народных дружин в поддержании общественного порядка и в борьбе с преступностью и в 1940-60-е гг. Автор использовал архивные материалы и публикации ведомственных милицейских газет. Им показано, что в исследуемый период власти старались активизировать использование общественности в выполнении правоохранительных функций. Это было обусловлено как нехваткой кадров в условиях неблагоприятной криминогенной ситуации, так и идеологической установкой о народном характере государства. Анализ исторических источников позволил выявить целый спектр различных форм работы членов бригадмила: от патрулирования улиц до пресечения уголовных преступлений и задержания преступников. Автор уделяет внимание способам, используемым руководством советской милиции для пропаганды этого вида деятельности, как среди сотрудников милиции, так и среди населения. В статье освещается роль периодической печати в повышении престижа бригадмила, анализируются публикации на эту тему в ведомственных и общественных изданиях. Автор показывает процесс трансформации работы бригадмила и народных дружин, постепенную формализацию и бюрократизацию их деятельности, что привело к снижению ее эффективности.

Ключевые слова: бригадмил, добровольная народная дружина, милиция, борьба с преступностью, общество, правопорядок.

The article analyzes the role militia assistance brigades and people's squads played in the preservation of social order and in anti-crime campaigns in the 1940s-1960s. The author investigates archival materials and militia-issued newspapers. The author maintains that during the investigated period, the authorities did their best to encourage community to maintain law and order, which was necessitated by staff shortages. The analysis of historical documents enables the author to identify a whole number of tasks performed by militia assistance brigades such as street patrolling, crime prevention, criminal detention. The article shows what propaganda tools were used by Soviet militia officers to involve Soviet community groups in the preservation of law and order. The author focuses on the transformation of people's squads and their tasks and maintains that militia assistance brigades gradually grew inefficient because of bureaucracy.

Keywords: militia assistance brigades, people's volunteer squads, militia, anti-crime campaigns, society, community, law and order.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3-5-16

*Боремся мы за культуру,
Против стиляга и воров.
Ради успехов ОУРа
Каждый на подвиг готов.
Крепнут ряды бригадмила-
Славных друзей свердловчан.
В этом – великая сила.
Прочь уходи, хулиган!
(из самодеятельной песни
бригадмила Костромской области)*

Охрана общественного порядка и законности, борьба с противоправными проявлениями имеет целый спектр направлений работы. Одним из них является привлечение самого общества к этой работе. Как отмечает Г. В. Горбатенко, невозможно говорить об эффективности работы правоохранительных органов без их тесной связи с общественностью [12, с. 276]. В истории советской милиции всегда традиционно развивались различные формы взаимодействия милиции и народа. И дело было не только в основополагающем постулате идеологии советского государства, согласно которой власть в стране была народной и осуществлялась представителями народа.

Эффективная правоохранительная деятельность возможна только при сочетании работы профессиональных сотрудников органов внутренних дел с активной поддержкой населения. В отечественной истории были эпизоды, когда казалось, что достаточно только одной стороны. После падения монархии в 1917 г. полиция царской России была распущена и на смену ей пришла народная милиция, которая была организована как народная дружина: службу несли добровольцы, не имевшие специальной подготовки. Сложность криминальной обстановки вынудила советскую власть начать строительство советской милиции на профессиональной основе. Однако справиться с поставленными задачами без помощи общества было невозможно. Уже в первые годы советской власти стали создаваться не только новые органы внутренних дел, но и различные общественные формирования, задачей которых было содействовать работе милиции: крестьянские отряды самообороны, ночная охрана, комиссии общественного порядка, дружины по борьбе с хулиганством, комиссии внутреннего управления. В годы гражданской войны на добровольных началах стали формироваться Части особого назначения (ЧОН). Их активно привлекали к борьбе с кулацкими мятежами, бандитизмом, басмачеством. При этом ЧОНЫ не входили в состав войск ВЧК, но помогали им в поддержании советской власти. После окончания Гражданской войны потребность в них отпала, и они были расформированы.

Уже в условиях мирного времени потребовались новые формы организации общественности по охране порядка. 29 апреля 1932 г. Постановлением СНК РСФСР были созданы бригады содействия милиции [1, с. 290]. Членам БСМ доверяли охранять порядок в общественных местах, помогать сотрудникам уголовного розыска в задержании преступников, бороться с детской безнадзорностью.

После окончания Великой Отечественной войны задача борьбы с преступностью и охраны общественного порядка встала с новой силой. Сильный рост преступности, вызванный целым рядом факторов, усугублялся нехваткой профессиональных кадров. Поддерживать порядок в общественных местах, бороться с уличной преступностью было крайне тяжело из-за нехватки личного состава. Из-за нехватки людей 74 % наружных постов милиции были закрыты, что, безусловно, сказалось на ее возможностях по поддержанию общественного порядка [10, с. 16]. В начале 1950-х гг. органы милиции совместно с партийными и комсо-

мольскими органами стремились как можно больше расширить участие населения в охране общественного порядка.

Представляется важным исследовать исторический опыт участия общественности в правоохранительной деятельности в 1940-60-е гг. Этот период интересен именно тем, что в силу сочетания нескольких факторов (высокая потребность в эффективных мерах борьбы против преступности в силу ее сильного роста, нехватка профессиональных кадров, оживление общественной жизни в условиях «оттепели») активность этих форм работы была одной из наиболее высоких в нашей истории.

В 1950-е гг. работа по организации бригад содействия милиции регулярно обсуждалась не только на внутриведомственных совещаниях, но и в советских, партийных и комсомольских органах. Советские и партийные работники выступали с докладами на активах и собраниях членов БСМ.

В письме начальника политотдела главного управления милиции МВД Тиканова Секретарю ЦК ВЛКСМ товарищу А. Н. Шелепину от 8 октября 1954 г. анализируется деятельность бригадмилов. По республике в БСМ выделено 27527 комсомольца, из них 17390 уже приступили к работе, создано 110 комсомольских штабов по охране общественного порядка. Также, по мнению автора документа, успешно действует БСМ в Белоруссии. Там на 10 сентября в бригаде задействовано 7145 членов ВЛКСМ [5, л. 50]. В Молдавской ССР в этой работе было задействовано 1032 комсомольца, в Литовской ССР – 1032, в Удмурской АССР – 3000 [6, л. 167].

Высокая активность БСМ была в ряде крупных городов. В Москве в эту работу включилось 11 тысяч комсомольцев, в Ленинграде в мероприятиях по охране общественного порядка приняли участие более 60 тысяч членов ВЛКСМ.

В Воронеже действовало 86 инициативных групп общей численностью 600 человек [9, л. 59]. В Одессе к маю 1955 г. было создано 84 комсомольских групп по 10-15 человек в каждой, а всего задействовано 1130 человек для поддержания общественного порядка в клубах, кинотеатрах и других общественных местах [7, л. 25]. В Рязанской области в этой работе было задействовано 5000 человек. Всего в 1954 г. в состав БСМ входило 815 тысяч человек, среди них были рабочие, служащие, колхозники, учащиеся. Большое значение в развитии этой формы гражданской активности населения сыграла идеологическая установка власти 1950-х - начала 1960-х годов, которая стала трактовать тезис о народном характере власти слишком прямолинейно. Появилась идея, что официальные органы власти отойдут на второй план, а основную роль будут играть народные представители. Так в отправлении правосудия большую роль будут играть товарищеские суды, а в охране общественного порядка народные дружины. Эта концепция была озвучена Н. С. Хрущевым на XXI съезде партии: «Разве советская общественность не может справиться с нарушителями социалистического правопорядка? Конечно, может. Наши общественные организации имеют не меньше возможностей, средств и сил для этого, нежели органы милиции, суда и прокуратуры» [25, с. 94]. 2 марта 1959 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР было принято постановление «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» [1, с. 289]. В контексте реализации этой идеи в 1960 г. было принято новое Положение о добровольных народных дружинах РСФСР по охране общественного порядка [21]. Согласно Положению на дружинников возлагался довольно обширный круг задач: поддержание общественного порядка в местах массового скопления людей при проведении общественных мероприятий; борьба с хулиганством, пьянством, хищениями социалистической собственности, нарушениями правил советской торговли, спекуляцией и самогоноварением; обеспечение безопасности дорожного движения. Также члены народных дружин наделялись правом передавать материалы на нарушителей общественного порядка в товарищеские суды, вести воспитательную работу среди населения. В их сферу полномочий было отнесено право требовать документы у граждан, входить в общественные помещения, где осуществляется охрана общественного по-

рядка, доставлять нарушителей в милицию или поселковый совет, пользоваться телефонами предприятий.

Развитие деятельности бригады, а потом и народной дружины ставило новые задачи перед милицией. С одной стороны, милиция получала бесплатных помощников, нередко довольно активных и ответственных, но хлопот тоже хватало: нужно было организовывать их работу, учить, объяснять, что и как можно и нужно делать. В решении этой задачи большую помощь оказывали отставники, то есть бывшие сотрудники милиции, ушедшие в отставку. Многие сотрудники милиции после ухода в отставку считали своим долгом продолжать помогать своим бывшим коллегам. Учитывая это и уважая заслуги отставников, руководство МВД СССР в 1955 г. выпустило распоряжение № 214 о привлечении пенсионеров МВД к работе, в том числе и по охране общественного порядка. Например, в Белгородской области бригадами руководило 20 пенсионеров, в Читинской – 34, в Челябинской – 15 [7, л. 30]. Многие из пенсионеров показывали достойный пример бригадникам. Например, член БСМ, пенсионер УМВД Читинской области Гизатулин в 1955 г. лично задержал 20 нарушителей общественного порядка. Бывший начальник Черняховского горотдела милиции пенсионер УВД Калининградской области товарищ Маврин задержал и доставил в отделение 7 хулиганов [7, л. 31].

Члены бригад содействия милиции участвовали в охране общественного порядка в различных формах. В некоторых случаях целью было даже не пресечение нарушения правопорядка. В начале зимы 1959 г. в Костроме на дружинников возложили очень простую, но очень важную задачу: следить, чтобы люди не выходили на неокрепший лед, которым в морозные дни стала покрываться Волга. И это дежурство неоднократно помогло предотвратить трагедию: один раз взрослые успели перехватить маленького мальчика, который направился к полынье, а в другой раз помогли выбраться из воды мужчине, который провалился на льду в воду [3].

Однако наиболее распространенной формой работы было патрулирование улиц и дежурство в местах скопления людей, например, на танцах и вечерах отдыха с целью пресечения нарушений правопорядка. Например, штаб Октябрьского РК КПСС г. Рязани ежедневно выделял по городу Рязани 40-60 комсомольцев [4, л. 27]. В Одессе в летний период 1954 года на улицах выставлялось 42 комсомольских поста численностью 160 человек, кроме того, было организовано 45 подвижных маршрутов с участием 229 человек. 10 декабря 1954 года был проведен общегородской рейд по улицам города, в котором приняли участие 500 комсомольцев. За озорство и нарушение общественного порядка было задержано свыше 60 подростков. Задержанных доставляли в комсомольский штаб, где с ними проводилась воспитательная работа. В отдельных случаях были вызваны родители [7, л. 25]. Только за 1 квартал 1955 г. члены БСМ в Одессе пресекли 4 преступления, раскрыли 2, задержали 7 преступников, задержали 135 нарушителей общественного порядка, 102 нарушителей паспортного режима, изъяли 14 нищих с улицы.

В целом, украинские добровольные помощники милиции в 1954 г. задержали 138 хулиганов, 518 беспризорников, 647 нарушителей общественного порядка. В Рязанской области в 1954 г. при помощи БСМ было пресечено 29 преступлений, раскрыто 109, задержано 152 преступника, нарушителей общественного порядка 810, выявлено 170 нарушителей паспортного режима, изъято с улиц 105 нищих, подобрано 506 пьяных.

В некоторых случаях участники бригад содействия милиции участвовали и в более серьезных мероприятиях. По воспоминаниям выпускника (эпизод рассказан лично автору статьи) Рязанского государственного радиотехнического института (сейчас Рязанского государственного технического университета имени В. Ф. Уткина) Генри Ивановича Королева, студенты, которые были членами БСМ, принимали участие в поимке уголовных преступников. Здание радиотехнического института находилось в районе города, который в 1950-е гг. только застраивался. На улицах возводились типовые пятиэтажки, известные сей-

час как «хрущевки». Так как этот тип домов отличался небольшими по площади кухнями и микроскопическими кладовками, то обязательным было оборудование подвальных помещений под хранение домашних запасов. Злоумышленники использовали эти подвалы: через них они проникали в квартиры на первом этаже и обворовывали их. Студенты совместно с сотрудниками милиции сидели в этих квартирах в засаде и таким образом помогали задерживать воров с поличным.

Бригадмильцам из других городов тоже удавалось пресекать уголовные преступления. Например, целый ряд подобных примеров был в работе бригады милиции Ленинграда и Ленинградской области. Так, член бригады милиции Красносельского райотдела МВД В. Брюханов, проходя мимо общежития подсобного хозяйства фабрики «Веретено», обнаружил пролом стены в здании. Он понял, что произошла кража, и, следуя по следам на снегу, догнал и задержал вора. Бригадмильцы Лужского райотдела милиции Г. Шершнева и И. Сорокин в декабре 1946 г. задержали бежавшего из заключения гр. Павлова, оказавшего им вооруженное сопротивление. Они же задержали некоего Позднякова, находящегося в розыске за растрату. Бригадмильцы Киршишского райотдела М. Чернышев, В. Рогачев и И. Росилов в течение месяца задержали пятых воров и одного грабителя [11, с. 27].

Участвовали в раскрытии уголовных преступлений и отставники. Пенсионер УМВД Свердловской области Чемизов по заданию руководства выезжал в командировки и раскрыл несколько уголовных преступлений. С помощью пенсионеров МВД Татарской АССР Брагина и Жигулина было раскрыто хищение пшеницы в колхозе «Победа». Пенсионер УМВД Ростовской области Филатов помог органам милиции раскрыть кражу личного имущества [8, л. 32].

Пенсионерам, пожелавшим оказать содействие органам милиции, нашлась и еще одна работа: они читали лекции населению. В Ленинградской области в 1955 г. 150 пенсионеров систематически выступали с лекциями перед населением. Пенсионерами Ульяновской области было прочитано 33 лекции, пенсионерами Краснодарского края – 32. Регулярно подобная работа велась в Красноярском крае, Брянской, Воронежской, Ярославской и ряде других областей.

Наиболее опытные и подготовленные к преподавательской работе отдельные пенсионеры МВД даже проводили занятия с молодыми сотрудниками милиции на учебных пунктах и сборах. Например, во Львовской области на учебных сборах участковых, оперативных работников, командиров взводов бывшими офицерами было прочитано более 200 лекций [8, л. 66].

Важным аспектом развития общественного участия в защите правопорядка стало ведение разъяснительной работы среди самих сотрудников милиции. Руководство органами советской милиции старалось среди самих милиционеров вести разъяснительную работу о важности привлечения общественных помощников милиции, показать ресурсы и возможные формы работы с бригадмильцами. Большую роль в этом сыграла ведомственная печать, на страницах которой в середине 1950-х гг. довольно часто можно встретить публикации, где рассказывается о работе БСМ. Например, довольно типичной можно назвать публикацию участкового 4-го отделения г. Казани, младшего лейтенанта Н. Карпова в ведомственной газете «На страже». Участковый неоднократно подчеркивает, что в его работе особую роль играет связь с общественностью и в том числе помощь БСМ: «Главное крепить связь с массами, лучше изучить свой участок, чаще общаться с бригадмильцами, вести с ними воспитательную работу» [15]. Автор особо подчеркивает роль общественных помощников в соблюдении паспортного режима и приводит пример, когда с их помощью удалось задержать грабителя. «Надо признать, что без помощи я бы не смог разоблачить такого крупного уголовного преступника», - признается он. В другой публикации майор милиции Ф. Михеев, говоря о добросовестной службе участкового Чукаева, в качестве одного из главных достоинств героя публикации выдвигает именно хорошо организованную работу бригады

ла [20]. Аналогичные публикации регулярно появлялись в газете «Служим народу!», которая выпускалась Управлением внутренних дел Костромского облисполкома. В номере за 2 марта 1957 г. была опубликована статья «Общественность – наша опора», где рассказывалось о формах привлечения общественности к охране порядка в г. Галиче. А в другом номере участковый И. Воробьев рассказывает, как бригадмилы за три месяца помогли выявить и привлечь к ответственности 7 самогонщиков [2].

Подчеркивали важность организации работы бригадмила и сами руководители органов милиции. В той же казанской газете «На страже» в номере за 16 октября 1954 г. была опубликована статья за подписью начальника отдела службы Управления милиции г. Казани подполковника А. Локоткова «За активную работу бригад содействия милиции». Статья написана по классической схеме обсуждения какого-либо актуального вопроса. Вначале автор говорит о работе бригад содействия милиции как о важнейшей составляющей в работе органов милиции. Потом следует целый ряд позитивных примеров: указываются отделения милиции, фамилии сотрудников, которые смогли организовать эту работу на высоком уровне. Затем делается важное вступление, что не все еще сотрудники осознали важность этой работы и целый перечень примеров плохой организации работы в этом направлении. «Надо немедленно кончать с неповоротливостью в деле организации активной работы бригад содействия милиции», – указывает автор. Им дается ряд конкретных указаний и рекомендация: увеличить численность бригадмил, проводить совещания по обмену опытом, представлять к поощрению активных участников БСМ [19]. Аналогичные публикации были и в других ведомственных газетах. Например, Воронежская газета «Революционный страж» публикует статью «Больше внимания бригадмилу». И само название, и сам факт помещения этой статьи в качестве передовицы говорит об отношении милицейского руководства к работе бригадмила. «Бригадмил – большая армия наших добровольных помощников. При правильной организации работы с ними, умелом их использовании они составляют огромную силу, помогают успешно выполнять задачи, стоящие перед органами милиции», – составляла статья сотрудников органов внутренних дел [18].

Отчеты милицейского руководства показывают, что участие общественности в охране общественного порядка, и, прежде всего, деятельность БСМ содействовали улучшению правопорядка на городских улицах и снижению уровню преступности. Если в марте, апреле 1954 г. на территории Рязанской области совершалось от 56 до 67 хулиганских проявлений, то в мае их стало 38, в июне – 29.

В Скопине Рязанской области в марте 1954 г. было 7 хулиганских проявлений, в апреле – 9, в мае – 2, в июне – ни одного, в июле – 2, резко сократилось хулиганство в Рязске, Касимове, Михайлове. Значительно сократились карманные кражи [4]. Уголовная преступность в области в 1954 г. по сравнению с 1953 г. сократилась на 34%. Город Касимов – самый крупный город после Рязани. Однако, если в 1953 г. там было зарегистрировано 82 преступления, то в 1954 – всего 34. В Щацком районе в 1952 г. было зарегистрировано 62 преступления, в 1954 – всего 46. В Одессе преступность среди молодежи снизилась в 1954 году против 1953 г. на 77 случаев, в том числе и грабежей на 30 случаев [7, л. 218].

Всего благодаря усилиям членов БСМ в 1954 г. было пресечено 11383 преступлений, раскрыто 15029, задержано 23047 преступников и 135351 нарушителей общественного порядка [6, л. 168].

Следует отметить, что энтузиазм и активность людей в деятельности бригадмил не везде была одинаковой. Руководство милиции отмечало, что в некоторых регионах желающих работать в бригадах содействия милиции явно недостаточно. Например, в письме политотдела главного управления милиции МВД секретарю ЦК ВЛКСМ товарищу А. Н. Шелепину от 8 октября 1954 г. говорилось, что в Сталинграде бригадмилы выходят на патрулирование только двух районов города, а в Астрахани только 17 комсомольцев из 600 было оформлено в БСМ.

Особым вопросом является проблема мотивов участия людей в этом виде деятельности и способы привлечения к ней. Сами бригады содействия милиции позиционировались как добровольные объединения граждан, которые движимые гражданскими побуждениями помогают государству защищать покой в своем населенном пункте. Однако в документах МВД встречаются обороты, которые не совсем вяжутся с принципом добровольности. Например, в указанном письме имеются фразы: «...в Москве эта работа ослабла. Комсомольские организации должны были выделить 13000 членов ВЛКСМ в БСМ, но не выделили...» или «Комсомольские органы Сталинградской области по плану должны были направить в БСМ 4500 комсомольцев, а направили всего 1769 человек» [5, л. 54]. В последнем случае даже присутствует термин «план», что совсем не вяжется с принципом добровольности. Очень показателен заголовок в одном из номеров ведомственной газеты Костромской области: «Есть 10 000 дружинников, должно быть 50 000» [13]. Эта публикация рассказывала о заседании обкома партии Костромской области, на котором поднимался вопрос о повышении роли общественности в борьбе против преступности и нарушений общественного порядка. В работе пленума приняли участие представители общественности и правоохранительных органов, было отмечено, что роль общественности в охране общественного порядка велика, но проявляется она пока не достаточно ярко. Пока еще не везде активность народных дружин находится на должном уровне, поэтому было принято развернутое постановление, в котором в том числе и была поставлена задача увеличить численность дружин до 50 тысяч человек.

И в результате руководство советской милиции было вынуждено признать, что наряду с успехами в работе бригады встречаются элементарная показуха и формализм: «...многие члены БСМ числятся на бумаге, а практически в охране общественного порядка используются от случая к случаю» [6, л. 170]. Например, на Казанской железной дороге числилось 1200 бригадильцев, однако в общей сложности каждый из них посвятил работе в отряде не более 5 часов в год.

Конечно, нет оснований утверждать, что все члены БСМ становились ими по принуждению. Позитивной чертой отечественной ментальности является довольно лояльное отношение к идеям общественного служения, стремление содействовать процветанию общества своим личным трудом, в том числе и на бескорыстной основе. Поэтому призывы к различным общественным акциям, участию в общественном движении часто получали и получают большой отклик в обществе. При правильно поставленной агитации и мотивации общественная инициатива в нашем обществе способна принимать довольно широкие масштабы. Однако надо отметить и отечественную тенденцию облекать проявленную инициативу в рамки формальных отчетов: придумать показатели, составить план и объявить соревнование. Поэтому проявление инициативы нередко начинает сопрягаться с погоней за цифрами, что неизбежно приводит и к появлению дутых показателей, и к переходу от добровольного принципа к добровольно-принудительному. В конечном итоге, даже самая позитивная идея начинает чахнуть.

Надо отметить, что органы власти, партийные и комсомольские органы старались повысить престижность бригады, внушить обществу, что быть бригадильцем почетно и ответственно. Через ведомственную печать сотрудникам милиции объясняли, что они должны повышать в глазах бригадильцев их общественный статус, всячески морально стимулировать людей к этой работе, привлекать лучших комсомольцев и коммунистов: «Нужно организовать среди них разъяснительную работу так, чтобы каждый член БСМ выполнял свой общественный долг сознательно, понимая всю важность порученной ему работы» [19].

Некоторые публикации, рассказывающие о работе милиции с населением, фактически предлагали довольно четкий алгоритм действий с целью подражания. Например, статья в газете «Служим народу» органа УМВД Костромского обсполкома «Общественность наша

опора» доступным языком показывает, как этот вопрос решался в городе Галиче. Первым шагом стало проведение расширенной сессии горсовета, на которой присутствовало руководство органов УВД. Начальник городского отделения УВД выступил с докладом, где рассказал об актуальных задачах по охране общественного порядка и призвал оказать милиции всяческую поддержку. Соответственно бюро райкома партии потребовало от руководителей предприятий развернуть среди населения разъяснительную работу. Вторым шагом стала организация тематических вечеров на предприятиях и в колхозах, где обсуждались проблемы охраны общественного порядка. На них выступали как представители правоохранительных органов (прокуроры, работники милиции), так и сами работники. Автор заметки описывает подобное собрание в колхозе «Путь к коммунизму» и очень грамотно вставляет фразу, которая фактически является рекомендацией для последователей: «Конкретные факты задела за живое». И результат не заставил себя ждать: «Молодежь для поддержания порядка обязалась организовать комсомольские патрули» [24]. Статья дополнена визуальным материалом: на фотографии девушки – студентки Галичского сельскохозяйственного техникума, члены молодежного патруля с серьезным видом слушают инструктаж перед выходом на дежурство.

С этой целью слово в ведомственных газетах предоставлялось не только сотрудникам милиции, но и самим бригадильцам. 19 августа 1954 г. казанская ведомственная газета «На страже» поместила заметку под весьма говорящим названием «Быть бригадильцем – высокая честь». Автор – член бригады Г. Краевский рассказывает о своей деятельности: «...я убедился, насколько велика и почетна работа бригадильцев. Мне приходилось неоднократно предупреждать хулиганские выходки отдельных граждан, помогать заблудившимся детям найти своих родителей, участвовать в задержании преступника». Последнее становится главным центром притяжения внимания в этой статье – автор подробно рассказывает, как не просто пресекли попытку грабежа, но и задержали преступника и даже нашли выброшенный им нож, являющийся важной уликой [16]. «Работа в БСМ воспитывает в нас бдительность, настойчивость, умение ориентироваться в обстановке и другие качества, необходимые в борьбе за поддержание образцового общественного порядка», – делает выводы автор. О работе БСМ, а потом и народных дружин, писали не только ведомственные газеты. Печатные органы местных органов власти, комсомольской и партийной организаций тоже старались пропагандировать участие общественности в охране общественного порядка.

Особенно это стало активно ощущаться в начале 1960-х гг., когда было принято Положение о добровольных народных дружинах РСФСР по охране общественного порядка. Газета «Северная правда» – орган Костромского обкома КПСС и областного и городского совета депутатов в 1962 г. (номер за 1 июля) поместила статью с говорящим названием «"Мы в ответе за город родной". Будни народной дружины», в которой подчеркивалось, что именно работа народных дружин принесла спокойствие и порядок в места отдыха, на улицы города. Охрана общественного порядка представлена как благородное дело, достойное лучших представителей советской молодежи. Это была не единственная публикация, газета и ранее, и позже обращалась к этой теме, публикуя статьи тоже с весьма показательными названиями: «Поддержание общественного порядка – всенародное дело» (номер за 13 февраля 1960 г.), «Городу – образцовый общественный порядок» (номер за 10 апреля 1960 г.), «Общественный порядок охраняют жильцы» (номер за 24 августа 1961 г.).

Эти публикации старались подтвердить идеологическую линию партии о том, что народ сам может без участия государственных органов навести порядок, призвать к порядку нарушителей: «Жизнь убедительно показывает, что наша общественность может не только успешно вести борьбу с правонарушителями, но и в состоянии полностью искоренить преступность и всякого рода нарушения правил социалистического общежития. Нужно лишь, чтобы партийные органы повседневно и со знанием дела руководили работой товарищеских

судов и народных дружин, комсомольцы и коммунисты стали ведущей силой за образцовый общественный порядок» [14].

Также регулярно обсуждали работу БСМ, а потом и народных дружин, газета Одесского обкома ЛКСМ Украины «Комсомольское племя», газета ленинградского комсомола «Смена». Во всех публикациях активно использовались примеры благородных поступков членов народных дружин, указывались их имена, подчеркивалось, что эти люди поступают так, как подобает поступать настоящим советским людям, что их поступки заслуживают не просто одобрения, а должны стать образцом для поведения остальных советских граждан. Газета «Смена» даже опубликовала письмо работницы «Электросила» Ф. Солнцевой, где она благодарит студента географического факультета Института имени Герцена Г. Иванова, который защитил ее от уличных хулиганов [23]. Более того, публикации старались подчеркнуть, что моральный авторитет дружинников имеет даже большее воздействие, чем милиционера, который является официальным представителем власти: «Дружиннику до всего есть дело, а права у него большие, больше, пожалуй, чем у сотрудника милиции. Скажем, явился в парк молодой человек, разодетый как попугай, милиционер не остановит его и не скажет: “Гражданин, Вы неприлично одеты, платите штраф”. Не скажет он и неприлично танцующей девице. А дружинники, особенно девушки, могут остановить таких “стиляг” и вежливо разъяснить, что у них дурные вкусы» [22].

Для поощрения активистов бригадмиллов даже организовывались культурно-массовые мероприятия. Например, летом 1959 г. для активистов БСМ г. Костромы была организована поездка в Москву для осмотра достопримечательностей. Юноши и девушки увидели соборы Кремля, здание Московского университета, Лужники. Публикация ведомственной милицейской газеты не просто рассказала об этом мероприятии, но приложила максимум усилий, чтобы этой публикацией поднять авторитет БСМ. Поездка была представлена не просто интересной и увлекательной, но и как общение единых по духу людей, которые объединены единой целью. Неслучайно в статье приведены слова песни бригадмилловцев, которые вроде как рождаются на ходу в дороге и вынесены в качестве эпиграфа настоящей статьи: «Крепнут ряды бригадмила - / Славных друзей свердловчан». Слова самих бригадмилловцев подчеркивают, что они видят свою деятельность как очень важную форму служения обществу и что их усилия очень ценятся сотрудниками милиции: «Мы чувствуем, что сотрудники отдела относятся к нам не только как к кандидатам в понятия или к добровольным помощникам при доставке пьяных в вытрезвитель, а заботятся и о нашей личной жизни, учебе, работе. Поэтому мы и готовы жертвовать своим личным временем для оказания помощи милиции» [17]. Однако пока не удалось обнаружить данные, что подобные акции имели массовый характер.

Формально добровольные народные дружины приняли массовый характер. Как указывает В. Б. Белоусов, в 1963 г. в стране насчитывалось около 130 тыс. народных дружин с численностью 4 млн. человек. Однако он же признает, что с течением времени работа добровольных народных дружин перерождалась, обрастая формализмом и становясь лишь ширмой народной активности: в результате проведенного в конце 1980-х гг. социологического обследования было выяснено, что 44,8 % дружинников состояли членами ДНД не по собственному желанию, 77,8 % отмечали неэффективность своей работы. К сожалению, это было характерно для многих полезных инициатив в советский период: рождалась хорошая идея, ее подхватывали широкие массы, но затем в бюрократической системе возникали планы, показатели, соревнования, отчеты и в результате здоровая инициатива превращалась в рутину и обязательку: «Палочная система оценки их деятельности, нарушение принципа добровольности участия граждан и стремление необоснованно расширить число участников дружин, недостатки в организации их деятельности, формально-привычные подходы к делу, явно не способствовали развитию форм участия трудящихся в охране общественного порядка и укреплению общественного мнения о роли ДНД» [1, с. 292]. В результате сам образ участия в охране общественного порядка сильно

трансформировался: «Отношение граждан к участию в народных дружинах с годами тоже менялось. Из почетной обязанности и выполнения гражданского долга оно стало восприниматься как возможность зарабатывания отгулов и отлынивания от производственных обязанностей» [11].

Таким образом, анализ исторических фактов показывает, что организация бригадмилла и добровольных народных дружин стала важным направлением работы органов внутренних дел в послевоенные годы и в годы «оттепели». Этому содействовали как сложности времени (нехватка профессиональных кадров на уровне высокого уровня преступности), так и идеологическая установка в слишком упрощенном понимании народного характера государства. Организация работы бригадмиллов включала решение нескольких задач: выбор форм их работы в охране общественного порядка, распространение позитивного опыта среди сотрудников милиции, пропагандирование этой формы деятельности среди населения. Партийные, комсомольские и советские органы старались через различные формы пропаганды внушить обществу, что быть дружинником почетно. В то же время и эта форма общественной активности не избежала постепенной формализации и бюрократизации, что в конечном итоге привело к снижению эффективности этой работы. Исторический опыт использования общественной помощи в охране порядка показывает, что без опоры на общественность органы внутренних дел не могут эффективно выполнять свои функции. Однако надо тщательно выбирать формы вовлечения общественности в охрану общественного порядка, чтобы они не превращались в формальность и не создавали дополнительные проблемы работе органов полиции.

Список источников и литературы

1. Белоусов, В. Б. (2005). *Функции общественности в охране общественного порядка: хронология становления* // Вестник ТГТУ. Том 11. № 1Б. С. 286-299.
2. Воробьев, И. (1959). *Опираясь на помощь бригадмила* // Служим народу. Орган руководства и парткома Управления внутренних дел Костромского облисполкома. 21 марта.
3. Воронин, Н. (1959). *Дружинники* // Северная правда. 17 декабря.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 493.
5. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 513.
6. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 518.
7. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 533.
8. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 619.
9. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 636.
10. Герман, Р. Б., Герман, О. Б. (2001). *Подготовка, обучение и воспитание кадров милиции в первые послевоенные годы* // Юрист-Правовед. № 1. С. 16-18.
11. Говоров, И. В., Ремнева, С. В. (2007). *Из истории развития общественных формирований по содействию органам милиции в СССР в 1920-80-е гг.* // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. № 4. С. 25-31.
12. Горбатенко, Г. В. (2018). *Деятельность обществ содействия органам милиции и уголовного розыска и бригад содействия милиции в 1930-е гг. в СССР* // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. № 4-1. С. 276-280.
13. *Есть 10000 дружинников, должно быть 50000* (1959). // Служим народу. Орган руководства и парткома Управления внутренних дел Костромского облисполкома. 19 декабря.
14. *Искоренить нарушения общественного порядка* (1960). // Северная правда. 27 июля.
15. Карпов, Н. (1954). *Отлично нести службу!* // На страже. Орган политотдела Управления милиции Татарской АССР. 1 января.

16. Краевский, Г. (1954). *Быть бригадмилецом – высокая честь!* // На страже. Орган политотдела Управления милиции Татарской АССР. 19 августа.
17. Крючков, А., Нечаева, Г. (1959). *Бригадмилёцы едут в Москву* // Служим народу. Орган руководства и парткома Управления внутренних дел Костромского облисполкома. 1 августа.
18. Кузнецов, Г. (1955). *Больше внимания бригадмилу* // Революционный страж. Орган политчасти УМ УМВД по Воронежской области. 19 мая.
19. Локотков, А. (1954). *За активную работу бригад содействия милиции* // На страже. Орган политотдела Управления милиции Татарской АССР. 16 октября.
20. Михеев, Ф. (1954). *На его участке хороший порядок* // На страже. Орган политотдела Управления милиции Татарской АССР. 8 августа.
21. На боевом посту (1960). Орган УВД Архангельского облисполкома. 21 мая.
22. Сильверстов, Ю. (1962). *«Мы в ответе за город родной...»* // Северная правда. 13 июля.
23. Смена (1955). 12 ноября.
24. Хорьков, Н. (1957). *Общественность – наша опора* // Служим народу. Орган руководства и парткома Управления внутренних дел Костромского облисполкома. 2 марта.
25. Хрущев, Н. С. (1959). *О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 гг. Доклад XXI съезду Коммунистической партии Советского Союза* // Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. Москва: Государственное издательство политической литературы. 259 с.

References

1. Belousov, V. B. (2005). *Funkcii obshhestvennosti v ohrane obshhestvennogo porjadka: xronologiya stanovleniya* [Functions of the public in the protection of public order: a chronology of formation] in Vestnik TGTU, t. 11, 1B, 286-299. (in Russian).
2. Vorob`ev, I. (1959). *Opirayas` na pomoshh` brigadmila* [Relying on the help of the Brigadier] in Sluzhim narodu. Organ rukovodstva i partkoma Upravleniya vnutrennix del Kostromskogo oblispolkoma, 21 marta. (in Russian).
3. Voronin, N. (1959). *Druzhinniki* [Vigilantes] in Severnaya pravda, 17 dekabrya. (in Russian).
4. Gosudarstvenny`j arxiv Rossijskoj Federacii (GARF) F. R-9415. Op. 3. D. 493. (in Russian).
5. GARF. F. R-9415. Op. 3. D. 513. (in Russian).
6. GARF. F. R-9415. Op. 3. D. 518. (in Russian).
7. GARF. F. R-9415. Op. 3. D. 533. (in Russian).
8. GARF. F. R-9415. Op. 3. D. 619. (in Russian).
9. GARF. F. R-9415. Op. 3. D. 636. (in Russian).
10. German, R. B., German, O. B. (2001). *Podgotovka, obuchenie i vospitanie kadrov milicii v pervy`e poslevoenny`e gody`* [Training, education and education of police personnel in the first post-war years] in Yurist-Pravoved, 1, 16-18. (in Russian).
11. Govorov, I. V., Remneva, S. V. (2007). *Iz istorii razvitiya obshhestvenny`x formirovanij po sodejstviyu organam milicii v SSSR v 1920-80-e gg.* [From the history of the development of public formations to assist the police in the USSR in the 1920-80s.] in Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD, 4, 25-31. (in Russian).
12. Gorbatenko, G. V. (2018). *Deyatel`nost` obshhestv sodejstviya organam milicii i ugolovnogo rozy`ska i brigad sodejstviya milicii v 1930-e gg. v SSSR* [The activities of the societies for the assistance to the police and the criminal investigation department and police

assistance brigades in the 1930s. in USSR] in *Obshhestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III ty'syacheletii*, 4-1, 276-280. (in Russian).

13. *Est' 10000 druzhinnikov, dolzhno byt' 50000* (1959). [There are 10,000 vigilantes, there should be 50,000] in *Sluzhim narodu. Organ rukovodstva i partkoma Upravleniya vnutrennix del Kostromskogo oblispolkoma*, 19 dekabrya. (in Russian).

14. *Iskorenit' narusheniya obshhestvennogo poryadka* (1960). [Eliminate public disorder] in *Severnaya pravda*, 27 iyulya. (in Russian).

15. Karpov, N. (1954). *Otlichno nesti sluzhbu!* [Excellent service!] in *Na strazhe. Organ politotdela Upravleniya milicii Tatarskoj ASSR*, 1 yanvarya. (in Russian).

16. Kraevskij, G. (1954). *Byt' brigadmil'cem – vy'sokaya chest'!* [Being a brigadier is a great honor!] in *Na strazhe. Organ politotdela Upravleniya milicii Tatarskoj ASSR*, 19 avgusta. (in Russian).

17. Kryuchkov, A., Nechaeva, G. (1959). *Brigadmil'cy edut v Moskvu* [Brigadiers go to Moscow] in *Sluzhim narodu. Organ rukovodstva i partkoma Upravleniya vnutrennix del Kostromskogo oblispolkoma*, 1 avgusta. (in Russian).

18. Kuznecov, G. (1955). *Bol'she vnimaniya brigadmilu* [More attention to brigadier] in *Revolucionnyj strazh. Organ politchasti UM UMVD po Voronezhskoj oblasti*, 19 maya. (in Russian).

19. Lokotkov, A. (1954). *Za aktivnuyu rabotu brigad sodejstviya milicii* [For the active work of police assistance teams] in *Na strazhe. Organ politotdela Upravleniya milicii Tatarskoj ASSR*, 16 oktyabrya. (in Russian).

20. Mixeev, F. (1954). *Na ego uchastke xoroshij poryadok* [His area is in good order] in *Na strazhe. Organ politotdela Upravleniya milicii Tatarskoj ASSR*, 8 avgusta. (in Russian).

21. *Na boevom postu* (1960). *Organ UVD Arxangel'skogo oblispolkoma*, 21 maya. (in Russian).

22. Sil'verstov, Yu. (1962). «*My v otvete za gorod rodnoj...*» [“We are responsible for our native city...”] in *Severnaya Pravda*, 13 iyulya. (in Russian).

23. *Smena* (1955). 12 noyabrya. (in Russian).

24. Xor'kov, N. (1957). *Obshhestvennost' – nasha opora* [The public is our backbone] in *Sluzhim narodu. Organ rukovodstva i partkoma Upravleniya vnutrennix del Kostromskogo oblispolkoma*, 2 marta. (in Russian).

25. Xrushhev, N. S. (1959). *O kontrol'nyx cifrax razvitiya narodnogo xozyajstva SSSR na 1959-1965 gg. Doklad XXI s'ezdu Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [About the control figures of the development of the national economy of the USSR for 1959-1965. Report to the XXI Congress of the Communist Party of the Soviet Union] in *Materialy vneocherednogo XXI s'ezda KPSS. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury*. (in Russian).

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Гайдено П. И.
(Москва)

УДК 93/94

**«ЗЛЫИ БО ЗЛЪ ПОГИБНЕТЬ»: НАКАЗАНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ АРХИЕРЕЕВ
(ОПЫТ ЦЕРКОВНОГО ПРАВОСУДИЯ XI – НАЧАЛА XIV ВВ.)**

При всем внимании отечественной историографии к жизни древнерусских епископов проблема наказания архиереев нечасто привлекала внимание исследователей. Если интерес к отмеченной теме и возникал, то преимущественно в рамках отдельных сюжетов. Однако комплексного рассмотрения проблемы наказания древнерусских архиереев XI – первой четверти XIV вв. не проводилось. Между тем, анализ источников позволяет заключить, что при всей высоте своего служения древнерусские архиереи не только регулярно оказывались перед лицом различных судов, но и подвергались разнообразным наказаниям, как церковным, так и тем, которые имели место в практике Византии и Руси. В рамках представленной статьи предпринята попытка систематизировать различные наказания, применявшиеся в отношении архиереев в XI – первой четверти XIV вв. Автор приходит к выводу, что, несмотря на свой высокий общественный и иерархический статус, древнерусские архиереи регулярно подвергались разнообразным наказаниям, как церковным, так и тем, которые предусматривались византийскими нормами права или правовыми обычаями Руси. Далеко не всегда эти наказания были справедливыми. Однако можно уверенно говорить о том, что правовая культура внутри церкви объяснялась сильным влиянием византийских правовых традиций. При этом наказания архиереев отличались своей суровостью, включая не только сугубо церковные меры вразумления и наказания, так и те, которые отражали нормы Римского права и правовых представлений, существовавших на Руси, вплоть до разграбления и вынесения смертного приговора. С канонической точки зрения далеко не всегда наказания, которые налагались на архипастырей, были обоснованы. Тем не менее, даже в этом случае древнерусские книжники воспринимали их как соответствующие реалиям древнерусской действительности и даже справедливые.

Ключевые слова: История Древней Руси, история Русской Православной Церкви, история церковного права, каноническое право, церковный суд.

With all the attention of Russian historiography to the life of ancient Russian bishops, the problem of punishing bishops did not often attract the attention of researchers. If there was any interest in the noted topic, it was mainly within the framework of individual plots. However, a comprehensive consideration of the problem of punishment of ancient Russian bishops of the XI - the first quarter of the XIV was not carried out. Meanwhile, an analysis of the sources allows us to conclude that, for all the height of their ministry, the ancient Russian bishops not only regularly found themselves in the face of various courts, but were also subjected to various punishments, both ecclesiastical and those that took place in the practice of Byzantium and Russia. Within the framework of the presented article, an attempt was made to systematize the various punishments applied to bishops in the 11th - first quarter of the 14th centuries. The author comes to the conclusion that, despite their high status, the ancient Russian bishops were regularly subjected to various punishments. These punishments were not always fair. However, we can confidently say that the legal culture within the church was explained by the strong influence of Byzantine legal traditions. From a canonical point of view, punishments were far from always justified. But even in this case,

the Old Russian scribes perceived them as corresponding to the realities of Old Russian reality and even fair.

Keywords: History of Ancient Russia, history of the Russian Orthodox Church, history of church law, canon law, church court

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3-17-35

Сообщая о суде над владимирским епископом Феодорцом и последовавшей после жестокой и крайне мучительной расправе, к которой был приговорен смещённый с кафедры, униженный и проклятый святитель, летописец представил произошедшее как чудо, которое «сътвори Бѣ и стѣаѣ Бѣа». Если верить словам книжника, то совершенный митрополитом суд над «пронырливым и гордым льстецом» «лживым» епископом Феодорцом произвел на русские элиты огромное впечатление. А истинность вынесенного решения была засвидетельствована неким чудом, совершившимся в тот же год в Киеве: «В тоѣ . лѣ . чюдо створи Бѣ . и стѣаѣ Бѣа . цркѣвѣ Десатиннаѣ . в Киевѣ юже бѣ создалъ Володимѣрь . и . крѣтилъ землю . и даль бѣ десатину цркѣви тои . но всеи Руськой земли . створи же та Мати Бжѣи чюдо . паче нашеѣ надежа» [38, стб. 355]. При всей искренней христианской эмоциональности упомянутого летописного сообщения, призванного продемонстрировать величие Божественной милости и любви к своей церкви через демонстративно жестокую казнь епископа, в основу сообщения, скорее всего, были положены не личные наблюдения автора, а текст вынесенного приговора¹, который дополнили обстоятельствами мучительной для приговорённого, но назидательной для современников и потомков кончины низложенного архиерея. Всё в этом летописном рассказе указывает на то, что в Киеве, и, возможно, не только в нём, казнь Феодорца была воспринята в качестве своего рода торжества высшей справедливости. Время же позволяет посмотреть на произошедшее спокойнее.

Уже предварительный анализ событий восьмисотлетней давности позволил историкам конца XX – начала XXI вв. иначе оценить произошедшее в Матери городов Русских. Разделить с летописцем душевную радость от состоявшейся беспредельно жестокой расправы над Феодорцом мешает контекст тех событий. Именно в эти годы Киев впервые в своей истории оказался разграбленным в результате союзного похода русских князей против своего стольного города. Та же эпоха ознаменовалась и неправым судом русского первоиерарха над Печерским игуменом Поликарпом. Именно эта «митрополичья неправда», по мнению летописца и свидетелей происходившего, привела города к падению перед союзными русскими дружинами под командованием Мстислава Андреевича. В итоге, описанные книжником события и расставленные оценки, казавшиеся многим поколениям убедительными и не подлежащими пересмотру, по мере взросления отечественной исторической науки стали вызывать определённое недоверие и даже скептические возражения. Одним из первых, кто высказал в отношении совершённого над Феодором митрополичьего суда отличное мнение, стал Н. Н. Воронин, заметивший одну немаловажную особенность в системе оценок летописца. Старательно перечислив все пороки владимирского епископа, древнерусский книжник совершенно не принял во внимание заслуг Феодора перед Ростовской землёй. Между тем, святительство архипастыря во владениях Андрея Юрьевича было отмечено целым рядом важнейших церковных событий: от прославления первых Ростовских архиереев до установления почитания Владимирской иконы Божией Матери².

Не менее сомнительными для современных историков оказались как обстоятельства «выдачи» Феодорца митрополиту, так и самого суда с последовавшим приговором. Так, в

¹ Данная мысль была высказана Н. Н. Ворониным [6, с. 116].

² О деятельности Феодора в Суздальской и Ростовской земле см. исследование Н. Н. Воронина [6, с. 104-105].

современных исследованиях уже обращалось внимание на то, что летописцы предусмотрительно изгладили имена участников собора, осудившего Феодора, «возложив» сомнительную заслугу за расправу над «еретиком» на одного лишь русского первосвященника. Анализируя летописные известия о мучениях, к которым был приговорён Феодорец, И. Н. Данилевский не исключил возможности того, что предложенная летописцем версия суда и обвинений, которые по праву должны быть адресованы и к Андрею Юрьевичу Боголюбскому, чьей кратурой являлся Феодор, стала результатом существенной редакторской правки [14, с. 88-90].

Выводы А. Ю. Виноградова вполне обоснованно показали, что расправа (мучительная пыточная экзекуция), которой был подвергнут Феодор, хоть и позволяет реконструировать наиболее существенные обвинения, выдвинутые против архипастыря, но демонстрирует крайнюю избыточность вынесенного судом вердикта. Применённые экзекуции явно превышали те вины, которые были старательно перечислены летописцем [5]. Приходится признать, что с точки зрения церковных канонов, как сам суд, так и вынесенный приговор представляются неоднозначными и при детальном рассмотрении вызывают недоумение. Ещё большее смущение вызывает то, что решение о вынесении впечатляюще чудовищной членовредительной меры было санкционировано митрополитом¹. Однако, если этот удивляющий своей жестокостью приговор вынес русский первоиерарх, то возникают закономерные вопросы: имел ли он на это право, с точки зрения церковных законов и канонов? Более того, можно ли доверять летописцу, сообщающему о том, что Феодор был выдан для расправы его покровителем Андреем Юрьевичем Боголюбским? Не стал ли Киев для властного архиерея ловушкой, подготовленной врагами суздальского князя и его любимца?

Однако пример наказания Феодорца – не единственный пример жестокости, проявленной в церковной среде при вынесении приговора в отношении обвиняемых, в том числе священнослужителя. Примеры таких наказаний хоть и немногочисленны, но показательны. Например, жестокому наказанию был подвергнут по воле смоленского епископа Игнатия преподобный Авраамий. Перед судом и во время него священник был подвергнут публичному поруганию и унижен, а в заточении лишен пищи [16, с. 42-47]. Сам упомянутый Феодорец при вынесении приговоров в отношении знатных ростовцев и ростовского духовенства также не стеснял себя ограничениями, выбирая в отношении своих оппонентов меры наказания². В итоге, исследовательница русского средневековья Е. В. Белякова предположила, что имевший место на Руси перевод Эклоги «мог быть сделан в связи с деятельностью Феодорца <...>, в чьей деятельности летописец отмечает крайнюю жестокость, связанную с применением византийских уголовных норм» [4, с. 51]. В кандалы по воле киевского князя был закован Туровский епископ Иоаким [38, стб. 314; 39, стб. 330]. Подобные действия противоречили букве и духу канонов, запрещавших подобные действия в отношении святителей³. Правда, есть надежда, что Иоакима дальнейшая судьба оказалась более

¹ «митрополитъ же Костантинъ повелѣ юму азыкѣ оурѣзати . аюко злодѣю и еретику . и руку правую оутати . и вчи ему³ вынати . зане хулу измолви на стѣю Бѣю . потребляють бо са грѣшници ѿ земля . и незаконници аюко | и не быти имъ . и сбѣса слово еуальское на не^м глѣе . еюже мѣрою мѣри[те] и^и възмѣрится ва^м . и имже судомъ судите суди^тса ва^м . судъ бо безъ мл^сти не створшему мл^сти .» [39, стб. 356].

² «Много бо пострадаша члѣвци ѿ него . въ держаньи юго . и сель избебѣвши и вружѣа . и конь . друзии же и роботы добыша . заточеньѣ же и грабленьѣ . не токмо простѣемъ но и мнихомъ . игуменомъ и ерѣемъ . безмл^стѣвъ сѣи мучитель . другымъ члѣкомъ головы порѣзѣвае и бороды . иным же вчи възжигает . и азыкѣ оурѣзает . а инымъ распинает по стѣнѣ . и муча немл^ствнѣ . хотя исхитити Ж ѿ всѣхъ имѣнь . имѣньѣ бо бѣ не сътъ акты адъ» [39, стб. 355-356].

³ VIII и IX главы СХХIII Новеллы имп. Юстиниана категорически запрещают кому-либо принуждать епископа к явке в суд или проявлять в отношении епископа какое-либо насилие [30, с. 31-32]. Однако и в империи епископы подвергались наказаниям и экзекуциям на основании решения судов. Однако, в большинстве случаев это происходило лишь в двух случаях: либо архиерей был замешан в политическом заговоре, либо по причине порочности своей частной жизни. Правда, интерес к частной жизни архипастырей

счастливой. Присутствие имени Иоакима («попин Яким») среди свидетелей земельной сделки, зафиксированной в форме граффити на одной из икон Софийского собора в Киеве, дало выдающемуся советскому и украинскому историку С. А. Высоцкому основание предположить, что после своего низложения Иоаким пребывал не «в железе», а числился среди клириков митрополичьего храма [7, с. 60-63]. Поэтому необходимо проанализировать, во-первых, то, кем и каким наказаниям могли быть подвергнуты святители в домонгольской Руси, и, во-вторых, ответить на вопрос: чем можно объяснить ту жестокость, с какой нередко происходила расправа над русскими архипастырями? Конечно, было бы хорошо проследить и то, насколько эти наказания, как в процедурном отношении, так и по своей форме соответствовали церковным канонам и практикам Византии. Однако последнее нуждается в исследовании, объём которого видится значительно превышающим возможности статьи.

Исторические сюжеты, связанные с наказаниями архиереев, неоднократно рассматривались в историографии. Среди тех, кто обращался к отмеченным историческим образам и летописным историям, значатся митрополит Макарий (Булгаков), Е. Е. Голубинский, Н. Н. Воронин и др. [28, с. 296-297; 13, с. 439-443; 6, с. 110-118].

Отдавая должное достижениям исследований XIX и XX вв. в области истории церковного права и истории русского права, приходится признать, что многие аспекты древнейшего, домонгольского, периода истории Русской церковной иерархии оставались малоизученными. Провиденциализм русской церковной исторической мысли дореволюционной России, изучением которого занимался Н. И. Солнцев [48], оставил свой отпечаток и на исторических трудах по истории канонического права в России. Сформировавшиеся в условиях дореволюционной России историко-канонические взгляды в значительной мере продолжали транслироваться на протяжении всего XX в. и даже в советской науке. Более того, скудость источников и спорадичность известий, которые так или иначе отражали историю древнерусского права XI-XIII вв., ещё более охлаждали энтузиазм отечественной историко-правовой мысли. В итоге, в силу перечисленных причин проблема наказания древнерусских архиереев на протяжении долгого времени крайне редко привлекала внимание исследователей уже в силу своей специфики, оставаясь областью интересов крайне небольшого числа авторов и находя своё отражение преимущественно при рассмотрении отдельных исторических сюжетов без вынесения обобщающих выводов в отношении эпохи. В связи с этим представляет интерес уточнить то, каким наказаниям подвергались архиереи, оказавшиеся перед судом церкви, князя или городского веча.

Одними из первых, кто проявил особый интерес к теме наказания архипастырей, обозначив таковую в качестве отдельной самостоятельной проблемы, должны быть названы В. В. Мильков, А. Ю. Виноградов и О. Г. Ульянов, поднявший проблему апелляции в церковных судах Древней Руси [54]. Анализ рассмотренных ими сюжетов наказания епископов Луки Жидяты [28, с. 296-297; 13, с. 439-443; 6, с. 110-118] и расправы над епископом Феодором [42, с. 118; 43, с. 91; 31, с. 146-152; 15, с. 65-70] позволяет говорить о том, что в своих наблюдениях отмеченные исследователи выявили проблемы, вышедшие далеко за рамки обычного рассмотрения локальных исторических сюжетов. Определённым итогом прило-

---

возникал лишь в том случае, если епископ оказывался заподозренным в политической неблагонадёжности (представляет интерес исследование Д. Е. Афиногенова [3]). Примечательно, что отмеченный принцип присутствовал в русской церковноправовой практике и в более позднее время. Наказанию архиерея в светском суде как правило, предшествовало церковное наказание в виде лишения сана, а порой монашества. С этого момента низложенный архипастырь оказывался совершенно беззащитным перед всесилием государственного суда. Именно таков был порядок низложения митрополита Филиппа Колычева, патриарха Иова, епископа Арсения (Мацеевича) и др. Такая практика соответствовала XXI главе СХХIII новеллы Юстиниана: «если кто-то будет обвиняем перед епископом, и тот сможет установить истину, то да извергнет его из чести, то есть из <духовного> сана, в соответствии с церковными канонами, а затем пусть им занимается (συνεχέτω) полномочный (πρόσφορος) судья и, рассмотрев дело по законам, доведет его до конца» [30, с. 39].

женных в данном направлении усилий может считаться коллективная монография Ю. В. Оспенникова и его коллеги, вышедшая в Барсовском обществе Санкт-Петербургской духовной академии, – «Церковный суд на Руси XI–XIV веков. Исторический и правовой аспекты» [33]. Не менее интересными видятся наблюдения московской исследовательницы И. А. Устиновой, обратившейся к теме наказания в церковной среде Руси в XVII в. [56]. Вместе с этим, проблема церковных судов и наказаний в отношении духовенства и церковных лиц ещё не может считаться разрешённой. Всё сделанное – лишь камни формирующегося фундамента, но не сами стены обширной и, несомненно, важной темы.

Древнерусские источники, прежде всего, летописи, дают основание говорить о том, что русские святители регулярно оказывались перед лицом патриаршего¹, митрополичьего², княжеского³, совместного с представителями княжеской власти соборного⁴ и даже вечевого судов⁵. Впрочем, при всей регламентированности церковных судов в системе канонических норм церкви, не всегда представляется возможным определить границу того, когда и при каких условиях на епископа, как, впрочем, и иного клирика могло возлагаться наказание в пределах духовного вразумления духовником (например, в форме епитимии или духовного совета-назидания⁶), когда вышестоящий иерарх в рамках своих церковно-административных полномочий мог самостоятельно наказать своего клирика или подчинённого архипастыря, и, наконец, когда проступок лица, обличённого саном, требовал непременно созыва суда. Не всегда ясно и то, чем, а точнее, какими нормами руководствовались архиереи и церковные суды при вынесении своих решений. Корпус мер прещения за церковные проступки по церковным канонам был весьма ограничен⁷. Это принципиально

---

¹ Перед патриархом, как перед высшей апелляционной инстанцией оказывались епископы Леон и Феодор. Судя по всему, к патриаршему суду апеллировал епископы Лука Жидята и Нестор. Нельзя исключать того, что вопрос о Клименте Смолятиче тоже был рассмотрен в патриархии следствием чего стало временное отстранение рукоположенных Климентом клириков Софийского собора. Нельзя исключать того, что исчезновение со страниц летописи виновника напрасных обвинений в адрес Печерского игумена Поликарпа черниговского архиерея Антония, и последовавшее за этим возвышением обиженного им настоятеля монастыря святых Антония и Феодосия в архимандриты, также стало результатом апелляции представителей княжеского рода в Константинополь [59, с. 159-160; 60, с. 68] или личной инициативой патриарха, как предположил А. Поппэ, желавшего примирить споры о постах между митрополитом и Печерским игуменом [45, с. 460]. Вероятно, исчезновение митрополита Константин II со страниц летописи связана с его отзывом в Константинополь [37]. Впрочем, в ряде случаев о таковых судах можно говорить только предположительно или гипотетично, как, например, в случае с Поликарпом Печерским, возведение которого в архимандриты в результате патриаршего суда, было оспорено А. Ю. Артамоновым [2].

² К суду митрополита призывались или прибегали к его помощи Лука Жидята, Леон Ростовский, (вероятно) Нестор Суздальский, Нифонт Новгородский и др.

³ Перед княжеским судом оказывались или, по меньшей мере, сталкивались с княжеским гневом, Иоаким Туровский (1146), Кирилл Ростовский (1228) и епископы Галича и Перемышля Артемий (1241) [39, стб. 452; 40, стб. 330, 793-794].

⁴ Летописание сообщает о двух подобных судебных собраниях, на которых происходил рассматривались обвинения против архиереев. Во-первых, это спор о постах между Феодорцом и ростовским епископом Леоном и уже упоминавшийся выше суд «на сонме» над Ростовским епископом Кириллом [39, стб. 351-352, 452].

⁵ Права вечевого суда над архиереями уже рассматривались в историографии. Примеры этого преимущественно встречаются в истории Новгорода, где по воле веча или местных элит архиереи неоднократно подвергались наказаниям [9].

⁶ В качестве примера подобного обращения, наверное, можно рассматривать одно из слов Кирилла Туровского, в котором святитель в аллегорической форме обратился к князю Андрею Юрьевичу Боголюбскому и его любимцу Феодорцу [22, 201-212]. В своем слове, епископ Кирилл не только обличает князя и его выдвигенца, «церковника, недостойного священства и утаившего грех свой», но и призывает Феодорца к исправлению его ошибок (грехов), грозя тому наказанием от «господина виноградника», в котором угадывается не только Господь, но глава митрополии.

⁷ Систематизируя известия о церковных наказаниях клириков, в том числе епископов, отец Владислав Цыпин выделяет три вида наказания: 1) низвержение из сана (лишение сана) – самое тяжелое из налагающихся

отличало каноническую ситуацию от юридическо-правовой, при которой государство превращало грех в преступление, открывая перед судом весь кладезь возможностей, какие могли помочь судье найти наказание, соразмерное деянию, совершенному провинившимся. Иной вопрос: в какой мере совершавший суд иерарх мог черпать из этого полноводного «источника» экзекуций, необходимые для совершения возмездия меры?

Если суды патриарха и митрополита при обсуждении обвинений и при вынесении приговоров руководствовались преимущественно нормами церковных канонов и законами Византийской империи, на которые ориентировались епархиальные духовники, как об этом можно судить по содержанию вопрошания Кирика Новгородца и его совопрошателей¹, то вечевой суд, лишенный существенных формальных форм, характерных для государственного, княжеского или церковных судов², кажется, не обременял себя подобными тонкостями. Действуя и вынося решения в соответствии с собственными представлениями о праве и справедливости, вечевые приговоры Киева и Новгорода уже с середины XII в. демонстрировали власть городов над церковью и находившимся в её пользовании имуществом. Эта вечевая власть распространялась как на клириков, так и иных лиц, пользовавшихся правом убежища в церкви³. В итоге, с середины XII в. подобные вечевые вмешательства в жизнь церкви стали своего рода нормой [9, с. 8-24]. Не менее решительно в отношении архиереев вели себя и князья.

В результате, понимая всю сложность заявленной темы, наиболее целесообразным видится рассмотреть то, каким наказаниям мог быть подвергнут архиерей. Правда, при этом видится важным различать то, от кого исходило наказание: от церковного или какого-либо иного суда. Не менее важно принимать во внимание характер претензии. Епископ наказывался как феодал, как иерарх, или же наказание оказывалось следствием более сложного комплекса претензий, вызванных образом жизни архипастыря или же его местом в системе городской жизни? Наконец, из череды прещений, которым подвергались архипастыри, представляется необходимым исключить случай самосуда – убийство в 1068 г. в Киеве нов-

---

наказаний; запрещение, «как предсудебная мера», которое по мнению, о. Владислава, не является в полном смысле наказанием; 3) лишение братского общения с иными епископами и 4) различные епитимии в форме отрешения от должности, вывод за штат и др. [57, с. 648-654]. Во многом данная оценка системы наказаний повторяет выводы дореволюционных историков права, например Н. С. Суворова, который, правда, был более систематичен, различая не только общие наказания и наказания в отношении к духовенству, но и различал наказания в их историческом развитии и по форме [50, с. 259-268].

¹ Мотивы создания «Вопрошания» в целом хорошо изучены. При всем многообразии высказывавшихся по данной проблеме мнений можно выделить то, что их объединяет. По мнению практически всех исследователей, это оригинальный канонический сборник, призванный облегчить обязанности новгородских духовников и епископских секретарей при выполнении ими пастырских обязанностей преимущественно во время исповеди. Вопрошание позволяло не только провести своего рода «ревизию» находившихся на руках духовенства «худых номоканонцев» и опереться на авторитетные мнения архиереев и иных лиц, которым был доступен Номоканон, но и согласовать церковную позицию по тем или иным вопросам с новгородскими обычаями в условиях еще крайне слабой церковной культуры внутри христианской общины Новгорода. В итоге, появление этого свода позволило поставить новгородское духовенство под дисциплинарный контроль архиерейской кафедры через посредство духовнических практик [38, с. 90-91; 35, с. 39; 32, с. 351-356; 24; 48, с. 67; 8; 11].

² Наиболее подробно особенности функций веча и вечевого правосудия были рассмотрены В. И. Сергеевичем, а в наши дни С. Б. Чебаненко и П. В. Лукиным [47, с. 72-75; 58, с. 64-104; 27, с. 273-282, 383-444].

³ Наиболее яркие примеры подобного отношения к церкви и лицам, подпадавшим под защиту церкви, представляет южнорусское летописание. Правда, все эти примеры приходятся на середину XII в. и связаны с обстоятельствами борьбы за Киевский княжеский стол князя Изяслава Мстиславича. Именно в период его княжения киевляне и киевское вече перестали считаться с правами духовенства и особым статусом церковного имущества. В 1146 г. решением киевского веча при одобрении Изяслава горожане разграбили ктиторские храмы Всеволодовичей. Тогда же, не взирая на право убежища в церкви из Ирининского монастыря горожане «яша» Святослава Всеволодовича, год спустя решением веча вывели находившегося под защитой церкви князя-инока Игоря за ограду Федоровского монастыря и жестоко убили [40, с. 327, 328, 349-355].

городского епископа Стефана [41, с. 182-183, 473]. Архипастырь, чье имя осталось известным только благодаря обстоятельствам его смерти, был задушен собственными холопами¹. Правда, летописание ничего не сообщает ни об их именах, ни об их месте в окружении и в хозяйстве архиерея. Ясно лишь то, что эти «холопы» сопровождали архиерея, а поэтому должны быть отнесены к кругу ближайших слуг убитого ими епископа. Скорее всего, это была расправа, порожденная какими-то личными мотивами. Во всяком случае, летописец не сообщает о том, чтобы незадачливый архипастырь подвергся ограблению, а имущество церкви было расхищено. Впрочем, исследователи давно обратили внимание на то, что этот инцидент совпал с крайне беспокойным периодом в жизни Матери городов русских и, судя по всему, был одним из наиболее ярких эпизодов волнений, сотрясавших Киев и его жителей из числа знати в период обострения отношения сидевшего на Киевском столе князя Изяслава Ярославича с горожанами [53, с. 106-107]. Однако отмеченный эпизод все же уникален. Источники по истории домонгольской Руси более не доносят подобных рассказов. Едва ли возможно в предложенном контексте рассматривать произошедшее в то же время убийство в Ростовской земле некоего попа Янева [40, стб. 165-166]. Контекст событий, описанных летописцем в Белоозере, позволяет говорить, что смерть священника стала результатом схватки, в которой «поп» из обоза боярина Яна Вышатича, оказался не столько целью мятежников, сколько жертвой обстоятельств.

Сложнее история смерти святителя Леонтия Ростовского. Обстоятельства его гибели крайне туманны, а сообщения о его личности в источниках столь противоречивы и лишены конкретности, что это даже дало В. О. Ключевскому высказать сомнения в достоверности сведений, связанных с личностью этого архипастыря. Источники согласны лишь в том, что архиерей все же принял мученичество². Однако в данном случае интересней иное, ответить

---

¹ Принимая во внимание, обстоятельства истории Луки Жидяты, также подвергшегося несправедливому огорению со стороны своих «холопов», и исследования последних лет можно предположить, что под архиерейскими холопами могли пониматься вполне состоятельные лица, занимавшие в архиерейском хозяйстве важные должности (см. наблюдения А. В. Назаренко и П. И. Гайдено [33, с. 323-333; 10, с. 28, 77, 79, 84, 93]).

² О трудах страданиях Леонтия Ростовского сообщают два источника: Киево-Печерский патерик и Житие Леонтия Ростовского. Однако сообщения эти не однозначны в описании архипастырского подвига ростовского архиерея. Так, например, Патерик сообщает и о трудах, и о мученичестве Леонтия. Однако делает это в предельно общих словах и формулах: «Леонтий, епископ Ростовский, великий святитель, егоже Богъ прослави нетлѣниемъ, и се бысть пръвый престолникъ, егоже невѣрнии много мучивше и бивше,— и се третий гражданинъ бысть Рускаго мира, съ онема варягома вѣнчася от Христа, егоже ради пострада» [21, с. 360]. Не менее пространны и не вняты житийные известия о страданиях Леонтия. При том, что большинство из них доносит историю столкновения жителей Ростова с прибывшим к ним архиереем, выступившим со своим клиром против вооруженной толпы. Однако ничего ясного в историю мученического подвига Леонтия эти произведения не вносят. Напротив, они сообщают о мирной кончине святителя, что приводило к существенному расхождению житий с Печерским Патериком. Примером этого могут служить Жития Леонтия Ростовского, опубликованные и прокомментированные А. А. Титовым в 1892 и в 1893 гг. Вместе с тем житие предложило читателям и слушателям красочное описание гибели горожан, наказанных за выступление против своего архипастыря: «<...>и абие устремишася невернии на свято помазанную его главу, ови с оружием, а друзии со дреколем, яко хотяше его изгнати из града и убити. Епископ же Леонтий нимало не оубояся, но паче оукрепляше и сущаа с ним прозвитеры же и дяконы, глаголя к ним: не оубоитеся, чадца, нахожения их, не могут бо сии нам ничтоже без Божия поущения сътворити, и абие облечеса в священныя ризы, и повеле соушим с ним прозвитером и дяконом облещися в ризы, изиде противу их с хресты. И яко приидоша, и видеша лице его яко ангелу, и абие падоша вси мертвы, а друзии ослепоша, но святыи молитвою вся целы и здравы встави я и наоучи я веровати Христови, и крести я в Святую Троицу, и ина многа чудеса памяти достойна створи, к Господу, Егоже измлада възлюбил, с миром отиде». Аналогичны и тексты древнейших списков жития в его Синодальной и Троицкой редакциях [18, с. 7-16; 17, с. 6-7; 51, с. 250; 52, с. 252]. Интерпретируя агиографические известия, митр. Макарий (Булгаков) высказался о смерти Леонтия предельно обще, чем во многом повторил оценку источников святителем Димитрием Ростовским: «и хотя скончался в мире (прежде 1077 г.), но тем не менее заслужил венец мученический вслед за двумя варягами, пострадавшими у нас ещё прежде за имя Христово» [25, с. IV, 1; 28, с. 137-138]. Разбирая эту ситуацию, В. О. Ключевский пришел к выводу, что составитель агиографического текста не имел ясных известий ни о происхождении святителя Леонтия, ни о его трудах, ни о его

на вопрос: его смерть стала результатом консолидированного решения ростовцев, по сути вечевым решением, подобным тому, как новгородцы в 1072 г. намеревались расправиться со своим новгородским архиереем¹? Или же смерть Леонтия - результат злой воли отдельных лиц? Наконец, история наказания епископов поднимает ещё одну проблему. Несомненно, далеко не всегда страдания, какие был вынужден нести архиерей, были справедливы в понимании книжников и историков XIX-XX вв. Однако в понимании современников, участвовавших в расправах над архипастырями, всё могло представляться иначе, что в значительной мере осложняет работу любого исследователя, прикасающейся к отмеченной проблеме в обозначенном контексте.

Первые упоминаемые наказания в отношении епископа – **отстранение от служения, смещение с кафедры и удержание**, под которым, скорее всего, следует понимать своего рода **арест**. Именно им был подвергнут новгородский епископ Лука Жидята киевским митрополитом на основании обвинения, выдвинутого против Луки. Оговор исходил от ближайших слуг новгородского святителя. Летописец не называет имён участников суда над новгородским святителем. Однако, невзирая на эту неопределённость, можно заключить, что отстранение Луки в Киеве произошло по воле митрополита. Правда, Лука не смирился и обжаловал это решение. Об этом можно судить по трехлетнему пребыванию низложенного архиерея в Матери городов русских, времени, которое обычно уходило на апелляцию в Константинополе, завершившемся снятием обвинения, торжественным возвращением Луке его прежнего высокого достоинства и предоставлением новгородскому архиерею права наказывать своих обидчиков в соответствии с принципами талиона².

Аналогичное наказание претерпел в 1147 г. ещё один Новгородский архиерей – Нифонт. Вступив в спор с избранным митрополитом Климентом Смолятичем по вопросу о законности совершенного в Киеве избрания княжеского любимца, епископ был отстранен от кафедры и отправлен в родной Печерский монастырь, где на святителя, не взирая на его нрав, смущавший новгородцев, монахи смотрели как на подвижника и исповедника [21, с. 352-355]. Поводом для негодования Климента послужил публичный отказ Нифонта сослужить новоизбранному русскому первосвятителю. Такой дерзкий поступок не только противоречил принципам голосования, но и лишал митрополита твёрдых оснований в отстаивании законности своего поставления в церковной среде. Своим поступком Нифонт не только заявлял о своём отказе признать акт совершенного под сводами Святой Киевской Софии избрания, на которую помимо того годом ранее прежним митрополитом Михаилом был наложен интердикт³, но и раскалывал епископат, поскольку давал основание усомниться в благодатности совершаемых Климентом таинств.

смерти. В итоге выдающийся русский историк резонно заметил: «Обращаясь к фактическому содержанию собственно жизнеописания, нельзя не заметить в нем, прежде всего неопределенности, показывающей, что оно черпало единственно из смутного предания, не основываясь на письменном источнике, на летописи или на чем-нибудь подобном. Первая редакция почти ничего не знает ни о прежней жизни ростовского просветителя, ни о времени его деятельности в Ростове, которую только по догадке, на основании других источников, относят к третьей четверти XI века» (см. подробнее В. О. Ключевский [23, с. 13-14, 18-22]).

¹ На сходство данного сообщения Жития с летописными известиями, соотносимыми со временем трудов святителя Леонтия, была подмечена ещё В. О. Ключевским [23, с. 14, 18-22].

² Владимир Владимирович Мильков совершенно верно обратил внимание, что наложенное на обвинителей Луки Жидяты наказание имело «зеркальный характер» и полностью соответствовало нормам Эклоги: «Клеветники подлежат тому же наказанию, какое надлежит за то, в чём они ложно обвинили» [15, с. 68; 61, с. 73 (Титул XVII, 51)].

³ Вопрос об интердикте, наложенном на храм Софии Киевской (в данном случае – запрет на служение в храме архиереев), прозвучал во время прений при избрании Клинта Смолятича : «Смоленский Мануиль . рекоста не есть того в законѣ аѣко ставити епѣпомъ митрополита . безъ патриарха . но ставити патриархъ митрополита . а не поклонивъ ти сѧ . ни слоуживъ с тобою . зане не взаль еси блгѣвниѧ . оу стѣѣ Софѣи ни ѿ патриарха . аще ли сѧ исправиши блгѣ словиши сѧ . ѿ патриарха . и тогда ти сѧ поклонивъ . вѣ взала . ѿ Михаила ѿ митрополита . роукописание аѣко не достоить намъ безъ митрополита . въ стѣи Софѣи слоужити» [40, стб. 341].

Наконец, в 1135 г. во время пребывания в Новгороде был подвергнут аресту киевский митрополит Михаил. Целью прибытия русского первосвященника на берега Волхова стал ожесточенный конфликт Новгорода с Суздалем. Не добившись желаемого примирения сторон, русский первоиерарх наложил на город интердикт. Летописание не даёт оснований говорить о том, что святительский запрет испугал своевольных горожан. Напротив, как показали дальнейшие события, новгородцы проигнорировали первосвященнические угрозы и начали войну. Однако удостоверившись в решимости архипастыря не допустить столкновения, горожане арестовали архиерея и удерживали его до тех пор, пока война не завершилась [43, с. 158-159]. Арест митрополита Михаила едва ли можно считать полноценным наказанием. Однако в глазах новгородцев русский первоиерарх был, безусловно, виновен, поскольку не разделял мнение горожан о Ростове и Суздале.

Не менее болезненным наказанием святителей являлись их **изгнания** с кафедры. К этой форме прещения прибегали как горожане, так и князья. Далекое не во всех известных случаях причинами изгнания являлись недостойные стороны жизни и служения архипастыря. Чаще изгнания становилось результатом более сложных процессов. И первым в числе таковых изгнанников значится уже упоминавшийся прославленный в лике святых ростовский епископ Леонтий. При том, что он не был первым среди местных архиереев, однако он первый из русских архиереев, кому пришлось претерпеть изгнание. Пребывание святителя Леона в Ростове ознаменовалось крупным конфликтом с горожанами. Житие святителя даёт основание предположить, что причиной произошедшего стала миссионерская деятельность архипастыря. Результатом столкновения стало выселение епископа из города. Примечательно, что в истории святителя Леонтия никак не прослеживаются действия княжеской власти. Это сильно рознит положение ростовского архипастыря с новгородским святителем. Под 1071 г. летописание извещает о волнениях в городе. Но в данном случае показательно, что за новгородского епископа Феодора вступились князь и дружина [40, стб. 170-171]. В истории же Леонтия деятельность княжеской власти никак не прослеживается. При том, что житие связывает постройку при Леонтии большого деревянного собора вне городских стен исключительно с ревностью архипастыря [25, с. IV, 1]. Однако разумнее предположить, что осуществление таких больших строительных работ стало результатом княжеской воли и помощи. Однако Леонтий оказался лишь первым в череде епископов Ростова, которых изгоняли из города.

С середины XII в. практика изгнания архиереев, кажется, стала своего рода нормой при возникновении конфликтных ситуаций между горожанами и кафедрами не только Ростова, но и других городов, прежде всего, Новгорода. Под 1164 г. сообщается об изгнании из Ростовской земли епископа Леона. На этот раз решение было принято по результатам спора, в котором участвовали Леон и Феодорец, «упревший» своего оппонента в присутствии горожан и князя¹. Более драматичной оказалась судьба новгородских архиереев. Епископы Лука Жидята и Иоанн Попьян стали жертвами новгородских распрей. Не менее сложными оказались судьбы владык Митрофана и Антония, а также нареченного епископа чернеца Арсения [9, с. 8-24].

Однако архиереи могли быть изгнаны и князьями. Именно такова была история уже упоминавшегося туровского епископа Иакова, который в период великокняжеского противостояния с Туровом принял сторону города, за что и поплатился. Архиерей был не только по воле князя смещён с кафедры, но и приведен в Киев закованным в числе знатных пленников. Впрочем, такое отношение князя к епископу вступало в противоречие с законами

¹ «Левнъ еп^спъ . не по правдѣ постависѧ Суждалю . Нестеру п^спу Суждальскому живущю . перехвативъ Нестеровъ столъ . почѧ Суждали оучити не ѣсти масъ . въ Г^сдъскыѧ праздни[кы] в среды и в пяткы . ни на Рожество Г^сне . ни на Крщ^тнѣе . и бы^с тажа про то велико . пре^д бл^ггов^рны^м к^назе^м Андрѣе^м . [и] предо всѣми людьми . и оупрѣ его вл^ка Февдоръ» [39, стб. 352].

империи. VIII глава 123 Новеллы Юстиниана вполне определённо предписывавшей: «Мы так же не доз во ля ем без императорского распоряжения отправлять (διάγεισθαι) или доставлять (παρίστασθαι) епископа против его воли к гражданским или военным властям по гражданскому или уголовному делу, а чиновнику, который осмелится письменно или на словах отдать такой приказ, мы приказываем после лишения должности (τῆς ζώνης) заплатить штраф (ποινήν) в 20 литр золота той церкви, епископу которой было приказано отправиться или при быть <на суд>. Исполнитель приказа также лишается должности, подвергается телесному наказанию и ссылается в изгнание» [30, с. 32]. Дальнейшая судьба Иакова неизвестна. Во всяком случае, он более не упоминается среди архиереев Турова или какого-либо иного города.

Под 1168 г. в Лаврентьевской летописи помещено сообщение об «извержении» (изгнании) Черниговского архиерея Антония из епископии. Это произошло по воле князя, разгневанного на архипастыря, чьи интриги и вмешательство в жизнь княжеской семьи не только стали источником «митрополичьей неправды» в отношении игумена Поликарпа Печерского, но и чуть не привели к усобице в среде черниговских князей [39, стб. 354-355; 40, стб. 522-523]. Личность епископа Антония, между тем неоднозначна. Не найдя поддержки в русской среде, он, между тем, судя по всему, пользовался полным доверием у единокровных митрополитов, один из которых, Константин, не только нашёл себе приют в Чернигове, но и вверил Антонию заботы о своём странном погребении [39, стб. 349; 29, с. 132-136; 54, с. 17-22; 26, с. 80-137]. Более того, черниговский архиерей был патриархом, удостоившим его архиепископского титула [40, стб. 740].

Наконец, по воле Даниила был смещен угровский епископ Асаф, «иже скочи на столъ митрофоличъ и за то свѣржень бы^с стола своего»¹. Летописец высоко отзывается об этом архиерее, называя того «блаженным» и подчеркивая то, что он был афонитом². Сомнительно, чтобы тот действительно занял первенствующую кафедру самовольно. Для того, чтобы принять на себя обязанности главы русской митрополии Асаф (Иоасаф) должен был найти опору и поддержку как среди епископата и духовенства. Ясно только то, что данный шаг был сделан без воли великого князя, каковым себя в тот момент считался Даниил Романович Галицкий. Т. Р. Галимов предположил, что занятие Асафом (Иоасафом) первосвященнической кафедры могло произойти только в случае, если епископ нашёл поддержку среди епископата и духовенства Южной Руси. Однако эта история тесно связана с целым циклом конфликтов Даниила с галицкими архиереями [12, с. 117-118], отзвук которых обнаруживается в том числе в той позиции, которую заняли южнорусские архиереи в отношении митрополита Кирилла, отказавшись принимать участие во Владимирском соборе 1273/74 гг.

Сложнее говорить о тех случаях, когда архиереи были вынуждены самостоятельно оставлять свои кафедры из опасения навлечь на себя княжеский гнев. Так, столкнувшись с княжеским раздражением, покинул Киев митрополит Константин. Причиной княжеского гнева стало проклятие, произнесённое первосвященником на покойного князя Изяслава, чьи усилиями был поставлен Климент Смолятич. Правда, в лаконичном летописном известии ничто не указывает на то, что архиерей оставил город из-за угрозы расправы [39, стб. 349]. Неоднократно покидал свою кафедру Климент Смолятич, сохранявший свою личную верность потомкам Изяслава Мстиславича и не принявший власти Юрия Долгорукого. Не менее показательны бегство западнорусских епископов Мемнона и Артемия.

Изгнания архиереев с кафедр могли сопровождаться разграблением епископского хозяйства. Правда, такое сочетание наказаний отмечается только в первые годы ордынского господства на Руси, а именно в период ожесточённой борьбы князя Даниила Романовича с непокорным боярством, нашедшим поддержку в местных церковных институтах. В развя-

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740.

² «бѣ бо Асафъ . блжѣнии преподобнии стѣль Стѣе Горы» [40, стб. 740].

завшейся между сторонами жестокой схватке архиерей Западного Галича опрометчиво примкнул к противникам князя, и этот неудачный выбор имел свои трагические последствия. В итоге, в 40-х годах XII в. Мемнон, епископ Перемышля, и Артемий Галицкий, который, между тем, был ранее выдвинут на кафедру самим Даниилом [40, стб. 777, 793-794], были вынуждены бежать со своих кафедр, а оставленные ими хозяйства были подвержены разграблению. Не менее драматичной оказалась судьба Луцкой кафедры, разделившей бедствия своего города. Судьба местного архипастыря, как и его имя после взятия города дружинами Даниила, никак не прослеживается. Данное обстоятельство дало В. Т. Пашуто основание предположить, что архипастырь, скорее всего, разделил судьбу остальных горожан¹.

Впрочем, отъем имущества у архиереев имел место и ранее. Так, например, в 1169/71 гг. разграблению подверглись не только ктиторийские храмы Киева, но митрополичий собор Святой Софии². Однако интерпретация произошедшего всё же сложна своей неоднозначностью. Более показателен иной пример. В 1228 г. жители Ростова потребовали от ушедшего на покой в монастырь епископа Кирилла вернуть переданное в обитель имущество. Справедливость требует признать, что наказанный епископ не присваивал себе кафедральную собственность. Он лишь передал его обители, в которой, правда, после удаления на кафедру и жил. Однако византийские нормы не только не запрещали подобных шагов, но и разрешали их³.

Однако наиболее тяжелыми наказаниями, какие могли накладываться на архиереев, были **запрет на служение, низвержение из сана и смертный приговор**, о котором уже упоминалось в отношении Феодорца. Несомненно, запрет в служении был и является одной из крайне болезненных форм прещения, налагающегося на священнослужителя. Однако запрет не приводил к низвержению святителя из духовного сана и в целом сохранял высокое положение архипастыря в системе церковной иерархии. Однако с предельной суровостью он подобно клейму указывал на то, что подвергшийся ему клирик повинен в каком-то тяжком проступке. В итоге, подвергшийся запрету архиерей лишался не только возможности совершать евхаристию, но и стоять во главе богослужбной жизни епископии. Последнее неминуемо влекло к ограничению административных прав архиерея и к падению его личного авторитета, на который ложилась тень подозрения в тяжкой вине перед церковью. Древнерусские источники позволяют уверенно говорить о двух примерах наложения запрета на епископов. Во-первых, это история епископа уже не единожды упоминавшегося Луки Жидяты, который был не только лишен кафедры, но и, кажется, запрещён в служении. Второй пример наложения запрета – запрет, наложенный митрополитом Кириллом на ростовского епископа Игнатия за его самовольное обращение в Сарай [39, стб. 525-526]. Обстоятельства этого запрета предельно аккуратно рассмотрены в исследовании Т. Р. Галимова, пришедше-

---

¹ Пашуто В. Т. очерки по истории Галицко-Волынской Руси / Институт истории АН СССР; отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 228.

² «Взять же бы^с Киевъ . м^сца марта въ . и^т . въ второѣ недѣли . поста . в среду . и грабиша за . б^т . днѣи весь гра^д Подолье и Гору . и монастыри . и Софью . и Десятинную Бѣ^гю» [39, с. 354; 40, стб. 544-545].

³ 38 Апостольское правило совершенно ясно определяет: «Епископ да имеет попечение о всех церковных вещах, и оными да распоряжается, как Бог назирающий. Но не позволительно ему присваивать что-нибудь из оных, или сродникам своим дарить принадлежащее Богу. Если же суть неимущие, да подает им, как неимущим: но под сим предлогом не продает принадлежащего Церкви». Не менее красноречиво 41 правило: «Повелеваем епископу иметь власть над церковным имением. Если драгоценные человеческие души ему вверены быть должны, то кольми паче о деньгах заповедать должно, чтобы он всем распоряжался по своей власти, и требующим чрез пресвитеров и диаконов подавал со страхом Божиим, и со всяким благоговением; так же (если потребно) и сам заимствовал на необходимые нужды свои и странноприемлемых братьев, да не терпят недостатка ни в каком отношении. Ибо закон Божий постановил: да служащие алтарю, от алтаря питаются; так же и воин никогда не подымлет оружия на врага на своем пропитании».

го к выводу, что данный запрет отражал борьбу митрополита за единоличное представление интересов Киевской митрополии в Сарае [12, с. 156].

Что же касается лишения сана (низвержения из сана), то киевский период Русской церкви сохранил упоминания о двух случаях: в истории низвержения, проклятия и казни епископа Феодора (Феодорца), а также в истории митрополита Петра, низвергнутого из сана Измаила, епископа Сарайского [44, стб. 177-178]. Немногословное летописное сообщение о произошедшем в 1312 г. лишает возможности вынести однозначное заключение, насколько каноничными были предпринятые митрополитом действия. Однако отсутствие известий об апелляции Измаила позволяет сделать вывод, что власть митрополита в епископиях Северо-Восточной Руси после поездки в Орду и совершенного над ним суда если и не стала безграничной, то существенно усилилась.

Таким образом, все указывает на то, что, несмотря на свой высокий общественный и иерархический статус, древнерусские архиереи регулярно подвергались разнообразным наказаниям, как церковным, так и тем, которые предусматривались византийскими нормами права или правовыми обычаями Руси. Далеко не всегда эти наказания были справедливыми. Однако можно уверенно говорить о том, что правовая культура внутри церкви объяснялась сильным влиянием византийских правовых традиций. При этом наказания архиереев отличались своей суровостью, включая не только сугубо церковные меры вразумления и наказания, так и те, которые отражали нормы Римского права и правовых представлений, присутствовавших на Руси, вплоть до разграбления и вынесения смертного приговора. С канонической точки зрения далеко не всегда наказания, которые налагались на архипастырей, были обоснованы. Тем не менее, даже в этом случае древнерусские книжники воспринимали их как соответствующие реалиям древнерусской действительности и даже справедливые.

Список источников и литературы

1. Андрощук, Ф. (2011). *Печати черниговского епископа Антония Гречина* // *Ruthenica*. Київ. Т. 10. С. 231-233.
2. Артамонов, Ю. А. (2017). *Время и обстоятельства возникновения первой русской архимандритии* // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 4 (70). С. 120-129.
3. Афиногенов, Д. Е. (2016). *Юстинианово гонение на мужеложцев: трансформация рассказа в византийских хрониках* // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. № 20-1. С. 27-34.
4. Белякова, Е. В., Мошкова, Л. В., Опарина, Т. А. (2017). *Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию*. Москва; СПб.: ИРИ РАН; РГАДА; Центр гуманитарных инициатив. 496 с.
5. Виноградов, А. Ю. (2021). *Запрет как средство политической борьбы в русской церкви середины XI в.: Новые данные в деле Луки Жидяты* // *Электронный научно-образовательный журнал "История"*. Т. 12. № 9 (107).
6. Воронин, Н. Н. (2017). *Андрей Боголюбский*. Москва: Водолей Publishers. 320 с.
7. Высоцкий, С. А. (1966). *Древнерусские надписи Софии Киевской. XI-XIV вв.*: Вып. 1. / отв. ред. П. Н. Попов. Киев: Наукова думка. 239 с.
8. Гайденок, П. И. (2016). *Несколько замечаний о возможных целях и мотивах создания *Вопрошания преп. Кирика Новгородца** // *Новгородика-2015. От "Правды Русской" к российскому конституционализму. Материалы V международной научной конференции*. Составители: Е. В. Торопова, С. А. Коварская, Я. А. Васильев, Д. Б. Терешкина, Б. Н. Ковалев, Н. С. Федорук. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. С. 353-361.
9. Гайденок, П. И. (2020). *Новгородские архиереи XI-XIII вв. перед судом веча* // *Novogardia*. № 1 (5). С. 8-24.

10. Гайденко, П. И. (2014). *Священная иерархия Древней Руси (XI-XIII вв.): зарисовки власти и повседневности*. Москва: ИД Университетская книга. 212 с.
11. Гайденко, П. И., Фомина, Т. Ю. (2012). *О церковном статусе кирика новгородца и иных составителей "Вопрошания" // Вестник Челябинского государственного университета. № 16 (270). С. 83-92.*
12. Галимов, Т. Р. (2019). *Киевские митрополиты между Русью и Ордой: (вторая половина XIII в.)*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 256 с.
13. Голубинский, Е. Е. (1901). *История Русской Церкви: Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 1*. Москва. 968 с.
14. Данилевский, И. Н. (2016). *Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.): Курс лекций*. Москва: Аспект Пресс. 389 с.
15. Дергачева, И. В., Мильков, В. В., Милькова, С. В. (2016). *Лука Жидята: святой, писатель, мыслитель*. Москва: Мир философии. 416 с.
16. *Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. С. 30-65, 456-459.*
17. *Житие св. Леонтия, епископа Ростовского / С предисл. А. А. Титова. Москва: Унив. тип., 1893. [2], IV. 36 с.*
18. *Житие св. Леонтия, епископа Ростовского: Со списка, сдел. С. М. Бодянским из рукописи XV в., принадлежащей Кириллову Новоезер. монастырю / [Опубликовал] А. А. Титов. Ярославль: тип. Губ. правл., 1892. 16 с.*
19. Заозерский, Н. А. (1894). *О церковной власти: (Основоположения, характер и способы применения церк. власти в различ. формах устройства церкви по учению православно-канон. права) / [Соч.] Николая Заозерского, доц. церк. права в Моск. духов. акад. Сергиев Посад: 2 тип. А. И. Снегиревой. [2], IV, XIV. 458 с.*
20. Исаев, А. В. (2012). *Теоретические основы церковного судопроизводства в Постановлениях Апостольских // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4-2 (18). С. 83-88.*
21. *Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. С. 296-489, 641-667.*
22. Кирилл Туровский, свт. *Притча о человеческой душе и теле (о слепце и хромце) // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. Москва: РОССПЭН, 2010. С. 202-212.*
23. Ключевский, В. О. (1871). *Древнерусские жития святых как исторический источник: исследование В. Ключевского*. Москва: Издание К. Солдатенкова (тип. Грачева). III, 465, IV, III с.
24. Костромин, К. А. (2014). *"Вопрошание" Кирика с ответами Нифонта и каноническо-правовое наследие Киевской Руси в контексте международных отношений // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород: НГУ им. Ярослава Мудрого. С. 87-97.*
25. *Летописец о ростовских архиереях / С примеч. чл.-кор. А. А. Титова. СПб.: тип. С. Добродеева, 1890. 115 с.*
26. Литвина, А. Ф., Успенский, Ф. Б. (2010). *Траектории традиции: главы из истории династии и церкви на Руси конца XI - начала XIII века / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский; Ин-т славяноведения РАН, Центр славяно-германских исслед. Москва: Языки славянской культуры. 207 с.*
27. Лукин, П. В. (2014). *Новгородское вече: [монография] / Ин-т российской истории РАН. Москва: Индрик. 607 с.*

28. Макарий (Булгаков), митр. (1995). *История Русской Церкви*. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриарха (988-120) / науч. ред. А. В. Назаренко. Москва: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 702 с.
29. Макарий (Веретенников), архим. (2008). «Ослиное» погребение // Труды Киевской Духовной Академии. № 9. С. 132-136.
30. Максимович, К. А. (2007). *Новелла СХХIII св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) «О различных церковных вопросах» (перевод и комментарий)* // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Вып. 3 (19). С. 22–54.
31. Мильков, В. В. (2009). *Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята* // Россия XXI. № 2. С. 116-155.
32. Мильков, В. В., Симонов, Р. А. (2011). *Кирик Новгородец : ученый и мыслитель* / В. В. Мильков, Р. А. Симонов; Российская акад. наук, Ин-т философии. Москва: Кругъ. 537, [6] с.
33. Назаренко, А. В. (2015). *Дудика, Негварь: два германских антропонима в новгородских памятниках* // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Т. 4.1. С. 323-333.
34. Оспенников, Ю. В., Гайденко, П. И. (2020). *Церковный суд на Руси XI-XIV веков. Исторический и правовой аспекты: монография* / Ю. В. Оспенников, П. И. Гайденко; Санкт-Петербургская духовная академия, Общество изучения церковного права им. Т. В. Барсова («Барсовское общество»). СПб.: Изд-во СПбПДА. 260 с.
35. Парфененков, В. О. (1999). *Древнерусское сочинение XII века "Вопрошание Кирика": история текста: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / РАН Ин-т рос. истории Санкт-Петербургский филиал. СПб. 193 с.*
36. Пашуто, В. Т. (1950). *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси* / Институт истории АН СССР; отв. ред. Б. Д. Греков. Москва: Изд-во АН СССР. 330 с.
37. Печников, М. В. (2015). *Константин II* // Православная энциклопедия. Москва. Т. 37. С. 25-26.
38. Пихоя, Р. Г. (2016). *Формирование новгородской школы толкования канонического права. Канонические ответы новгородского епископа Нифонта и их источники* // Пихоя Р. Г. Записки археографа. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 85-107.
39. Полное собрание русских летописей: Т. 1.: Лаврентьевская летопись. Москва: Языки русской культуры, 2001. 496 с.
40. Полное собрание русских летописей: Т. 2.: Ипатьевская летопись. Москва: Языки русской культуры, 2001. 648 с.
41. Полное собрание русских летописей: Т. 3.: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. Москва: Языки русской культуры, 2000. XII, 720 с.
42. Полное собрание русских летописей: Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Москва: Языки русской культуры, 2000. XXXVIII, 690 с.
43. Полное собрание русских летописей: Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Москва: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
44. Полное собрание русских летописей. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Москва: Языки славянской культуры, 2000. 248 с.
45. Поппэ, А. (1996). *Митрополиты и князья Киевской Руси* // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.). СПб., 1996. С. 441-497.
46. *Постановления Апостольские (в русском переводе)*. Казань: В Губернской типографии, 1864. 307 с.

47. Сергеевич, В. И. (2006). *Древности русского права*: в 3 т. / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. Москва: Зерцало. Т. 2: Вече и князь; Советники князя. 510, [2] с.
48. Смирнов, С. (1899). *Древнерусский духовник. Очерк*. Сергиев Посад: 2-я Типография А. И. Снегиревой. 115 с.
49. Солнцев, Н. И. (2004). *Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII-XIX вв.* Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. 200 с.
50. Суворов, Н. С. (2004). *Учебник церковного права* / Под ред. В. А. Томсинова. Москва: Зерцало. 504 с.
51. Текст Синодальной редакции [Жития Леонтия Ростовского] // Семенченко Г. В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Ленинград: Наука, 1989. Т. 42. С. 250-251.
52. Текст Троицкой редакции [Жития Леонтия Ростовского] // Семенченко Г. В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Ленинград: Наука, 1989. Т. 42. С. 251-254.
53. Тихомиров, М. Н. (1975). *Древняя Русь* / [Предисл. М. Т. Белявского]; [АН СССР, Отд-ние истории, Археогр. комис., Архив АН СССР]. Москва: Наука. 429 с.
54. Толочко, П. (2010). «*Емие, влачаху поверзшие ужю за ноги*» // *Ruthenica*. Т. 9. С. 17-22.
55. Ульянов, О. Г. (2022). *Церковное право в Древней Руси в домонгольский период (о праве апелляции епископов)* URL: <https://www.academia.edu/43516979/>_(дата обращения: 19.01.2022).
56. Устинова, И. А. (2021). «*Неистовое дело*»: бесчестье архиерея и наказание за него в России в конце XVII в. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (11-14 октября 2021 г.) / Отв. ред.: Ю. А. Петров, О. А. Плех; Министерство науки и высшего образования РФ; Институт российской истории РАН; Совет молодых ученых ИРИ РАН. Москва: Институт российской истории РАН. С. 43-48.
57. Цыпин, Владислав, прот. (2012). *Каноническое право*. Москва: Изд-во Сретенского монастыря. 864 с.
58. Чебаненко, С. Б. (2013). *Основные черты вечаевого правосудия в Древней Руси* // *Rossica Antiqua*. № 2. С. 64-104.
59. Щапов, Я. Н. (1989). *Государство и церковь Древней Руси XI-XIII вв.* Москва: Наука. 232 с.
60. Щапов, Я. Н. (2004). *Соборные церкви и монастырские организации в русском городе до XV в.* // Очерки русской истории, источниковедения, археографии. Москва. С. 66-71.
61. Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. статья [с. 5-38], пер., коммент. Е. Э. Липшиц. Москва: Наука, 1965. 226 с.

References

1. Androshchuk, F. (2011). *Pechati chernigovskogo episkopa Antoniya Grechina* [Seals of Chernihiv Bishop Anthony Grechin] in *Ruthenica*, Kiev, 2011, v. 10, 231-233. (in Russian).
2. Artamonov, Yu. A. (2017). *Vremya i obstoyatelstva vzniknoveniya pervoj russkoj arkhimandritii* [Time and circumstances of the emergence of the first Russian archimandrite] in *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*, 4 (70), 120-129. (in Russian).

3. Afinogenov, D. E. (2016). *Yustinianovo gonenie na muzhelozhtsev: transformatsiya rasskaza v vizantijskikh khronikakh* [Justinian's persecution of homosexuals: the transformation of the story in the Byzantine chronicles] in *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, 20-1, 27-34. (in Russian).
4. Belyakova, E. V., Moshkova, L. V., Oparina, T. A. (2017). *Kormchaya kniga: ot ruko-pisnoj traditsii k pechatnomu izdaniyu* [Pilot book: from the manuscript tradition to the printed edition]. Moscow; St. Petersburg. (in Russian).
5. Vinogradov, A. Yu. (2021). *Zapret kak sredstvo politicheskoy borby v russkoj tserkvi srediny XI v.: Novye dannye v dele Luki Zhidyaty* [Prohibition as a Means of Political Struggle in the Russian Church in the Middle of the 11th Century: New Data in the Case of Luka Zhidyata] in *Istoriya*, vol. 12, 9 (107). (in Russian).
6. Voronin, N. N. (2017). *Andrey Bogolyubsky* [Andrey Bogolyubsky]. Moscow. (in Russian).
7. Gaidenko, P. I. (2016). *Neskolko zamechanij o vozmozhnykh tselyakh i motivakh sozdaniya Voprosaniya prep. Kirika Novgorodtsa* [A few remarks about the possible aims and motives for creating the Inquiry of St. Kirik of Novgorod] in *Novgorodika-2015. Ot "Pravdy Russkoj" k rossijskomu konstitutsionalizmu. Materialy V mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Veliky Novgorod*, 353-361. (in Russian).
8. Gaidenko, P. I. (2020). *Novgorodskie arkhiepi XI-XIII vv. pered sudom vecha* [Novgorod bishops of the XI-XIII centuries. before the Court Vecha] in *Novogardia*, 1 (5), 8-24. (in Russian).
9. Gaidenko, P. I. (2014) *Svyashchennaya ierarkhiya Drevnej Rusi (XI-XIII vv.): zarisovki vlasti i povsednevnosti* [The Sacred Hierarchy of Ancient Russia (XI-XIII centuries): sketches of power and everyday life]. Moscow. (in Russian).
10. Gaidenko, P. I., Fomina, T. Yu. (2012). *O tserkovnom statuse kirika novgorodtsa i in-ykh sostavitelej "Voprosaniya"* [On the Church Status of the Kirik of Novgorod and Other Compilers of the "Question"] in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 16 (270), 83-92. (in Russian).
11. Galimov, T. R. (2019). *Kievskie mitropolity mezhdru Rusyu i Ordoj: (vtoraya polovina XIII v.)* [Kiev metropolitans between Russia and the Horde: (second half of the 13th century)]. Kazan. (in Russian).
12. Golubinsky, E. E. (1901). *Istoriya Russkoj Tserkvi: T. 1: Period pervyj, Kievskij ili domongolskij: Ch. 1.* [History of the Russian Church: Vol. 1: The first period, Kiev or pre-Mongolian: Part. 1]. Moscow. (in Russian).
13. Danilevsky, I. N. (2016). *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII-XIV vv.): Kurs lektsiyi* [Russian lands through the eyes of contemporaries and descendants (XII-XIV centuries): Lecture course]. Moscow. (in Russian).
14. Dergacheva, I. V., Milkov, V. V., Milkova, S. V. (2016). *Luka Zhidyata: svyatitel, pisatel, myslitel* [Luke Zhidyata: saint, writer, thinker]. Moscow. (in Russian).
15. *Zhitie Avraamiya Smolenskogo* [Life of Avraamy Smolensky] in *Biblioteka literatury Drevnej Rusi: T. 5: XIII vek.* St. Petersburg, 2005, 30-65, 456-459. (in Russian).
16. *Zhitie sv. Leontiya, episkopa Rostovskogo* [Life of St. Leonty, Bishop of Rostov]. Moscow, 1893. [2], IV. (in Russian).
17. *Zhitie sv. Leontiya, episkopa Rostovskogo: So spiska, sdel. S. M. Bodyanskim iz rukopisi XV v., prinaldezhachej Kirillovu Novoezer. monastyryu* [Life of St. Leonty, Bishop of Rostov: From the list, made. S. M. Bodyansky from a 15th-century manuscript belonging to Kirillov Novoezer. Monastery]. Yaroslavl, 1892. (in Russian).
18. Zaozersky, N. A. (1894). *O tserkovnoj vlasti: (Osnovopolozheniya, kharakter i sposoby primeneniya tserk. vlasti v razlich. formakh ustrojstva tserkvi po ucheniyu pravoslavno-kanon. prava)* [About church authority: (Fundamentals, nature and methods of applying church authority

in various forms of church organization according to the teachings of Orthodox canon law)]. Serгиеv Posad, [2], IV, XIV. (in Russian).

19. Isaev, A. V. (2012). *Teoreticheskie osnovy tserkovnogo sudoproizvodstva v Postanovleniyakh Apostolskikh* [Theoretical foundations of church legal proceedings in the Apostolic Decrees] in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 4-2 (18), 83-88. (in Russian).

20. Kievo-Pecherskij paterik [Kiev-Pechersk Patericon] in *Biblioteka literatury Drevnej Rusi: T. 4: XII vek*. St. Petersburg, 2004, 296-489, 641-667. (in Russian).

21. Cyril of Turov, St. (2010). *Pritcha o chelovecheskoj dushe i tele (o sleptse i khromtse)* [Parable about the human soul and body (about the blind man and the lame)] in *Pamyatniki obshchestvennoj mysli Drevnej Rusi: T. 1: Domongolskij period*. Moscow, 202-212. (in Russian).

22. Klyuchevsky, V. O. (1871). *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskij istochnik: issledovanie V. Klyuchevskago* [Ancient Russian Lives of the Saints as a historical source: a study by V. Klyuchevsky]. Moscow, III, 465, IV, III. (in Russian).

23. Kostromin, K. A. (2014). *"Voproskanie" Kirika s otvetami Nifonta i kanonicheskopravovoe nasledie Kievskoj Rusi v kontekste mezhdunarodnykh otnoshenij* [Kirik's "questioning" with Nifont's answers and the canonical and legal heritage of Kievan Rus in the context of international relations] in *Kirik Novgorodets i drevnerusskaya kultura*. Veliky Novgorod, 87-97. (in Russian).

24. *Letopisets o rostovskikh arkhiereyakh* [Chronicle of the Rostov bishops]. St. Petersburg, 1890. (in Russian).

25. Litvina, A. F., Uspensky, F. B. (2010). *Traektorii traditsii: glavy iz istorii dinastii i tserkvi na Rusi kontsa XI - nachala XIII veka* [Trajectories of tradition: chapters from the history of the dynasty and the church in Russia at the end of the 11th - beginning of the 13th centuries]. Moscow. (in Russian).

26. Lukin, P. V. (2014). *Novgorodskoe veche* [Novgorod Veche]. Moscow. (in Russian).

27. Macarius (Bulgakov), Met. (1995). *Istoriya Russkoj Tserkvi. Kn. 2: Istoriya Russkoj Tserkvi v period sovershennoj zavisimosti eyo ot Konstantinopolskogo patriarkha (988-120)* [History of the Russian Church. Book. 2: History of the Russian Church in the period of its complete dependence on the Patriarch of Constantinople (988-120)]. Moscow. (in Russian).

28. Macarius (Veretennikov), archim. (2008). *«OslinoE» pogrebenie* ["Donkey" burial] in *Trudy Kievskoj Dukhovnoj Akademii*, 9, 132-136. (in Russian).

29. Maksimovich, K. A. (2007). *Novella CXXIII sv. imperatora Yustiniana I (527-565 gg.) «O razlichnykh tserkovnykh voprosakh» (perevod i kommentarij)* [Novella CXXIII St. Emperor Justinian I (527-565) "On Various Church Issues" (translation and commentary)] in *Vestnik PSTGU. Ser. I: Bogoslovie. Filosofiya*. Issue 3 (19), 22-54. (in Russian).

30. Milkov, V. V. (2009). *Dukhovnaya družhina russkoj avtokefalii: Luka Zhidyata* [Spiritual squad of Russian autocephaly: Luka Zhidyata] in *Rossiya XXI*, 2, 116-155. (in Russian).

31. Milkov, V. V., Simonov, R. A. (2011). *Kirik Novgorodets: uchenyj i myslitel* [Kirik Novgorodets: scientist and thinker]. Moscow. (in Russian).

32. Nazarenko, A. V. (2015). *Dudika, Negvar": dva germanskikh antroponima v novgorodskikh pamyatnikakh* [Dudika, Negvar: two Germanic anthroponyms in the Novgorodian monuments] in *Slověne = Slovenia. International Journal of Slavic Studies*, t. 4.1, 323-333. (in Russian).

33. Ospennikov, Yu. V., Gaidenko, P. I. (2020). *Tserkovnyj sud na Rusi XI-XIV vekov. Istoricheskij i pravovoj aspekt: monografiya* [Church Court in Russia XI-XIV centuries. Historical and legal aspects: monograph]. St. Petersburg. (in Russian).

34. Parfenenkov, V. O. (1999). *Drevnerusskoe sochinenie XII veka "Voproskanie Kirika": istoriya teksta* [Old Russian essay of the XII century "Questioning Kirik": the history of the text] (doctoral dissertation). St. Petersburg. (in Russian).

35. Pashuto, V. T. (1950). *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoj Rusi* [Essays on the history of Galicia-Volyn Rus]. Moscow. (in Russian).
36. Pechnikov, M. V. (2015). *Constantin II* [Constantine II] in *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, vol. 37, 25-26. (in Russian).
37. Pikhoya, R. G. (2016). *Formirovanie novgorodskoj shkoly tolkovaniya kanonicheskogo prava. Kanonicheskie otvety novgorodskogo episkopa Nifonta i ikh istochniki* [Formation of the Novgorod school of interpretation of canon law. Canonical answers of the Novgorod Bishop Nifont and their sources] in Pikhoya R. G. *Zapiski arkheografa*. Moscow, 85-107. (in Russian).
38. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]: Vol. 1: *Lavrentevskaya letopis* [Laurentian Chronicle]. Moscow, 2001. (in Russian).
39. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]: Vol. 2: *Ipatevskaya letopis* [Ipatiev Chronicle]. Moscow, 2001. (in Russian).
40. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]: Vol. 3: *Novgorodskaya letopis starshego i mladshego izvodov* [Novgorod Chronicle of the older and younger editions]. Moscow, 2000. XII. (in Russian).
41. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]: Vol. 4. Part 1: *Novgorodskaya chetvyortaya letopis* [Novgorod fourth chronicle]. Moscow, 2000. XXXVIII. (in Russian).
42. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]: Vol. 9: *Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopisyu* [Chronicle collection, called the Patriarch or Nikon Chronicle]. Moscow, 2000. (in Russian).
43. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 10: *Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopisyu* [Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle]. Moscow, 2000. (in Russian).
44. Poppe, A. (1996). *Mitropolity i knyazya Kievskoj Rusi Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoj Rusi (988-1237 gg.)* [Metropolitans and princes of Kievan Rus] in Podskalski G. *Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoj Rusi (988-1237 gg.)*. St. Petersburg, 441-497. (in Russian).
45. *Postanovleniya Apostolskie (v russkom perevode)* [Apostolic decrees (in Russian translation)]. Kazan, 1864. (in Russian).
46. Sergeevich, V. I. (2006). *Drevnosti russkogo prava: v 3 t.* [Antiquities of Russian law: in 3 volumes]. Moscow, vol. 2: [Veche and prince; Prince's advisers]. (in Russian).
47. Smirnov, S. (1899). *Drevnerusskij dukhovnik. Ocherk* [Old Russian confessor. Feature article]. Sergiev Posad. (in Russian).
48. Solntsev, N. I. (2004). *Providentsialnaya istoricheskaya kontseptsiya v trudakh russkikh istorikov-kirikov XVIII-XIX vv.* [Providential historical concept in the works of Russian clergy historians of the 18th-19th centuries]. Nizhny Novgorod, 2005. 200 p. (in Russian).
49. Suvorov, N. S. (2004). *Uchebnik tserkovnogo prava* [Textbook of Church Law]. Moscow. (in Russian).
50. *Tekst Sinodalnoj redaktsii (Zhitiya Leontiya Rostovskogo)* [The text of the Synodal edition of the (Life of Leonty of Rostov)] in Semenchenko G. V. *Drevnejshie redaktsii zhitiya Leontiya Rostovskogo in Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. Leningrad, 1989, vol. 42, 250-251. (in Russian).
51. *Tekst Troitskoj redaktsii (Zhitiya Leontiya Rostovskogo)* [Text of the Trinity edition of (The Life of Leonty of Rostov)] in Semenchenko G. V. *Drevnejshie redaktsii zhitiya Leontiya Rostovskogo in Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. Leningrad, 1989, vol. 42, 251-254. (in Russian).
52. Tikhomirov, M. N. (1975). *Drevnyaya Rus* [Ancient Russia]. Moscow. (in Russian).
53. Ulyanov, O. G. (2022). *Tserkovnoe pravo v Drevnej Rusi v domongolskij period (o prave apellyatsii episkopov)* [Church law in Ancient Russia in the pre-Mongol period (on the right

of appeal of bishops)]. URL: <https://www.academia.edu/43516979/> (date accessed: 19.01.2022). (in Russian).

54. Ustinova, I. A. (2021). «*Neistovoe delo*»: *bescheste arkhiereya i nakazanie za nego v Rossii v kontse XVII v.* ["Furious Deed": dishonor of a bishop and punishment for him in Russia at the end of the 17th century] in *Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy shkoly-konferentsii molodykh uchenykh (11-14 oktyabrya 2021 g.)*. Moscow, 43-48. (in Russian).

55. Tsy-pin, Vladislav, prot. (2012). *Kanonicheskoe pravo* [Canon law]. Moscow. (in Russian).

56. Shchapov, Ya. N. (2004). *Sobornye tserkvi i monastyrskie organizatsii v russkom gorode do XV v.* [Cathedral churches and monastic organizations in a Russian city before the 15th century] in *Ocherki russkoj istorii, istochnikovedeniya, arkhheografii* [Essays on Russian history, source studies, archaeography] Moscow, 66-71. (in Russian).

57. Ekloga: Vizantijskij zakonodatelnyj svod VIII v. [Eclogue: Byzantine legislative code of the 8th century]. Moscow, 1965. (in Russian).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Литвиненко П. В.
(Москва)

УДК 94(27+29)

**СТРАННЫЕ НЕОФИТЫ ИСЛАМА:
ПЕРЕХОД ХРИСТИАН В ИСЛАМ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ**

Актуальность исследования определяется тем, что Россия была и остается многонациональной и поликонфессиональной страной, переходы из одного вероисповедания в другое и сегодня не слишком редкое явление, поэтому представляется важным рассмотреть причины и мотивы, побуждавшие людей к изменению веры. В статье рассматривается проблема переходов христиан в ислам вообще и в Русском Туркестане в частности. В исследовании дается характеристика исламо-христианских отношений в Русском Туркестане в последней трети XIX – начале XX в. На основе архивных источников автор приводит примеры вероизменения русских людей в пользу ислама, вскрывает его причины, пишет об отношении к ним туркестанской администрации, Св. Синода и епархиальных властей. Автор отмечает, что межрелигиозные отношения в царской России в целом были терпимыми, однако неравноправными. Господствующей в стране конфессией считалась Русская Православная Церковь. Государство твердо и последовательно защищало ее интересы правовым образом. Поэтому переходы православных христиан в ислам были крайне редкими и тайными, поскольку ренегаты и их соблазнитель подлежали наказанию. Однако положение поменялось после принятия либерального религиозного законодательства в начале XX в. Несмотря на запреты православным переходить в ислам, отсутствие карающего наказания за это подвигало некоторых к перемене веры. Со временем число ренегатов от православия, перешедших в мусульманство, стало составлять в регионе многие десятки. Вкупе с переходами в другие исповедания количество изменников православию измерялось сотнями. Автор приходит к выводу о том, что переходы христиан в ислам в Русском Туркестане были заметным явлением в его общественно-политической жизни, и они не способствовали росту престижа Русской Православной Церкви среди многонационального населения Средней Азии.

Ключевые слова: христиане, ислам, Русский Туркестан, Средняя Азия, неофиты, Российское государство.

The relevance of the study is determined by the fact that Russia was and remains a multinational and multi-confessional country, transitions from one religion to another are not too rare today, therefore it seems important to consider the reasons and motives that prompted people to change their faith. The article deals with the problem of Christians' conversion to Islam in general and in Russian Turkestan in particular. The study describes the characteristics of Islam-Christian relations in Russian Turkestan in the last third of the XIX – early XX century. Based on archival sources, the author gives examples of the religious change of Russian people in favor of Islam, reveals the reasons, writes about the attitude of the Turkestan administration, the Holy Synod and the diocesan authorities to them. The author notes that interreligious relations in tsarist Russia were generally tolerant, but unequal. The Russian Orthodox Church was considered the dominant denomination in the country. The State has firmly and consistently protected her interests in a legal manner. Therefore, the conversions of Orthodox Christians to Islam were extremely rare and secret, since renegades and their seducers were subject to punishment. However, the situation

changed after the adoption of liberal religious legislation in the early XX century. Despite the prohibitions of Orthodox Christians to convert to Islam, the lack of punitive punishment for this prompted some to change their faith. Over time, the number of renegades from Orthodoxy who converted to Islam began to amount to many dozens in the region. Coupled with transitions to other confessions, the number of traitors to Orthodoxy was measured in hundreds. Russian Turkestan's conversions to Islam were a noticeable phenomenon in its socio-political life and they did not contribute to the growth of the prestige of the Russian Orthodox Church among the multinational population of Central Asia.

Keywords: Christians, Islam, Russian Turkestan, Central Asia, neophytes, Russian state.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3-36-51

Царская Россия была многонациональной и поликонфессиональной страной. В ней существовали различные религиозные объединения, которые, однако, не были свободны от государственного воздействия. Их жизнедеятельность регулировалась властью, издававшей соответствующие нормативно-правовые акты. Не вмешиваясь в сущность вероучения, они определяли принципы организации, положения духовенства, богослужебных учреждений, условия вероизменения и т.п. Они не были равными в правовом отношении. Господствующей верой в стране считалось православное христианство. Однако Русская Православная Церковь не была самостоятельной и всецело находилась под пятой царской власти. Ее приверженцы имели все права российского гражданства. Закон обязывал их свято хранить свою веру. Переход православных даже в другие христианские исповедания был затруднителен. Что касается «иноверия» - ислама, иудаизма, буддизма и др., то они вообще были запрещены законом. «Иноверцы» были ограничены в гражданских правах. Поэтому переходы христиан в ислам в самой России были крайне редкими. Положение изменилось после присоединения к империи чисто мусульманского региона - Средней Азии и появления Русского Туркестана, как ее части, кроме Бухарского и Хивинского ханств. Русские переселенцы-христиане вступали в разнообразные контакты с местным населением, перенимали от него полезные для себя привычки. Со временем контакты приобрели духовную плоскость и выразились в переходах мусульман в христианство, а адептов религии Спасителя - в ислам. В отличие от внутренней России, они стали нередкими. Именно анализу переходов христиан в ислам в Средней Азии посвящена эта статья.

Об актах религиозного вероизменения в царской России существует достаточно скромная по объему литература [9; 35; 41; 42; 43]. Что касается переходов христиан в ислам вообще и в Русском Туркестане в частности, то в большинстве научных работ о них только упоминается [1; 2; 3; 4; 7; 12; 13; 14; 15; 23; 59]. Вместе с тем, достаточно подробно об указанных переходах писал известный российский туркестановед П. П. Литвинов, посвятивший этой проблеме специальное исследование [17, с. 131-151]. Он приводит многие примеры вероизменения русских людей в пользу ислама, вскрывает причины переходов христиан в мусульманство, пишет об отношении к ним туркестанской администрации, Св. Синода и епархиальных властей. Не оставляет без внимания такие переходы он и в своей фундаментальной монографии об исламе в Туркестане [18, с. 229-241]. Других научных работ, специально посвященных этой проблеме, нами не выявлено. В статье были использованы *источники* - архивные материалы, данные газет и журналов.

Целью данного исследования является характеристика исламо-христианских отношений в Русском Туркестане в последней трети XIX - начале XX в. в части переходов русских людей в религию коренного населения региона - ислам. Для этого предполагается решить следующие задачи: 1) охарактеризовать меры государственной защиты христианства; 2) вскрыть действительный уровень христианской религиозности в крае; 3) показать причины переходов христиан в мусульманство; 4) выявить их последствия, отношение государственных и церковных властей к ним.

Работа выполнена на основе диалектического способа познания с применением как общенаучных, так и частнонаучных методов исторического исследования, а также различных методологических подходов к изучаемой проблеме.

Как известно, христианство было утверждено на Руси «сверху», то есть властным образом. Однако народ, формально приняв крещение, продолжал сохранять языческие предрассудки. Выдающийся церковный историк митрополит Макарий (Булгаков) (1816-1882) признавал, что множество людей, «в душе оставались язычниками... сохраняли вместе суеверия и обычаи своих отцов» [21, с. 26]. Он писал об «окончательном *насаждении* христианства в России», уточняя, что «при насаждении святой веры и благочестия христианского в народе употребляемы были *все средства*» [21, с. 101]. (Курс. наш - П. Л.). Это означало, что государство силовым образом приучало народ к новой вере, но преуспело лишь отчасти – православие прижилось на Руси, лишь впитав в христианство многие элементы русского язычества, сохраняющиеся и до сих пор (например, *масленица*). Тем не менее, государство допускало функционирование различных религиозных исповеданий, которые оно не признавало вредными. Статьи 44-45 «Основных государственных законов» гласили: «Все непринадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского государства, природные (а) и в подданство принятые (б), также иностранцы, состоящие в российской службе, или временно в России пребывающие (в), пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной. Свобода веры присвоается не токмо христианам иноверных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам (а): да все народы, в России пребывающие славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, *благословляя царствование российских монархов*, и моля Творца вселенной об умножении благоденствия и укрепления силы Империи (б)» [44, с. 17]. (Курс. наш – П. Л.) Вместе с тем, государство свято охраняло устои Русского христианства - православие. Знаменитое «Соборное уложение» 1649 г. в самом начале указывало: «Будет кто иноверцы, какие не буди веры, или Русский человек, возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на родящую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию, или на честный Крест, или на Святых Его угодников... того богохульника, обличив, сжечь» [26, с. 3]. Переходы из одного вероисповедания в другое строго регулировались властями. Всем неправославным конфессиям запрещалась прозелитическая деятельность. Закон указывал: «В пределах государства одна господствующая Православная Церковь имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере (а). Духовные же и светские лица прочих христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям в уголовных законах определенных (б).» [45, с.5]. Еще «Соборное Уложение» 1649 г. предупреждало: «А будет кого бусурман какими-нибудь мерами, насильством, или обманом к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма и того бусурмана по сыску казнить, сжечь огнем без всякого милосердия» [45, с. 156]. Таким образом, переходы православных верующих в ислам были невозможны, хотя закон жестоко наказывал только совратителей, а не ренегатов от христианства: «И кого он русского человека обусурманит: и того русского человека отослать к Патриарху, или к иной власти и велеть ему учинити указ по правилам Святых Апостолов и Святых Отец» [45, с. 156]. Изменивший православной вере отделялся лишь так называемыми «пастырскими увещаниями».

Состояние православной религиозности в Русском Туркестане было «калькой» соответствующего положения во всей царской империи. Многие его считали зыбким – например, об этом писал великий русский критик В. Г. Белинский Н. В. Гоголю 15 июля 1847 г. [6, с. 283-284]. Умы православных верующих подтачивали идеи сектантства – «стригольников», московско-новгородской ереси, Матвея Башкина, Феодосия Косого и др. Воинственно

относились к официальному православию приверженцы «Раскола», духоборцы, молокане, субботники и др. русские секты. В XIX в. в России распространились идеи западного христианства - баптизма, адвентизма, штундизма и проч. Во второй половине этого века кризис в Русской Православной Церкви становится все более серьезным и заметным. В 1876 г. архиепископ Волынский Агафангел (Соловьев) обратился к императору Александру II с письмом, в котором предупреждал, что «если православные миряне внимательно всмотрятся в нынешнюю администрацию Церкви, то отпадение от нее будет происходить не десятками, а тысячами и миллионами лиц» [23, с.7]. Подобные настроения были и в Русском Туркестане. Газета «Туркестанские епархиальные ведомости» отмечала, что во время Пасхи в Ташкенте в толпе слышались громкие крики рабочих, оскорбительные для Церкви и духовенства. Их обвиняли в обирании народа и дармоедстве [25, 263-266]. Газета считала это следствием чтения произведений Льва Толстого и Максима Горького.

Несмотря на то, что изначально переселение русских людей в Среднюю Азию осуществлялось под контролем власти группами и только из числа православных верующих, тем не менее, со временем в регионе оказались носители сектантских идей. Сдержат их появление власти не могли, так как они маскировались под православных. Но были и переселения сектантов, организованные самой туркестанской администрацией. Так, например, в 1890-х гг. начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин поддерживал переселение в подведомственные ему пределы молокан, наделил их землей и образовал из них несколько сектантских поселков. В то же время власти Туркестанского края поддерживали переселение в Среднюю Азию полторы тысячи штундистов [20, с. 47-55]. Законами 1903 и 1904 гг. к переселению в регион допускались не только православные, но и приверженцы терпимых сект [27, с. 741-743; 28, 603-607]. Все это создавало благоприятные условия для вредного влияния на православное сознание, но только в части перехода его носителей в сектантство, в том числе и в запрещенное (например, в хлыстовщину). Это заслуживает отдельного и специального исследования. Но нас интересуют переходы в ислам, в которых ослабленное православное сознание играло значительную и, пожалуй, главную роль. Тому способствовали и объективные обстоятельства.

В Русском Туркестане во многих селениях не было не только православных церквей, но и молитвенных домов. Известный туркестанский деятель Н. П. Остроумов писал: «Как не окиргизиться... простому добросердечному русскому человеку, загнанному нуждой, а иногда и недоразумением в неизвестную даль, за тысячи верст, где русского ничего нет, кроме имени «Россия» и русского начальства? Надо еще удивляться, как при такой беспомощности русский человек совсем не пропадает» [24, с. 67]. Ему вторил туркестанский чиновник Ю. Д. Южаков: «Вдали от русского мира, русский мужик без храма Божьего одичает, пожалуй, омусульманится, видя в каждом ничтожном кишлаке мечети» [59, с. 43]. Это – первое. Второе. Большую роль играло в жизнедеятельности православных переселенцев мусульманское окружение. Во многих местах региона христиане и мусульмане жили бок о бок, или поблизости. Они перенимали друг у друга не только полезное. О вредном влиянии мусульман на переселенцев писал православный священник Григорий Богословский [8]. Однако начальник Аулиеатинского уезда, полковник В. Калаур отрицал его мнение и приветствовал контакты русских и мусульман [37]. П. П. Литвинов отмечает распространение между переселенцами-христианами мусульманского обычая уплаты калыма за невесту [19, с. 128]. Он же указывает, что «православные переселенцы обращались за лечением к мусульманским муллам-знахарям, получая от них в качестве «лекарства» бумажки с выписками из Корана, либо заучивая наизусть непонятные заклинания из него. При этом многие верили в чудодейственную силу мусульманского лечения» [19, 128]. Такое «сотрудничество» не вело к измене православию, но было опасно для религиозного сознания. Нередко оно заканчивалось действительными переходами христиан в ислам.

Переходы православных и иных христиан Русского Туркестана в ислам не были простым следствием упадка религиозного сознания. Каждый из них имел свои субъективные и объективные причины. Совокупное рассмотрение их позволяет определенным образом классифицировать их. Основной причиной, на наш взгляд, являлись материальные соображения. Многие переселенцы, особенно в начале XX в., оказывались в трудном положении – без земли, орудий труда, денег и т. п. Условия жизни вынуждали их идти на изменение веры. Газета «Закаспийское обозрение» писала о том, что в Туркестанском крае наблюдаются частые переходы русских в мусульманство. «Почти в каждом большом кишлаке есть два-три таких ренегата. Причина почти всегда одна и та же – материальный расчет. Мусульмане охотно оказывают поддержку переходящим в их религию: дают землю, покупают инвентарь... Особенно охотно переходят в мусульманство переселенцы из сектантов. У них теперь не считается предосудительным выдавать дочерей за туземцев. Прельщает в таких случаях калым, доходящий иногда до очень больших размеров... Туземцы также весьма охотно женятся на русских девушках, так как это считается у них особенным шиком» [11]. Важное место в системе вероизменения туркестанских христиан занимали женские переходы в ислам. Одной из причин подобных явлений было длительное проживание православных среди мусульман и деловые отношения с ними. Наконец, были иные переходы православных в ислам, не поддающиеся определенной классификации. Следует отметить, что вплоть до 1917 г. переходы православных в ислам были категорически запрещены законом. Вместе с тем, либерализация религиозного законодательства России в начале XX в. разрешила их переходы в другие исповедания, но с обязательным прохождением 40-дневного «пастырского увещания» со стороны православных священников, призванных убедить ренегатов отказаться от своего намерения [28, с. 1196-1198; 29, с. 257-258]. Несмотря на законные запреты перехода православных в ислам, эта мера применялась и к тем, кто собирався это сделать.

Как отмечалось, основным мотивом вероизменения православных было трудное материальное положение. Так, в 1906 г. действительно перешел в ислам вместе с женой и семьей сибирский казак из «инородцев» Пахандрин, переселившийся в Семиреченскую область еще в 1890-х гг. Он 15 лет просил зачислить его в местное казачье войско, но ему отказали. И он оказался на грани голодной смерти. В это время мусульмане предложили ему перейти в ислам, за что обещали ему помочь. И помогли землей, скотом и др. Во время расследования инцидента Пахандрин заявил священнику Антонову, что если бы его зачислили в казаки, то он никогда бы не принял ислам. Тем не менее, туркестанский епископ Димитрий (Абашидзе) назначил Пахандриным проведение «пастырских увещаний», которые они отвергли решительно и бесповоротно. В марте 1908 г. дело было передано прокурору Верненского окружного суда с требованием привлечь ренегатов от православия к судебной ответственности. Архиепископ поддержал военный губернатор Семиреченской области, генерал-майор В. И. Покотило. Однако прокурор указывал Покотило и епископу в письме от 31 июля 1908 г. на то, что статья 195-я, наказывавшая за уклонение из православия в ислам, была отменена законом от 14 марта 1906 г. [31, с. 261-266]. Поэтому он не может возбудить уголовное дело против Пахандрина и его жены [46, л. 50]. Это только один пример перехода христиан по Семиреченской области – в реалиях их было больше. Область была «кочевой» по основному составу населения, но именно в ней было больше всего переселенцев-христиан. Поэтому она считалась лидером в части вероизменения среди последних. Но случаи такого рода были и в другой «кочевой» области – Закаспийской. Туркмены не принимали в свою среду русских христиан, но казахи Мангышлака относились к ним иначе. В апреле 1909 г. начальник Мангышлакского уезда писал в рапорте в канцелярию начальника Закаспийской области о том, что переселенец из Балахнинского уезда Нижегородской губернии Николай Павлович Смолин выразил желание перейти в ислам [56, с. 43]. Полиция выяснила, что один богатый казах пообещал Смолину за перемену веры существенную мате-

риальную поддержку. Начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант М. Д. Евреинов приказал сообщить Смолину о том, что если он примет ислам, то будет сразу же выселен за пределы области [56, с. 45].

По мнению П. П. Литвинова, больше половины переходов христиан Русского Туркестана в ислам приходилось на долю женщин. Он приводит многие примеры женского вероизменения в пользу мусульманства [17, с. 137-142]. Его причины были разными – влюбленность, отсутствие родительского воспитания (особенно материнского), половая распущенность, нищенское существование и т. п. Кроме примеров женских переходов в ислам в Русском Туркестане, которые приводит П. П. Литвинов, можно привести и другие. Однако мы считаем важнее указать на реакцию властей на них. Исследователь Т. В. Котюкова пишет о том, что туркестанского епископа Димитрия (Абашидзе) более всего тревожили участвовавшие переходы православных (преимущественно женщин) в ислам, однако она достаточно поверхностно объясняет этот процесс [15, с. 163-164]. 1-й Туркестанский епархиальный съезд духовенства 21 июля 1909 года осудил женские переходы в мусульманство [39, с. 132-133]. 10 марта 1910 г. епископ Туркестанский и Ташкентский направил письмо туркестанскому генерал-губернатору А. В. Самсонову и областным губернаторам, в котором выражал озабоченность участвовавшими переходами православных в ислам, прежде всего женских [41, с. 20]. 5 апреля 1910 г. военный губернатор Семиреченской области, генерал М. А. Фольбаум писал архиерею: «Существенную, а иногда и главную роль играет здесь низкая степень нравственных и религиозных понятий, благодаря которой наблюдается такая простота нравов и отношений, что связь русских женщин с киргизами и киргизских с русскими не считается почти предосудительной - имеет немалое распространение и влияет, конечно, на отпад от Православия... Наиболее действенным средством для борьбы с этим злом может быть воздействие на религиозно- нравственную сторону, которое могут оказать более всего духовные пастыри, несомненно, и прилагающие к тому свои усилия. Администрации же, при всем ее желании, трудно предупреждать и пресекать это зло, а, особенно теперь, когда Закон, каравший переход и соращение в иноверие, отменен» [47, л. 5 об.].

Женские переходы в ислам в Русском Туркестане продолжались вплоть до 1917 г. В начале этого года власти пытались отвратить жительницу г. Красноводска Закаспийской области Прасковью Шишкину от перехода в ислам. Ей были назначены «пастырские увещания». Однако, как сообщала уже после революции (20 апреля 1917 г.) Туркестанская консистория в Канцелярию Закаспийской области, они не имели никакого успеха [57, л. 14].

Среди переходов православных в ислам в Русском Туркестане можно выделить тех, кто решил сделать это из-за длительного общения с мусульманами. Богатый русский крестьянин Кузьма Грошев решил перейти в ислам с тем, чтобы еще шире вести свое дело. Когда власти стали его тревожить, он «легко от них откупился и категорически отказался возвращаться в родную веру, заявив, что «давно уже забыл все обряды православия и почти не говорит по-русски» [17, с. 145]. Другие русские переходили в ислам по причине бедности и длительной работы на мусульманских хозяев, например, Николай Якушев и Яков Милешкин. Первого привлекли к ответственности не за вероизменение, а за недонесение о готовящемся Андижанском восстании 1898 г.; второй был отпущен за обещание вернуться в православие, но был поставлен под надзор полиции [17, с. 143-144]. К указанной категории ренегатов от православия можно отнести и Сидора Вошкина, православного жителя сел. Малый Токмак Пишпекского уезда Семиреченской области, призванного в конце 1880-х гг. на военную службу. Он решил уклониться от нее и исчез из дому в неизвестном направлении. Его случайно обнаружили в 1998 г. среди кочевников Кенсоль-Карайгырской волости, Андижанского уезда, Ферганской области, где разыскивали ренегата от православия вышеупомянутого Николая Якушева, принявшего ислам под именем Мусульманкула и проживавшего в тех местах. Он был тоже из Малого Токмака и, видимо, поэтому Сидор сбежал к своему земляку. К этому времени Вошкин жил как мусульманин Ахмеджан Данаев с женой

и детьми. В конечном счете, он был вместе с «киргизской» семьей интернирован на родину, а начальник Пишпекского уезда за мзду закрыл его дело [18, с. 229-230]. Мы обнаружили документ, из которого явствует, что «усыновивший» Ахмеджана волостной управитель Исенбай Данаев, стараясь спасти того от русских властей, симулировал его утопление в реке. Когда Базаркурганский полицейский пристав, поручик Рукин осматривал место, с которого якобы сбросили Ахмеджана, Данаев схватил его и пытался сбросить в реку, но сам упал в реку [32, л. 2 об.]. А Рукин повис над водой и кыргызы помогли ему выбраться. Выяснилось, что утопленником оказался кыргыз Юлдаш, а труп Данаева не обнаружили. Четверо кыргызов, спасших Рукина, и Балыкчинский волостной управитель за содействие властям были представлены к награждению [32, л. 3].

Были переходы русских православных в ислам по иным причинам. Например, житель сел. Покровского Семиреченской области Иван Фимушин в 1911 г. бросил отца, мать, жену с тремя детьми и ушел в Тонскую волость к кыргызке, к которой питал страстную любовь [17, с. 143]. Мещанин г. Оша, Ферганской области Василий Трусов с детства работал в «прислугах» у мусульман и перешел в ислам, так как был приказчиком в лавке богатого купца Саидказиева и был вовлечен им в мужеложество [17, 146]. В 1910 г. в ислам перешел 23-летний житель сел. Никольского, Ташкентского уезда, Сырдарьинской области Пантелеймон Семич. Он пристрастился к курению анаши, дружил только с мусульманами, днями просиживал в чайхане, хотел иметь 4-х жен и многих наложниц, которые бы своим трудом содержали его. Давление отца и властей принудили его вернуться в лоно родной веры [18, с. 237].

Митрополит Среднеазиатский Владимир (Иким) писал о тех, кто перешел из христианства в ислам: «Очевидно, что эти немногие люди переменили веру из внутренних побуждений, что нисколько не затронуло общих дружественных отношений православных и мусульман» [7, 174]. С его мнением никак нельзя согласиться. Во-первых, «немногие люди» составляли суммарно многие десятки человек. Газета «Туркестанские епархиальные ведомости» писала: «Переходы из православия в мусульманство ... настолько стали делом заурядным, что уже никого не удивляет» [38]. Во-вторых, слова о «внутренних побуждениях» звучат двусмысленно. Их можно понимать, как размышления о вере, или как просто поверхностные настроения. Во всяком случае, прав П. П. Литвинов, который пишет о том, что «из всех довольно многочисленных случаев перехода христиан в ислам в Туркестане, ни один не был связан с глубокой внутренней убежденностью христианина-рenegата в том, что он переходит в веру, которая по своим религиозным ценностям является более возвышенной, нежели учение Христа, и превосходит последнее своим гуманизмом, справедливостью, милосердием и т.п.» [17, с. 150].

Хотелось бы отметить, что вопрос о законных переходах христиан в ислам в дореволюционной Средней Азии доселе не имеет над собой должной научной рефлексии, и мы полагаем частично восполнить этот пробел.

Как известно, система религиозных отношений в царской России на протяжении веков оставалась неизменной и не могла не стать тормозом для общественно-исторического развития страны. В западных странах в XIX в. уже восторжествовали идеи свободы совести и веротерпимости, хотя и не без специфики. В Российской империи были затруднительны даже переходы из одного христианского исповедания в другое, а вероизменение православных в ряды «иноверия» (ислама, иудаизма, буддизма и др.) было категорически запрещено законом. Даже те, кто принял православие из «иноверия», а потом отступил от него, привлекались к ответственности. Были такие случаи в рассматриваемом нами Русском Туркестане. Так, 9 июня 1888 г. Сергиопольский уездный судья сообщал военному губернатору Семиреченской области, генерал-майору Г. И. Иванову о том, что он представляет следственное дело о выкрешенной из «киргиз» казачке Буркубаевой, «вышедшей вторично замуж по обрядам магометанской веры» [48, л. 1]. Иванов приказал отдать ее под суд за отступле-

ние от православной веры и потребовал от Верненской военно-судной комиссии не затягивать рассмотрение дела «киргизки» Буркубаевой [48, л. 2-2 об].

Положение изменилось в начале XX в., когда был принят ряд соответствующих законодательных актов, уже упоминавшихся нами выше [28, 1196-1198; 29, с. 258-262]. Их положения получили разъяснение в подзаконных документах. 18 августа 1905 г. министр внутренних дел А. Г. Булыгин издал циркуляр, в котором отмечал, что после царского указа от 17 апреля 1905 г. многие, ранее крещенные, стали возвращаться в свои бывшие вероисповедания. Он подтверждал, что лица, ранее выкрещенные, а также те, чьи предки были нехристианами, могли свободно уходить в ислам [49, л.5]. 14 декабря 1905 г. Св. Синод издал указ, в котором отмечал, что на основании царского указа от 17 апреля 1905 г. и циркуляра министра внутренних дел от 18 августа 1905 г. установлен следующий порядок отпадения из православия в «иноверие»: мусульмане и лица других нехристианских исповеданий, лишь числящиеся православными, должны подавать заявление о переходе в иноверие губернатору, который должен был проверить, действительно ли у просителя были предки нехристианского исповедания [46, л. 90 об.]. При этом Св. Синод указывал, что надо все же сохранять правило «пастырских увещаний» отпадающих из православия в течение не более месяца со дня получения прошения о переходе в иные исповедания [46, л. 91]. Это было просто предложение, однако министр внутренних дел П.А. Столыпин 5 ноября 1907 г. узаконил его, издав циркуляр губернаторам, в котором указывал, что даже бывших магометан надо все равно подвергать «пастырским увещаниям», а не отпускать их просто так [48, л. 16]. По всей России началось возвращение «ногайбаков», как называли крещеных мусульман, в веру Пророка. Так, например, в Петровском уезде, Саратовской губернии все татары поголовно (3176 душ) вернулись в ислам [22]. Зарубежная исследовательница Ширин Акинер пишет о том, что после того, как царь Николай II издал 17 апреля 1905 г. указ об укреплении начал веротерпимости, «многие крещеные татары, башкиры, чувашаи и проч. возвратились в лоно ислама» [60, р. 10]. Она отмечает, что «православные миссионеры были так поражены этой тенденцией, что антимусульманская литература, издаваемая в это время, напоминала подобную литературу советского периода. Но она имела слабый эффект и ко времени революции 1917 г. ислам в Российской империи был сильнее, чем когда-либо ранее, насчитывая более 20 млн. приверженцев» [60, р. 10].

Русский Туркестан в начале XX в. выступал уже как Туркестанский край, объединивший все 5 российских областей в Средней Азии. Он не подчинялся МВД, а находился в ведении военного министерства. Поэтому туркестанские чиновники не были обязаны исполнять циркуляры министров внутренних дел, однако все заявления «ногайбаков» о возвращении в ислам должны были подаваться на имя областных военных губернаторов¹. 40-дневные «пастырские увещания» с «ногайбаками» были делом Русской Православной Церкви, с которой туркестанские чиновники не могли не считаться. Поэтому при переходе местных «ногайбаков» в ислам они формально отправляли их заявления в Туркестанскую Духовную консисторию для назначения «увещаний» и после отрицательного ответа из нее те исключались из списка православных.

7 июля 1907 г. подала прошение военному губернатору Семиреченской области жительница города Верного Александра Михайловна Харченкова, называвшая себя также Биби-Джамилей Хайбутдиновой. Писала о том, что была крещена, так как родилась в смешанном браке, но по духу всегда была мусульманкой. Ее выдали замуж за православного Харченкова, однако он куда-то пропал. Просила разрешить ей вернуться в магометанство и исключить из числа православных [46, л. 10-10 об.]. Харченковой были назначены «пастырские увещания», не имевшие успеха. И она была исключена из списка православных.

¹ Закаспийской областью руководил начальник, а не военный губернатор – прим. авт.

28 января 1909 г. подала прошение семиреченскому губернатору о желании перейти в «магометанство» дочь мещанина г. Копала Александра Климова – Ирина, которая указывала, что ее мать была казашкой и приняла православие при выходе замуж за ее отца - русского и православного. Писала, что мать воспитывала ее по казахским обычаям и почти не разговаривала с ней по-русски, так как сама его плохо знала. В прошении содержались и другие факты, оправдывающие ее желание принять ислам [50, л. 5-5 об.]. Любопытно, что консистория проигнорировала прошение Ирины Климовой и ей пришлось подавать прошение вторично в октябре 1909 г. На сей раз консистория не назначила «пастырских увещаний», а устроила полицейскую проверку дела. Копальская уездная полиция, изучив все факты, подтвердила право просительницы на переход в ислам. В архивном деле ничего не говорится о проведении с Климовой «увещательных» бесед, но есть письмо Консистории в обл. правление о том, что в виду бесполезности «увещания» она исключена из списков православных Туркестанской епархии. Любопытно, что в октябре 1911 г. подала прошение о переходе из православия в ислам и ее мать – Александра Климова. Не получив ответа в течение двух лет, 7 сентября 1913 г. она подала новое прошение, в котором указывала, что вместе с ней ходят перейти в ислам и ее православные дети: дочь 17 лет и два сына – 20 и 15 лет, оставшиеся без отца, давно умершего. Просила разрешить ей переход в ислам с тем, чтобы вернуться в свой род, где она может легче прожить и прокормить детей [51, л. 7]. Такое «семейное» ренегатство озадачило семиреченские власти. Поэтому военный губернатор, генерал М. А. Фольбаум приказал Верненской полиции провести новую проверку. Она вновь подтвердила достоверность всех событий в жизни Александры Климовой. Последней с детьми были назначены «пастырские увещания», продолжавшиеся целый год, но, как писала консистория в областное правление, «Климовы остались неуклонными в своем намерении» [51, л. 9 об.]. При этом нелишне указать, что исключение из числа православных было делом не Туркестанской духовной консистории, а соответствующих областных правлений.

В том же 1909 г. власти расследовали дело некоего Александра Васильевиче Байчанова, «киргиза», который принял православие еще в юности, в 1894 г., а позже в 1900 г. женился на православной жительнице Токмака, которая родила от него ребенка. После царского указа от 17 апреля 1905 г., Байчанов снова стал мусульманином под своим настоящим именем Мендыбая Карамысова. Полиция установила, что он тут же женился на мусульманке-«киргизке» Хадиче и ко времени разбирательства уже имел от нее двух детей. Карамысов заявил полиции, что он предлагал бывшей русской жене Елене Байчановой перейти в мусульманство и стать его второй женой с тем, чтобы воспитывать 8-летнюю дочь от нее. В показаниях, данных полиции, религиозный перебежчик заявил, что он принял православие, надеясь, что за это его будут даром кормить и поить, но, поскольку так не случилось, то он решил вернуться в «веру своих предков», заявив, однако, при этом, что «в настоящее время я сам не знаю, к какой вере и закону принадлежу» [52, л. 13]. Несмотря на то, что при возвращении в ислам он не получил разрешения властей и не прошел «пастырских увещаний», он был исключен из числа православных.

В январе 1910 г. епископ Туркестанский и Ташкентский Димитрий (Абашидзе) получил прошение от жительницы Копальского уезда Марии Ивановны Серебряковой, заявившей о переходе в ислам в связи с желанием выйти замуж за мусульманина - казаха Иссаке Игибаева [53, л. 1]. Согласно установленному порядку, Туркестанская духовная консистория передала прошение в Семиреченское областное правление, которое поручило провести расследование начальнику Копальской уездной полиции. По поручению последнего, участковый пристав выяснил, что мать Серебряковой была казашкой и приняла православие при выходе замуж за русского - семиреченского казака Ивана Серебрякова. Пристав установил также, что Мария Серебрякова прожила всю жизнь с родителями в урочище Алтай Копальского уезда в окружении казахов, в связи с чем, совершенно не знала русского языка. Соб-

ранние приставом материалы были отправлены областным правлением епископу для того, что консистория организовала положенные «увещательные» беседы с Серебряковой, которые не имели успеха [53, л. 10].

23 июля 1910 г. подала прошение военному губернатору Семиреченской области, генералу М. А. Фольбауму о переходе из православия в ислам Наталия Захарова [54, л. 1-1об.]. Она отмечала, что была окрещена 25 лет назад, и до этого у нее было имя Турумтай Кайтанова. После крещения она вышла замуж за русского. Прижила с ним двоих детей. Потом жила с другим мужем и родила троих детей. Последний муж был конокрадом и когда его поймали, то он сумел сбежать с детьми в горы. Захарова утверждала о том, что за все время она так и не узнала ни русского языка, ни православных обычаев, так как постоянно жила в горах. В прошении все излагалось сумбурно, но было ясно, что она тоже была судима. 21 июня 1911 г. Туркестанская консистория сообщала в Семиреченское областное правление о том, что душеспасительные беседы с Захаровой не достигли цели [54, л. 13]. Поэтому оно 2 августа 1911 г. оно писало Верненскому полицмейстеру о том, чтобы он сделал в «гражданских документах» Захаровой (Кайтановой) отметку об ее исключении из числа православных [54, л. 15].

В 1910 г. в Сырдарьинской области пожелала перейти в ислам Елена Дунаева. В прошении она отмечала, что в молодости ее насильно выдали замуж на оренбургского казака, с которым она прожила 20 лет несчастной жизни. Дунаева указывала, что теперь она живет в Ташкенте с мусульманином и хочет выйти за него замуж [58, л. 24]. Проверка показала, что родители Дунаевой были «ногайбаками», то есть выкрестами из мусульман. И по закону она имела право на переход в ислам. Поскольку «пастырские увещания», проведенные с ней, не дали результата, то она без проблем влилась в мусульманское сообщество города.

28 мая 1912 г. подал прошение о возвращение в ислам житель г. Верного Алексей Хапилин. Он писал о том, что является по происхождению казахом-мусульманином и был окрещен, вопреки его воле, в 12-летнем возрасте. Просил разрешить вернуться в веру предков на основании Закона от 17 апреля 1905 г. Хапилину были назначенные «душеспасительные» беседы с православным священником, которые, понятно, не имели позитивного результата. 1 декабря 1912 г. Семиреченское областное правление писало полицмейстеру г. Верного о том, чтобы он исключил Хапилина из списка православных и в полицейских бумагах сделал отметку о том, что тот стал «магометанином» [55, л. 13].

Иногда при переходе людей в ислам случались курьезы. Так, например, в 1906 г. подал прошение о разрешении перейти в ислам житель выселка Илийского, Верненского уезда, Семиреченской области Иван Михайлов. Он писал о том, является выходцем из Казанской губернии, что ранее звался Имангулом Рамазановым, потом числился православным, но исповедовал мусульманскую религию и хочет вернуться в нее открыто [46, л. 3-3об.]. Рамазанов утверждал, что он не был крещен, так как его от этого скрыли родители, которые были «выкрестами». Тем не менее, ему были назначены «пастырские увещания». Была проведена проверка, в том числе по месту его прежнего жительства в Свяжском уезде. Выяснилось, что Рамазанов не был крещен, а потому его нельзя исключить из списка православных, где он не значился.

Против возвращения «ногайбаков» в ислам выступали российские черносотенцы и реакционные церковники. Например, епископ Саратовский и Царицынский Алексей (Дородницын) писал в 1914 г. о нежелательности разрешения крещеным «инородцам» в веру предков [2, с.34]. Последовательно выступали за свободу переходов в избираемые людьми вероисповедания члены Вероисповедной комиссии Государственной думы [12, 33, 36].

Таким образом, межрелигиозные отношения в царской России в целом были терпимыми, однако неравноправными. Господствующей в стране конфессией считалась Русская Православная Церковь. Государство твердо и последовательно защищало ее интересы пра-

вовым образом. Только она имела законное право на прозелитическую и миссионерскую деятельность среди многонационального населения Российской империи. Переходы людей из православия даже в другие христианские конфессии были весьма затруднительны, а вероизменение православных в отношении «иноверческих» исповеданий (ислама, иудаизма, буддизма и др.) было категорически запрещено. Поэтому переходы православных христиан в ислам были крайне редкими и тайными, поскольку лица, соблазвившие их к тому, подлежали очень суровому наказанию. Положение изменилось после присоединения к России Средней Азии, население которой на 99 % было мусульманским. Такое окружение не могло не влиять разным образом на относительно малочисленных русских жителей. Их православная религиозность стала снижаться за счет усвоения мусульманских привычек к калыму, к лечению у местных знахарей, к неизвестным ранее народным развлечениям и т. п. Исподволь создавалась платформа для перехода христиан в ислам. Однако такое вероизменение в основном имело не идейно-религиозную, а корыстную подоплеку – стремление к улучшению материального благосостояния. Среди женщин большинство переходов в мусульманство имело чувственную основу, но были и случаи, продиктованные нищенским существованием и отсутствием правильного семейного воспитания. Переходы православных в ислам были и результатом их произвольных решений, связанных с тяготением к условиям сугубо мусульманского быта.

Переходы православных в ислам в Русском Туркестане особенно участились после принятия либерального религиозного законодательства начала XX в. Несмотря на запреты православным переходить в ислам, отсутствие карающего наказания за это подвигало многих к перемене веры. Со временем число ренегатов от православия, перешедших в мусульманство, стало составлять в регионе многие десятки. Вкупе с переходами в другие исповедания количество изменников православию измерялось сотнями. Это обстоятельство явно не способствовало росту престижа Русской Православной Церкви среди многонационального населения Средней Азии.

Особую категорию православных христиан, переходивших в ислам, представляли собой «ногайбаки», предки которых некогда были мусульманами. Они имели законное право на вероизменение в пользу религии своих предков. Однако при этом они были обязаны соблюдать установленные процедуры – подавать прошения на имя областных руководителей, предъявлять метрические свидетельства о крещении своем и родительском, проходить «пастырские увещания» у священников и т. п.

Таким образом, в целом переходы христиан в ислам в Русском Туркестане были заметным явлением в его общественно-политической жизни и заслуживают более углубленного и специального научного изучения.

Список источников и литературы

1. Айтмамбетов, Д. (1967). *Культура киргизского народа во второй половине XIX - начале XX в.* Фрунзе: Илим. 309 с.
2. Алексей, (Дородницын) (1914). *Воинствующий ислам.* Москва: Печ. А. И. Снегиревой. 36 с.
3. Арапов, Д. Ю. (2008). *Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.)* Москва: Изд. МПГУ. 287 с.
4. Бартольд, В. В. (1966). *Турция, ислам, христианство.* Соч. в 9 т. т. 6, Москва: Изд. АН СССР. 785 с.
5. Баязитов, А. (1887). *Отношение ислама к науке и иноверцам.* Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина. 785 с.
6. Белинский, В. Г. (1982). *Собрание сочинений в 9 томах.* Т. 8. Москва: Художественная лит-ра. 786 с.

7. Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский (2002). *Земля потомков Патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия*. Москва: Изд-во Моск. Патриархии. 348 с.

8. Григорий Богословский. *Первые впечатления священника селения Покровского, Аулиеатинского уезда, Туркестанской епархии* // Туркестанские ведомости. 1894. № 92. 18 декабря.

9. Дорская, А. А. (2001). *Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX в.* Санкт-Петербург: Издательство РПГУ. 144 с.

10. Гордлевский, В. А. (1960). *Силуэты Турции. Этюд «Двоеверы»* // Избранные сочинения. Т. 3. Москва: Вост. лит-ра. 582 с.

11. Закаспийское обозрение. 1911. № 161. 27 июля.

12. Каменский, П. В. *Вероисповедные и церковные вопросы в Государственной думе Третьего созыва и отношение к ним «Союза 17 октября»*. М.: Тип-лит. Е. Кудинова, 1909. 106 с.

13. Кобищанов, Т. Ю. (2008). *Русские мамлюки в Османском Египте* // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. № 2. С. 47-66.

14. Кричинский, Арслан (1919). *Очерки русской политики на окраинах*. Часть 1. Из истории религиозных притеснений крымских татар. Баку: Союз мусульманск. трудовой интеллигенции. 296 с.

15. Котюкова, Т. В. (2016). *Окраина на особом положении...Туркестан в преддверии драмы*. Москва: Научно-политическая книга. 390 с.

16. Кумпан, Е. Н. (2013). *Религиозные процессы на Северном Кавказе в контексте либеральных реформ начала XX в.* // Теория и практика общественного развития. № 1. С. 280-284.

17. Литвинов, П. П. (1999). *От Христа к Магомету (религиозное ренегатство в Средней Азии (конец XIX- начало XX в.) (По архивным материалам)* // Собор (альманах по религиоведению). Выпуск 1. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина. С. 131-151.

18. Литвинов, П. П. (1998). *Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917. (По архивным материалам)*. Елец: ЕГПИ. 321 с.

19. Литвинов, П. П. (1996). *Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.)*. Елец: ЕГПИ. 260 с.

20. Литвинов, П. П. (1996). *Переселення українців-сектантів до Середньої Азії наприкінці XIX- на початку XX ст.* // Український історичний журнал. № 2. С. 47-55.

21. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский (1995). *История Русской Церкви. Книга вторая. История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988-1240)*. Москва: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1051 с.

22. Мир ислама. 1912. Т. 1. № 4.

23. Митрополит Евлогий (Георгиевский), (1994). *Путь моей жизни*. Москва: Московский рабочий. 621 с.

24. Остроумов, Н. П. *Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством*. Санкт-Петербург: Тип. С. Е. Добродеева, 1888. 75 с.

25. Пасха в Ташкенте // Туркестанские епархиальные ведомости. 1907, № 11. 1 июня.

26. ПСЗРИ-1. Т. 1. СПб., 1830. № 1. Гл. XXII. Ст. 24. С. 156.

27. ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 23126. С. 741-743.

28. ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. С. 1196-1198.

29. ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26125.

30. ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26126. С. 258-262 .

31. ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27560. С. 261-266.

32. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. И-400, оп.1, д. 2216.
33. Россия. Государственная дума. Вопросы: приходской, старообрядческий, вероисповедный. Речи и доклады в 3-й Государственной Думе, сессия 11-я. 1908-1909 гг. Санкт-Петербург: Тип. газ. "Голос правды", 1910. 134 с.
34. Терентьев, М. А. *Туркестан и туркестанцы* // Вестник Европы. 1875. Кн. 10. Октябрь.
35. Терюкова, Е. А. (2010). *Деятельность Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи в XIX – начале XX вв.* // Религиоведение. № 3. С. 43-49.
36. Тукаев, Мухаммед Шакир Харисов (1912). *Отчет члена комиссии по вероисповедным вопросам Государственной Думы II и III созывов.* Уфа: Тип. т-ва "Печать". 16 с.
37. Туркестанские ведомости. 1895. № 51. 16 июля.
38. Туркестанские епархиальные ведомости. 1908. № 7. 1 апреля.
39. Туркестанские епархиальные ведомости. 1909. № 22. 15 ноября. Часть официальная. С. 132-133.
40. Флыгин, Ю. С. (2010). *Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867-1917)* // Вторые Востокведческие чтения памяти Н. П. Остроумова. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Сб. мат. Ташкент: Илим. С. 122-130.
41. Сафонов, А. А. (2008). *Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX в.:* автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Москва.
42. Сафонов, А. А. (2007). *Генезис вероисповедной политики Российского государства. XVIII - начало XX века* // История государства и права. № 2. С. 20-23.
43. Сафонов, А. А. (2017). *Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений.* Москва: Проспект. 349 с.
44. Свод законов Российской империи (СЗРИ). Т. 1. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 1. Основные законы и учреждения государственные. Санкт-Петербург, 1833. С. 17.
45. СЗРИ. Т. 11. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Санкт-Петербург, 1857.
46. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РКаз.). Ф. 44. Оп. 1. Д. 2547.
47. ЦГА РКаз. Ф. 44. Оп.1. Д. 3386.
48. ЦГА РКаз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 46291.
49. ЦГА РКаз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2163.
50. ЦГА РКаз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3146.
51. ЦГА РКаз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3529
52. ЦГА РКаз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3031.
53. ЦГА РКаз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3303
54. ЦГА РКаз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3409
55. ЦГА РКаз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3951
56. Центральный государственный архив Республики Туркменистан (ЦГА РТур.). Ф. 1. Оп. 2. Д. 2780.
57. ЦГА РТур. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2804.
58. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУзб.). Ф. 17. Оп. 1. Д. 2058.
59. Южаков, Ю. Д. *Итоги 27-летнего правления Туркестанским краем* // Русский вестник. 1891. Т. 215. Август.
60. Shirin, Akiner (1983). *Islamic Peoples of the Soviet Union.* London, Boston: Melbourne and Henley.

References

1. Ajtmambetov, D. (1967). *Kul'tura kirgizskogo naroda vo vtoroj polovine XIX - nachale XX v.* [Culture of the Kyrgyz people in the second half of the XIX - early XX century]. Frunze, Ilim Publ. (in Russian).
2. Aleksij (Dorodnicyn). *Voinstvuyushhij islam.* [Militant Islam]. Moscow, Pech. A. I. Snegirevoj, 1914. (in Russian).
3. Arapov, D. Yu. (2008). *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossij-skoj imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX vv).* [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the XVIII – early XX centuries)]. Moscow, Izd. MPGU. (in Russian).
4. Bartol'd, V. V. (1966). *Turciya, islam, xristianstvo.* [Turkey, Islam, Christianity]. Soch. v 9 t., t. 6, Moscow. (in Russian).
5. Bayazitov, A. *Otnoshenie islama k nauke i inoverczam.* [The attitude of Islam to science and gentiles]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1887. (in Russian).
6. Belinskij, V. G. (1982). *Sobranie sochinenij v 9 tomax. T. 8.* [Collected works in 9 volumes. Vol. 8]. Moscow, Xudozhestvennaya lit-ra. (in Russian).
7. Vladimir, mitropolit Bishkekiskij i Sredneaziatskij (2002). *Zemlya potomkov Patriarxa Tyurka. Duxovnoe nasledie Kirgizii i xristianskie aspekty' e'togo naslediya.* [The land of the descendants of the Patriarch of the Turks. The spiritual heritage of Kyrgyzstan and the Christian aspects of this heritage]. Moscow, Izd-vo Mosk. Patriarxii. (in Russian).
8. Grigorij Bogoslovskij. *Pervy'e vpechatleniya svyashhennika seleniya Po-krovskogo, Aulieatinskogo uezda, Turkestanskoy eparxii.* [The first impressions of the priest of the village of Pokrovsky, Aulieatinsky district, Turkestan diocese] in *Turkestanskije vedomosti*, 1894, 92, 18 dekabrja. (in Russian).
9. Dorskaya, A. A. (2001). *Svoboda sovesti v Rossii: sud'ba zakonoproektov nachala XX v.* [Freedom of conscience in Russia: the fate of the bills of the early twentieth century]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RPGU. (in Russian).
10. Gordlevskij, V. A. (1960). *Silue'ty' Turcii. E'tyud «Dvoevery'»* [Silhouettes of Turkey. Etude "Twofold"] in *Izbranny'e sochineniya*, t. 3. Moscow, Vost. lit-ra. (in Russian).
11. *Zakaspijskoe obozrenie*, 1911, 161, 27 iyulya. (in Russian).
12. Kamenskij, P. V. *Veroispovedny'e i cerkovny'e voprosy' v Gosudar-stvennoj dume Tret'ego sozy'va i otnoshenie k nim «Soyuza 17 oktyabrya».* [Religious and ecclesiastical issues in the State Duma of the Third Convocation and the attitude of the "October 17 Union" to them]. Moscow, Tip-lit. E. Kudinova, 1909. (in Russian).
13. Kobishhanov, T. Yu. (2008). *Russkie mamlyuki v Osmanskom Egipte.* [Russian Mamluks in Ottoman Egypt] in *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriya 13, Vostokovedenie, 2, 47-66. (in Russian).
14. Krichinskij, Arslan. *Ocherki russkoj politiki na okrainax.* [Essays on Russian politics on the outskirts]. Chast' 1. Iz istorii religiozny'x pritenenij kry'mskix tatar. Baku, Soyuz musul'mansk. trudovoj intelligencii, 1919. (in Russian).
15. Kotyukova, T. V. (2016). *Okraina na osobom polozhenii...Turkestan v preddverii dramy.* [The outskirts are in a special position...Turkestan on the eve of the drama]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga. (in Russian).
16. Kumpan, E. N. (2013). *Religiozny'e processy' na Severnom Kavkaze v kontekste liberal'ny'x reform nachala XX v.* [Religious processes in the North Caucasus in the context of liberal reforms of the early twentieth century] in *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*, 1, 280-284. (in Russian).
17. Litvinov, P. P. (1999). *Ot Xrista k Magometu (religioznoe renegatstvo v Srednej Azii (konecz XIX - nachalo XX v.) (Po arxivny'm materialam)* [From Christ to Mohammed (religious

Renegade in Central Asia (late XIX - early XX century) (According to archival materials)] in *Sobor* (al`manax po religiovedeniyu), vy`pusk 1. ElecZ, EGU im. I. A. Bunina, 131-151. (in Russian).

18. Litvinov, P. P. (1998). *Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane. 1865-1917. (Po arxivny`m materialam)*. [The state and Islam in Russian Turkestan. 1865-1917]. ElecZ, EGPI. (in Russian).

19. Litvinov, P. P. (1996). *Neislamskie religii Srednej Azii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. [Non-Islamic religions of Central Asia (the second half of the XIX - the beginning of the XX century)]. ElecZ, EGPI. (in Russian).

20. Litvinov, P. P. (1996). *Pereselelnya ukraïncziv-sektantiv do Seredn`oi Azii naprikinczi XIX- na pochatku XX st.* [Resettlement of sectarian Ukrainians to Central Asia in the late XIX-early XX centuries.] in *Ukraïnskij istorichnij zhurnal*, 1996, 2, 47-55. (in Russian).

21. Makarij (Bulgakov) (1995). *Mitropolit Moskovskij i Kolomenskij. Istoriya Russkoj Cerkvi. Kniga vtoraya. Istoriya Russkoj Cerkvi v period so-vershennoj zavisimosti ee ot Konstantinopol`skogo patriarxa (988-1240)*. [The history of the Russian Church during the period of perfect dependence of the Church on the Patriarch of Constantinople (988-1240)]. Moscow, Izd. Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monasty`rya. (in Russian).

22. *Mir islama*, 1912, t. 1, 4. (in Russian).

23. Mitropolit Evlogij (Georgievskij) (1994). *Put` moej zhizni*. [The way of my life]. Moscow, Moskovskij rabochij Publ. (in Russian).

24. Ostroumov, N. P. *Istoricheskij ocherk vzaimny`x otnoshenij mezhdru xristianstvom i musul`manstvom*. [A historical sketch of the mutual relations between Christianity and Islam]. St. Petersburg, Tip. S. E. Dobrodeeva, 1888. (in Russian).

25. *Pasxa v Tashkente* [Easter in Tashkent] in *Turkestanskije eparxial`ny`e vedomosti*, 1907, 11, 1 iyunya. (in Russian).

26. PSZRI-1. T. I. SPb., 1830. № 1. Gl. XXII. St.24. S. 156. (in Russian).

27. PSZRI-3. T. XXIII. Otd.1. SPb., 1905. № 23126. S. 741-743. (in Russian).

28. PSZRI-3. T. XXIV. Otd. 1. SPb., 1907. S. 1196-1198. (in Russian).

29. PSZRI-3. T. XXV. Otd. 1. SPb., 1908. № 26125. (in Russian).

30. PSZRI-3. T. XXV. Otd. 1. SPb., 1908. № 26126. S. 258-262(in Russian)

31. PSZRI-3. T. XXVI. Otd.1. SPb., 1909. № 27560. S. 261-266. (in Russian).

32. *Rossijskij gosudarstvenny`j voenno-istoricheskij arxiv* (RGVIA), f. I-400, op.1, d. 2216. (in Russian).

33. *Rossija. Gosudarstvennaya дума. Voprosy` : prihodskoj, staroobryadcheskij, veroispovedny`j. Rechi i doklady` v 3-j Gosudarstvennoj Dume, sessiya 11-ya. 1908-1909 gg.* [Russia. The State Duma. Questions: parish, Old Believers, religious, speeches and reports in the 3rd State Duma, session 11. 1908-1909]. St. Petersburg, Tip. gaz. "Golos pravdy`", 1910. (in Russian).

34. Terent`ev, M. A. *Turkestan i turkestancy* [Turkestan and Turkestans] in *Vestnik Evropy`*, 1875, kn. 10, Oktyabr`. (in Russian).

35. Teryukova, E. A. (2010). *Deyatel`nost` Departamenta duxovny`x del inostran-ny`x ispovedanij Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX vv.* [Activity of the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the XIX – early XX centuries] in *Religiovedenie*, 3, 43-49. (in Russian).

36. Tukaev, Muxammed Shakir Xarisov. *Otchet chlena komissii po verois-povedny`m voprosam Gosudarstvennoj Dumy` II i III sozy`vov*. [Report of a member of the Commission on Religious Issues of the State Duma of the II and III convocations]. Ufa, Tip. t-va "Pechat`", 1912. (in Russian).

37. *Turkestanskije vedomosti*, 1895, 51, 16 iyulya. (in Russian).

38. *Turkestanskije eparxial`ny`e vedomosti*, 1908, 7, 1 aprelya. (in Russian).

39. Turkestanskije eparxial`ny`e vedomosti, 1909, 22, 15 noyabrya. Chast` oficial`naya, 132-133. (in Russian).
40. Fly`gin, Yu. S. (2010). *Vlast` i islam v Turkestane. K voprosu o konfessio-nal`noj politike v Turkestanskom krae (1867-1917)* [Power and Islam in Turkestan. On the question of Confessional Politics in the Turkestan Region (1867-1917)] in Vtory`e Vostokovedcheskie chteniya pamyati N. P. Ostroumova, 27 noyabrya 2008 g., sb. mat. Tashkent, Ilim Publ., 122-130. (in Russian).
41. Safonov, A. A. (2008). *Pravovoe regulirovanie funkcionirovaniya religioz-ny`x ob`edinenij v Rossii v nachale XX v.* [Legal regulation of the functioning of religious associations in Russia at the beginning of the twentieth century] (doctoral dissertation abstract). Moscow. (in Russian).
42. Safonov, A. A. (2007). *Genesis veroispovednoj politiki Rossijskogo gosudarstva. XVIII - nachalo XX veka.* [The genesis of the religious policy of the Russian state. XVIII - early XX century] in Istoriya gosudarstva i prava, 2, 20-23. (in Russian).
43. Safonov, A. A. (2017). *Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoj Rossii: pravovy`e aspekty` vzaimootnoshenij: monografiya.* [The state and Confessions in Late Imperial Russia: Legal aspects of Relations: monograph]. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
44. Svod zakonov Rossijskoj imperii (SZRI). T. 1. Svod uchrezhdenij gos-udarstvenny`x i gubernskix. Ch.1. Osnovny`e zakony` i uchrezhdeniya gosudarstvenny`e. St. Petersburg, 1833, 17. (in Russian).
45. Svod zakonov Rossijskoj imperii. Izdanie 1857 goda. T.11. Ch. 1. Ustavy` duxovny`x del inostranny`x ispovedanij. St. Petersburg, 1857.
46. Central`ny`j gosudarstvenny`j arxiv Respubliki Kazaxstan (CzGA RKaz.). F. Op. 1. D. 2547. (in Russian).
47. CzGA RKaz. F. 44. Op. 1. D. 3386. (in Russian).
48. CzGA RKaz. F. 44. Op. 1. D. 46291. (in Russian).
49. CzGA RKaz. F. 44. Op. 1. D. 2163. (in Russian).
50. CzGA RKaz. F. 44. Op. 1. D. 3146. (in Russian).
51. CzGA RKaz. F. 44. Op. 1. D. 3529. (in Russian).
52. CzGA RKaz., F. 44. Op. 1. D. 3031. (in Russian).
53. CzGA RKaz. F. 44. Op. 1. D. 3303. (in Russian).
54. CzGA RKaz. F. 44. Op. 1. D. 3409. (in Russian).
55. CzGA RKaz., F. 44. Op. 1. D. 3951. (in Russian).
56. Central`ny`j gosudarstvenny`j arxiv Respubliki Turkmenistan (CzGA RTur.). F. 1. Op. 2. D. 2780. (in Russian).
57. CzGA RTur. F. 1. Op. 2. D. 2804. (in Russian).
58. Central`ny`j gosudarstvenny`j arxiv Respubliki Uzbekistan (CzGA RUzb.). F. 17. Op. 1. D. 2058. (in Russian).
59. Yuzhakov, Yu. D. (1891). *Itogi 27-letnego pravleniya Turkestanskim kraem* [Results of the 27-year management of the Turkestan region] in Russkij vestnik, t. 215, avgust. (in Russian).
60. Shirin, Akiner (1983). *Islamic Peoples of the Soviet Union.* London. Boston, Melbourne and Henley, 1983. (in Russian).

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Булыгина Т. А.
Амбарцумян К. Р.
(Ставрополь)

УДК 94(470)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
КОНЦЕПЦИИ «НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ – СОВЕТСКИЙ НАРОД»
И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В 1970-1980-Е ГОДЫ¹

Важным направлением современной исторической науки является попытка не только узнать, но, главным образом, понять историю советского общества. В этом существенную роль играет исследование советской идентичности. Вместе с тем, задачи формирования гражданской идентичности народа современной России требуют обращения к советскому прошлому, к поискам истоков советской идентичности, формулируемой в 1970-е годы как «новая историческая общность – советский народ». На примере определения «советский» показана трансформация идеи «нового человека» в условиях становления советского общества в 1920-е годы в идеологический конструкт «советский человек» в позднесоветском обществе. Раскрыты предпосылки конструирования новой исторической общности в 1960-е – 1970-е годы и одновременно показана синонимичность ее советской идентичности. При этом освещается исторический, идеологический и политический контекст этого процесса. В статье освещены споры ученых вокруг понятия «новая историческая общность – советский народ», определяются причины неприятия властью его толкования как единой советской нации. Также вскрыты противоречия самого феномена «советский народ», которые и привели впоследствии к распаду советской идентичности.

Ключевые слова: идентичность, новая историческая общность, советский народ, нация, гражданская идентичность, «новый человек», идеологема.

In the article the theoretical foundations of the concept "Soviet people" are explored. This concept is disputable both in scientific and political discourses, different opinions has been expressed about the reality of its construction and existence. The article proves that the adjective "Soviet" was in active use as early as the 1930s. What is more, in a situation where the completion of the construction of socialism was delayed, in everyday speech "socialist" was gradually replaced by the term "Soviet". The study tested "Soviet people" as an ideological construct became part of the concept of developed socialism due to the lack of prospects for building communism in the near future. In the work, the authors come to the conclusion that the "Soviet people" is not just an ideologeme, but also a certain type of unity, which is confirmed by social practice. The unity turned out to be fragile, as the experience of the collapse of the USSR showed, but real.

Keywords: identity, new historical community, Soviet people, nation, civic identity, "new man", ideologeme.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3-52-62

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43048 «От «нового человека» до «советского народа»: идеология, опыт, проблемы советского проекта (1917 – 1985 годы)»

Цель статьи – изучить истоки конструирования теоретического понятия «новая историческая общность – советский народ», чтобы уяснить природу этого феномена, возможности его осуществления в советском обществе.

Вопросы, предложенные в работе, актуализировались в советской исторической литературе в конце 1960-х – 1970-е годы. Среди авторов были и ведущие теоретики наций, такие, как М. И. Куличенко [10; 15; 30]. Среди работ о советском народе как новой исторической общности значительную часть составляли труды историков из союзных республик [23; 29; 37]. Как и многие другие проблемы истории СССР, в 1990-е годы они были отодвинуты на обочину исторической и политической науки и возродились в 2010-е гг. [5; 6; 15; 34; 35; 36].

Рассмотрение проблемы в предлагаемом контексте позволяет выявить общее и особенное на всех этапах процесса создания новой национальной модели советского общества. Именно этим этапам посвящены работы М. А. Фадеичевой: от представлений Сталина – Ленина о нации до формирования новой исторической общности «советский народ». Однако следует обратить внимание, *во-первых*, на то, что понятие «советский народ» в отечественной историографии вызывало дискуссии вокруг содержания. В частности, речь шла о том, возможно ли отождествление термина «советская нация» с «новой исторической общностью» и, вообще, имеет ли право на существование этот термин. Эту дискуссию подробно осветил М. И. Куличенко [15].

Сегодня дискуссионным является вопрос о возможности создания надэтнической общности «советский народ». Так, в 2016 году директор Института демографии НИУ ВШЭ А. Вишневский говорил о том, что поскольку существовала страна СССР, «то, наверное, можно говорить и о существовании в его рамках некоей общности. Когда начиналась война, воевали все граждане, они видели естественной защиту этой страны, а значит, и считали себя общностью.... Если же говорить в целом, идея гражданской нации разумна». Более категорично высказался культуролог В. Куренной: «Проект построения единого советского народа не реализовался. Внутри советского строя активно создавались и строились нации (в какой-то мере по инициативе центра, в какой-то — по инициативе национальной интеллигенции), но позитивным следствием всего этого стал относительно бескровный распад Советского Союза».

Сотрудник Института социологии РАН Л. Бызов, наоборот, утверждает, что «советский народ как общность был реальностью. Возможно, эта концепция не была доведена до конца», но определенные черты единой нации проступали. Таким образом, социолог считает, что «советский народ» мог превратиться в «советскую нацию». Более того, советская общность была новорожденным явлением и не выдержала испытаний: «Советская общность оказалась не очень крепкой, ее скрепы лежали на поверхности и не выдержали испытание первым же серьезным политическим кризисом».

Редактор интернет-журнала «Русский обозреватель» Е. Холмогоров, употребляя радикальную лексику, вроде той, что «никакого советского народа в этническом и культурном смысле... не было и не могло быть», одновременно не отрицает в советском обществе наличия слоя «носителей советской идентичности... в среде интеллигенции, партийных работников, но не в народных массах». В ходе распада СССР и ликвидации советской системы «со всех народов, кроме русских, эта идентичность слетела пулей». Социолог и политик Л. Гудков в духе своих идеологических воззрений считает, что «проект советского народа был скорее лозунгом, чем реальностью. Практически и юридически это определение ничего не значило, потому что все это регулировалось подзаконными актами в ситуации изолированной страны с очень жестким идеологическим контролем и репрессивной машиной» [9].

Во-вторых, рассматривая 60-летний путь от первых попыток до официальной формулировки новой исторической общности, нельзя обойти исторический контекст, вклю-

чающий в себя изменения политического курса власти. Таким образом, именно политическая практика диктовала теоретическую парадигму. Такой подход актуален в силу того, что соответствует исследовательскому полю востребованной в отечественной и зарубежной историографии новой интеллектуальной истории, а также новой политической истории. Кроме того, тема социально востребована, т.к. поиски основ российской идентичности в современных условиях включают в себя и исторические уроки, и внимание к теоретическим основаниям тех или иных общественных и политических идей советского общества.

Источниками данной работы послужили официальные партийные и государственные документы, публицистика партийно-государственных лидеров страны, а также периодическая печать.

Рождение концепции советского народа как новой исторической общности обычно связывают с XXIV съездом КПСС, в отчетном докладе ЦК партии было заявлено: «В процессе социалистического строительства сложилась новая историческая общность людей – советский народ» [15, с. 232]. XXV съезд повторил этот тезис: «Мы исходили и исходим из того, что у нас сложилась новая историческая общность – советский народ, в основе которой лежит нерушимый союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции при ведущей роли рабочего класса, дружба всех наций и народностей страны» [25, с.81]. Однако понятие «советский народ», «советский человек», «советские люди», а также прилагательное «советский» (интеллигенция, рабочие, наука, культура) получили распространение еще в 1930-е гг.

Если говорить о рождении определения «советский», то оно связано с понятием советской власти и советского государства, производным от новой формы самоуправления, а затем и формы диктатуры пролетариата как власти, декларируемой большевиками – Советы. В условиях, когда строительство социализма, а затем и коммунизма, затянулось на десятилетия, официально постулируемый термин «социалистический» в общественном и массовом сознании не стал обиходным в отличие от «советского», который стал единицей повседневной лексики. В одной из статей 1919 года В. И. Ленин наряду с Советским правительством, с Советской властью использовал это определение, когда говорил об обязанности **«советского гражданина** все излишки хлеба отдать голодному» [22]. В обращении к красноармейцам весной 1919 года, записанном на грамофонную пластинку, он продемонстрировал свое представление о «советском человеке», которых дифференцировал с другими классами, даже с рабочими: «К среднему крестьянину сознательные рабочие и действительно советские люди относятся как к товарищу» [20]. После Октября в текстах В. И. Ленина часто встречаются термины «советская работа», «советская организация», в частности в программной работе «Очередные задачи Советской власти» [20]. Тем самым подчеркивался только начавшийся процесс создания советской системы. Чаще Ленин широко пользовался лишь понятием **«советская власть»**, реже – **«советское государство»**.

С другой стороны, содержание понятия «новая историческая общность», то ее конструирование как перспективы связано с идеей пролетарского интернационализма. Еще в начале Первой мировой войны в ноябре 1914 года В. И. Ленин, определяя задачи Интернационала, писал: «Социалистическое движение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены **в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок**» [20]. Раскрывая противоречивую сущность права наций на самоопределение, В. И. Ленин подчеркивал, что право наций на самоопределение вплоть до отделения должно сопровождаться отстаиванием **«единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность**, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности» [18].

До конца 1930-х годов понятия «советские люди», «советский народ» не входили ни в официальный, ни в обиходный лексикон, о чем свидетельствует контент-анализ таких газет, как «Правда», «Комсомольская правда», «Пионерская правда». «Советский» встречается в основном в международном контексте. Так, в газете «Правда» за 1934 год в материалах о IV международном антитуберкулезном конгрессе в Москве встречается упоминание «советский». Вначале при освещении программы форума – «советские докладчики», а затем в интервью руководителя международной антитуберкулезной лиги И. Ван-Бреемена, где он восхищался «**советской наукой, советской научной литературой**» [27].

Наиболее часто, упоминая народ, официальный язык содержал понятие «трудящиеся», подчеркивая их классовый характер. Латентно это обращение подразумевало наличие «не трудящихся» – в частности, «врагов народа». Например, рубрика откликов с мест на судебный процесс над «троцкистско-зиновьевским террористическим центром» была озаглавлена «Миллионные массы трудящихся требуют расстрела троцкистско-зиновьевских бандитов – заклятых врагов народа» [25].

Определение «советский» иногда упоминалось в это время и в общественно-политической литературе. М. Н. Покровский в отчетном докладе общества историков-марксистов на общем собрании общества историков-марксистов от 19 марта 1930 года, комментируя положительный отзыв профессора Кута о советском историке Фридлянде на международном историческом конгрессе, говорил: «Так что даже одна птица, залетевшая из **советского гнезда** туда, уже вызвала сенсацию и обратила внимание на нас» [26].

Впервые понятие «советский народ» в официальных документах мы встречаем в 1939 году, в резолюции XVIII партийного съезда по третьему пятилетнему плану, в которой говорилось, что «классовые грани между трудящимися СССР стираются, падают и стираются экономические и политические противоречия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией. Создалась основа морально-политического единства советского общества. Это **морально-политическое единство советского народа** получило свое блестящее подтверждение в создании блока коммунистов и беспартийных на выборах в Верховный Совет СССР...» [13, с.80]. С тех пор понятие «советский народ» стало активно использоваться в официальных документах, в СМИ, в публицистике. Оно не подвергалось в то время теоретическому препарированию, хотя и оказалось многозначным: это и констатация победы социализма в СССР, и оформления единства народа, это и противопоставление внутренним и внешним врагам, и, наконец, смена партийной риторики государственной в широком идеологическом пространстве советского общества. Оно постепенно вытесняло лексику 1920-х годов, и чем народ был ближе к Победе в Великой Отечественной войне, тем активнее происходила эта замена. Красная армия стала Советской, а в 1946 году органы высшего государственного руководства также отказались от революционных названий.

Впервые упоминание о советском народе как о новой исторической общности появилось в проекте III Программы КПСС, принятой на XXII съезде партии: «В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, – **советский народ**. Они имеют общую социалистическую Родину – СССР, общую экономическую базу – социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение – марксизм-ленинизм, общую цель – построение коммунизма, много общих черт в духовном облике, в психологии» [1, с. 153]. Очевидно, что главной мыслью было интернациональное единство наций СССР, что не предполагало наднационального характера общности. В окончательный вариант Программы партии этот тезис не вошел, а говорилось о продолжавшемся процессе формирования новой исторической общности в ходе развития мировой социалистической системы: «это начало исторического процесса всестороннего сближения народов», у советских людей разных национальностей «сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР» [2, р. 244, 312].

Однако уже тогда в обществоведческих кругах начали складываться тенденции в теоретизировании вокруг новой исторической общности. В частности, советский философ профессор М. Д. Каммари весной 1961 года в публичной лекции во Львове говорил о возникновении в нашей стране новой исторической общности советского народа «как устойчивой исторической общности, **такого народа как этнического образования**, состоящего из множества социалистических наций, в то же время единого по своему социальному, духовному, моральному облику... Это, с нашей точки зрения, уже не «нация», а **более высокая и широкая по типу историческая общность** (экономическая, политическая, культурная и даже языковая), чем народ и нация» [8, с. 14]. Подобное определение советского народа вызвало шквал критики, особенно по поводу тезиса о «советской нации». Тогда в научной литературе был сделан акцент на наднациональный характер советского народа как общности.

Через 10 лет, как уже упоминалось, в документах XXIV съезду был сформулирован конструкт «советский народ» не как синоним населения Советского Союза, а как феномен новой идентичности или новой общности. Подтверждением тому стал доклад Генерального Секретаря КПСС Л. И. Брежнева на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1977 года по поводу 60-ой годовщины Октябрьской революции. В нем констатировалось: «На основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась **новая историческая общность — советский народ**... Нарастающий процесс сближения наций пронизывает все сферы нашего общества» [4].

За месяц до этого выступления была принята новая Конституция СССР. Этому предшествовало хорошо организованное «всенародное» обсуждение ее проекта. В числе дискуссионных вопросов опять встал вопрос о конституционном закреплении единой советской нации. Это предложение было объявлено несостоятельным, т.к. в СССР сохранялись различные нации – этносы. В связи с тем, что власти пришлось признать длительность пути к коммунизму и изобрести еще один конструкт – «развитой социализм» или «зрелый социализм», то акцент был сделан на единство советских людей, признавая длительность процесса стирания граней между нациями. Так в передовой статье профессионального журнала «Советская этнография» как раз и критиковалось это забегание вперед в национальных отношениях: «Социально-политическое единство советского народа вовсе не означает исчезновения национальных различий. Благодаря последовательному проведению ленинской национальной политики мы, построив социализм, одновременно — впервые в истории — успешно решали национальный вопрос. Нерушима дружба советских народов, в процессе коммунистического строительства неуклонно происходит их сближение, взаимное обогащение их духовной жизни. Но мы встали бы на опасный путь, если бы начали искусственно форсировать этот объективный процесс сближения наций» [30].

В Конституции 1977 года тезис о советском народе как новой исторической общности был представлен в преамбуле. В характеристике развитого советского общества, в том числе, говорилось «Это - общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась **новая историческая общность людей - советский народ**» [11]. Речь здесь не идет о слиянии наций, как утверждали в 1960-е годы некоторые ученые-обществоведы, которые видели в советском народе признаки формирования единой нации [7, с. 35], но об их сближении и равенстве. Именно в этом направлении стала развиваться советская общественная мысль. Идею создания небывалой в мире новой исторической общности надо было соединить с декларируемой политикой расцвета наций СССР. Авторы сборника, посвященного новой исторической общности, называли эту общность «социально-классовой социалистической межнациональной» общностью, а основной тенденцией исторического развития страны оп-

ределяли, как «путь к будущему коммунистическому слиянию, к безнациональной общественной структуре». Одновременно они заявляли, что «формирование социалистических наций, их всесторонний расцвет неотрывны от укрепления их братского сотрудничества, их интенсивного сближения, от процесса становления и развития интернациональной, межнациональной общности трудящихся» [31, с. 9]. Очевидно стремление приспособить сконструированный концепт к советской реальности и обозначить его перспективы.

Как видно с позиций нашего времени, **«советский народ»** представляет собой сложный и противоречивый феномен нашего позднесоветского прошлого, в котором воплотилось множество дискурсов. Это и название жителей Советского Союза, и идеологический конструкт власти, необходимый для реализации политического курса и характеристики общества, сложившегося в 1960-е – 1970-е годы, но это и отражение существовавшей советской идентичности.

Термин «советский народ» как тождество с понятием населения советского государства сложился, как отмечалось, уже в 1930-е годы. Как идеологический конструкт он стал частью концепции развитого социализма в тот момент, когда всем стала понятна недостижимость в обозримом будущем цели построения коммунизма, и политику строительства коммунизма сменил лозунг «совершенствование развитого социализма», а совершенствованию, улучшению нет предела. Задача, которую сформулировал еще в 1920 г. Б. Рассел [28] – «насиленно переделать человеческую натуру», создать нового человека, обернулась не выращиванием нового типа человека, а формированием советской идентичности, что далеко не одно и то же. Как пишет современная исследовательница, пропаганда новых ценностей и идей «прививала психологически позитивное отношение к происходившим реформам, способствовала моральному стимулированию трудящихся за ударный труд и образцовый быт, создавало базу для внедрения советских ценностных ориентиров и новой культуры. Все это создавало условия для формирования советской идентичности» [32]. Как показала социальная практика, советский народ – не только идеологема, но и определенный тип единства – идентичность, которая, по словам В. А. Тишкова, своей базой имела советскую модель управления, пропаганду единственной «научной» идеологии и общность исторической судьбы и общей культуры: «При всех социально-политических деформациях советский народ представлял собой гражданскую нацию, а СССР был национальным государством не в меньшей мере, чем другие крупные и гетерогенные по этническому составу населения государства, которые в то время считались национальными государствами» [33].

В завершение следует заметить, что обращение к Гомо советикус (А. Зиновьев), к новой исторической общности «советский народ» вызвано не простой научной любознательностью, не только стремлением понять свое советское прошлое, но и тем, как это понятие трансформируется в современном российском обществе. Не секрет, что история нам интересна в контексте современных проблем. Одно из социологических исследований Ю. А. Левады привело его к выводу, что советский народ – это «сложный социально-антропологический феномен, способный к адаптации и сохранению собственной стабильности в довольно широком диапазоне условий, этот феномен «во все периоды своего существования был сложным и противоречивым. Его судьба, если сравнивать данные ряда исследований и наблюдений за последние годы, оказывается значительно более драматической, чем это представлялось пять лет тому назад» [17]. С другой стороны, как показал опыт распада СССР, эта идентичность на поверку оказалась хрупкой и нестойкой: национальные идентичности вырвались наружу и отодвинули советскую идентичность на обочину современной жизни.

Список источников и литературы

1. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. I. Москва: Госполитиздат, 1962. 608 с.

2. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. III. Москва: Госполитиздат, 1962. 592 с.
3. XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. Москва: Политиздат, 1971. 597 с.
4. Брежнев, Л. И. (1977). *Великий Октябрь и прогресс человечества* // Правда. 3 ноября.
5. Варнавский, П. (2004). *Советский Народ: Создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР)* // *Ab Imperio*. № 4. С. 239-262.
6. Гребенок, М. Н. (2011). *Советский народ: государственно-политический конструктор* // Аналитика культурологии. Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. № 3. С. 115-118.
7. Ефимов, А. В. (1967). *О направлениях в изучении наций* // Новая и новейшая история. № 4. С. 31-42.
8. Каммари, М. Д. (1961). *Расцвет социалистических наций и их сближение в период перехода от социализма к коммунизму. Стенограмма лекции, прочит. 23 мая 1961 г. в г. Львове на Межресп. семинаре-совещании лекторов Укр. ССР, Белорус. ССР и Молдав. ССР*. Львов: [б. и.]. 29 с.
9. Карпов, М. (2022). «Никакого советского народа не было» Почему попытки создать единую нацию не удалось в СССР и обречены в новой России. URL: https://lenta.ru/articles/2016/11/04/soviet_nation/ (дата обращения: 21.01.2022).
10. Ким, М. П. (1975). *Советский народ – новая историческая общность людей: Становление и развитие и др.* Москва: Наука, 1975. 520 с.
11. *Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.)*. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 21.01.2022).
12. Конституция развитого социализма // Советская этнография. 1978. № 1. С. 11.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр., 1983-1990. Т. 7. Москва: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. 574 с.
14. Куличенко, М. И. (2022). *Образование и развитие советского народа как новой исторической общности* // Минск: белорусская электронная библиотека (biblioteka.by) - составная часть международной библиотечной сети Либмонстр. URL: <https://biblioteka.by/m/articles/view/> (дата обращения: 21.01.2022).
15. Куличенко, М. И. (1981). *Расцвет и сближение наций в СССР: Проблемы теории и методологии*. Москва: Мысль. 444 с.
16. Левада, Ю. А. (1995). *Возвращаясь к феномену “человека советского”: проблемы методологии анализа* // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. № 6. С. 14-18.
17. Левада, Ю. А. (1995). *Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблемы методологии анализа* // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. № 6. С. 14-18.
18. Ленин, В. И. (1969). *О праве наций на самоопределение* // Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 25. Москва: Издательство политической литературы. С. 319.
19. Ленин, В. И. (1969). *Обращение к Красной Армии* // Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 38. Москва: Издательство политической литературы. С. 235.
20. Ленин, В. И. (1974). *Очередные задачи Советской власти* // Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 36. Москва: Издательство политической литературы. С. 165-208.

21. Ленин, В. И. (1969). *Положение и задачи Социалистического Интернационала* // Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 26. Москва: Издательство политической литературы. С. 40.
22. Ленин, В. И. (1969). *Успехи и трудности Советской власти* // Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 38. Москва: Издательство политической литературы. С. 63.
23. Лихолат, А. В., Комаренко, Н. В. (1976). *Основні напрями у висвітленні проблеми «Радянський народ – нова історична спільність людей»* // Український історичний журнал. № 10. С. 46-57.
24. Материалы XXV съезда КПСС. Москва: Политиздат, 1976. 256 с.
25. Покровский, М. Н. (1930). *Очередные задачи историков-марксистов* // Историк-марксист. № 16. С. 6.
26. Правда, 21 августа. 1936.
27. Правда. 7 мая. 1934.
28. Рассел, Б. (1991). *Практика и теория большевизма*. Москва: Наука. 128 с.
29. Рзаев, Р. (1968). *Понятие «многонациональный советский народ» в советской и буржуазной социологии. О некоторых понятиях теории нации*. Фрунзе: б.м. Б.п.
30. Росенко, М. Н. (1974). *Формирование и развитие советского народа - торжество принципов ленинской национальной политики* // Вопросы теории и практики развития национальных отношений: сборник / отв. ред. проф. Росенко М. Н. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 3-20.
31. *Советский народ - новая историческая общность людей: Становление и развитие* (1975) / [Ред. коллегия: чл.-кор. АН СССР М. П. Ким и др.]; АН СССР. Ин-т истории СССР. Москва: Наука. 520 с.
32. Танцеева, А. В. (2019) «Герой нашего времени» – викторина журнала «Огонек»: конструирование образа «нового человека» в 1920-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. № 1. С. 179-184.
33. Тишков, В. А. (2022). *О российском народе и национальной идентичности в России*. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3publikacii/o_rossisko.html (дата обращения: 21.01.2022).
34. Фадеичева, М. А. (2014). *Концептосфера национальной политики позднесоветского периода: возможности актуализации* // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Том 14. Вып. 2. Р. 96-107.
35. Фадеичева, М. А. (2005) *Нация и человек в советской концепции новой исторической общности людей* // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. №6. С. 230 – 243.
36. Фадеичева, М. А. (2022). *Непредставленная» идеология и дискурс «нашизма»*. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Fadeicheva.pdf>. Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ <http://www.hse.ru> (дата обращения: 21.01.2022).
37. Холмогоров, А. И. (1970). *Единый и многонациональный*. Рига: Лиесма. 166 с.

References

1. *XXII s"ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza. Stenograficheskiy otchet* [XXII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Verbatim report]. Vol. I. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962. (in Russian).
2. *XXII s"ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza. Stenograficheskiy otchet* [XXII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Verbatim report]. Vol. III. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962. (in Russian).
3. *XXIV s"ezd KPSS. Stenograficheskiy otchet* [25th Congress of the CPSU. Verbatim report]. Vol. 1. Moscow, Politizdat Publ., 1971. (in Russian).

4. Brezhnev, L. I. (1977). *Velikiy Oktyabr' i progress chelovechestva* [Great October and the progress of mankind] in *Pravda*, 3 november. (in Russian).
5. Varnavskiy, P. (2004). *Sovetskiy Narod: Sozdanie edinoy identichnosti v SSSR kak konstruirovaniye obshchey pamyati (na materialakh Buryatskoy ASSR)* [Soviet People: The Creation of a Single Identity in the USSR as the Construction of a Common Memory (Based on the Materials of the Buryat ASSR)] in *Ab Imperio*, 4, 239-262. (in Russian).
6. Grebenok, M. N. (2011). *Sovetskiy narod: gosudarstvenno-politicheskiy konstrukt* [The Soviet people: a state-political construct] in *Analitika kul'turologii. Tambovskiy gosudarstvennyy universitet imeni G. R. Derzhavina*, 3, 115-118. (in Russian).
7. Efimov, A. V. (1967). *O napravleniyakh v izuchenii natsiy* [On trends in the study of nations] in *Novaya i noveyshaya istoriya*, 4, 31-42. (in Russian).
8. Kammari, M. D. (1961). *Rastsvet sotsialisticheskikh natsiy i ikh sblizhenie v period perekhoda ot sotsializma k kommunizmu. Stenogramma lektsii, pročit. 23 maya 1961 g. v g. L'vove na MezhrEsp. seminare-soveshchaniy lektorov Ukr. SSR, Belarus. SSR i Moldav. SSR* [The rise of the socialist nations and their convergence during the period of transition from socialism to communism. Transcript of the lecture, read. May 23, 1961 in Lvov at a seminar-meeting of lecturers Ukr. SSR, Belarus. SSR and Moldova. SSR]. L'vov, b.m. (in Russian).
9. Karpov, M. (2022). «*Nikakogo sovetskogo naroda ne bylo*» *Pochemu popytki sozdat' edinyuyu natsiyu ne udalis' v SSSR i obrecheny v novoy Rossii* [“There was no Soviet people” Why attempts to create a single nation failed in the USSR and are doomed in the new Russia]. URL: https://lenta.ru/articles/2016/11/04/soviet_nation/obrashchenie (date accessed 21 January 2022). (in Russian).
10. Kim, M. P. (1975) *Sovetskiy narod – novaya istoricheskaya obshchnost' lyudey: Stanovlenie i razvitie i dr.* [The Soviet people - a new historical community of people: Formation and development, etc.]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
11. Konstitutsiya (Osnovnoy zakon) Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (prinyata na vneocherednoy sed'moy sessii Verkhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva 7 oktyabrya 1977 g.) [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> ru (date accessed 21 January 2022). (in Russian).
12. Konstitutsiya razvitogo sotsializma [The constitution of developed socialism] in *Sovetskaya etnografiya*, 1978, 1, 11. (in Russian).
13. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee] / ed. by A. G. Egorov, K. M. Bogolyubov, 1983-1990. Vol. 7. Moscow, In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS, 1985. (in Russian).
14. Kulichenko, M. I. (2022). *Obrazovanie i razvitie sovetskogo naroda kak novoy istoricheskoy obshchnosti* [The formation and development of the Soviet people as a new historical community]. URL: <https://biblioteka.by/m/articles/view/> (date accessed 21 January 2022). (in Russian).
15. Kulichenko, M. I. (1981). *Rastsvet i sblizhenie natsiy v SSSR: Problemy teorii i metodologii* [Rise and convergence of nations in the USSR: Problems of theory and methodology]. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
16. Levada, Yu. A. (1995). *Vozvrashchayas' k fenomenu “cheloveka sovetskogo”*: *problemy metodologii analiza* [Returning to the Phenomenon of the “Soviet Man”: Problems in the Methodology of Analysis] in *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mneniya*, 6, 14-18. (in Russian).
17. Levada, Yu. A. (1995). *Vozvrashchayas' k fenomenu «cheloveka sovetskogo»*: *problemy metodologii analiza* [Returning to the Phenomenon of the “Soviet Man”: Problems in the Methodology of Analysis] in *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mneniya*, 6, 14-18. (in Russian).

18. Lenin, V. I. (1969). *O prave natsiy na samoopredelenie* in *Polnoe sobranie sochinenii*. Izdanie pyatoe. [Full composition of writings. Fifth edition]. Vol. 25. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 319. (in Russian).
19. Lenin, V. I. (1969). *Obrashchenie k Krasnoy Armii* [Address to the Red Army] in *Polnoe sobranie sochinenii*. Izdanie pyatoe. [Full composition of writings. Fifth edition]. Vol. 38. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 235. (in Russian).
20. Lenin, V. I. (1974). *Ocherednye zadachi Sovetskoj vlasti* [Immediate Tasks of the Soviet Power] in *Polnoe sobranie sochinenii*. [Full composition of writings]. Vol. 36. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ, 65-208. (in Russian).
21. Lenin, V. I. (1969). *Polozhenie i zadachi Sotsialisticheskogo Internatsionala* [Position and tasks of the Socialist International] in *Polnoe sobranie sochinenii*. Izdanie pyatoe. [Full composition of writings. Fifth edition]. Vol. 26. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ, 40. (in Russian).
22. Lenin, V. I. (1969). *Uspekhi i trudnosti Sovetskoj vlasti* [Successes and difficulties of Soviet power] in *Polnoe sobranie sochinenii*. Izdanie pyatoe. [Full composition of writings. Fifth edition]. Vol. 38. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ, 63. (in Russian).
23. Likholat, A. V., Komarenko, N. V. (1976). *Osnovni napryami u visvitlenni problemi «Radyanskiy narod – nova istorichna spil'nist' lyudey»* [The main directions in the coverage of the problem "Soviet people - a new historical community of people"] in *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal*, 10, 46-57. (in Russian).
24. *Materialy XXV s"ezda KPSS* [Materialy XXV Congress of the CPSU]. Moscow, Politizdat, 1976. (in Russian).
25. Pokrovskiy, M. N. (1930). *Ocherednye zadachi istorikov-marksistov* [Immediate Tasks for Marxist Historians] in *Istoriya-marksist*, 16, 6. (in Russian).
26. Pravda. 21 August. 1936. (in Russian).
27. Pravda. 7 May. 1934. (in Russian).
28. Rassel, B. (1991). *Praktika i teoriya bol'shevizma* [The practice and theory of Bolshevism]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
29. Rzaev, R. (1968). *Ponyatie «mnogonatsional'nyy sovetskiy narod» v sovetskoj i burzhuaiznoy sotsiologii. O nekotorykh ponyatiyakh teorii natsii* [The concept of "multinational Soviet people" in Soviet and bourgeois sociology. On some concepts of the theory of nation]. Frunze, b.m. B. p. (in Russian).
30. Rosenko, M. N. (1974). *Formirovanie i razvitie sovetskogo naroda - torzhestvo printsipov leninskoy natsional'noy politiki* [Formation and development of the Soviet people - the triumph of the principles of Lenin's national policy] in *Voprosy teorii i praktiki razvitiya natsional'nykh otnosheniy* [Questions of the theory and practice of the development of national relations]: digest / ed. by Rosenko M. N. Leningrad, LSU Publ, 3-20. (in Russian).
31. *Sovetskiy narod - novaya istoricheskaya obshchnost' lyudey: Stanovlenie i razvitie* (1975). [The Soviet people - a new historical community of people: Formation and development]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
32. Tantsevova, A. V. (2019). «Geroy nashego vremeni» – viktorina zhurnala «Ogonek»: *konstruirovaniye obraza «novogo cheloveka» v 1920-e gg* ["A Hero of Our Time" - a quiz of the Ogonyok magazine: constructing the image of a "new man" in the 1920s] in *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 1, 179-184. (in Russian).
33. Tishkov, V. A. (2022). *O rossiyskom narode i natsional'noy identichnosti v Rossii* [About the Russian people and national identity in Russia]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3publikacii/o_rossisko.html (date accessed 21 January 2022). (in Russian).
34. Fadeicheva, M. A. (2014). *Kontseptosfera natsional'noy politiki pozdnesovetskogo perioda: vozmozhnosti aktualizatsii* [The Conceptosphere of the National Policy of the Late Soviet

Period: Possibilities of Actualization] in *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 14, 2, 96-107. (in Russian).

35. Fadeicheva, M. A. (2014). *Natsiya i chelovek v sovetskoy kontseptsii novoy istoricheskoy obshchnosti lyudey* [Nation and individual in the Soviet concept of a new historical community of people] in *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 6, 230-243. (in Russian).

36. Fadeicheva, M. A. (2022). *Nepredstavlennaya» ideologiya i diskurs «nashizma»* [Unrepresented" ideology and the discourse of "nashizm"]. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Fadeicheva.pdf>. Perepechatka s sayta NIU-VShE. URL: <http://www.hse.ru> (date accessed 21 January 2022). (in Russian).

37. Kholmogorov, A. I. (1970). *Edinyy i mnogonatsional'nyy* [United and multinational]. Riga, Liesma Publ. (in Russian).

Махрачев Г. С.
(Тамбов)

УДК 93/94

РЕАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ТАМБОВЩИНЕ В ГОДЫ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

Цель статьи – на примере Тамбовской губернии выяснить особенности реализации советской политики в отношении кустарной промышленности в годы военного коммунизма. Установление советской власти было сопряжено с разгоревшейся на несколько лет Гражданской войной. В условиях общего спада промышленного производства зачастую только кустари могли обеспечить потребности новой власти и населения в целом. Деятельность советской власти в отношении кустарной промышленности в первую очередь была направлена на построение централизованной кооперативной вертикали.

На первых этапах регистрационные полномочия, а также общие вопросы развития кустарной промышленности были возложены на кооперативный отдел при ВСНХ и его местные представительства – ГСНХ и УСНХ. Для 1918 г. характерным явлением стала регистрационная волокита. С одной стороны, неграмотные крестьяне были неспособны составить устав, соответствующий действовавшим постановлениям; с другой – местные органы управления зачастую сами были некомпетентны и не могли профессионально проконсультировать мастеров об имевшихся требованиях по составлению документа. В 1919 г. в рамках реализации постановления от 26 апреля 1919 г. «О мерах содействия кустарной промышленности» при ВСНХ было учреждено управление по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности, а при ГСНХ и УСНХ – соответствующие отделы. Постепенно остро стала проблема неконтролируемой эксплуатации кустарей. Несмотря на то, что, согласно действовавшему постановлению производственные договоры с кустарями имели право заключать только отделы по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности, на практике это осуществляли и другие органы власти. В 1920 г. промысловая кооперация была переведена под управление потребительской. Согласно очередному постановлению, вопросами кустарной промышленности стало заведовать Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации, а на местах – его отделы.

Ключевые слова: военный коммунизм, гражданская война, кустарная промышленность, промысловая кооперация, Главкустпром, Тамбовская губерния.

The aim of the article is to clarify the peculiarities of Soviet policy implementation concerning handicraft industry in the years of war communism on the example of Tambov province. The establishment of Soviet power was accompanied by several years of civil war. With the general decline in industrial production, it was often only the handicraftsmen who could provide for the needs of the new government and the population at large. Soviet power was primarily focused on building a centralised cooperative hierarchy in the handicrafts industry.

At the first stages, registration powers, as well as general questions of the development of the handicraft industry, were under the control of the cooperative department of the Supreme Council of National Economy (SCNE) and its local representative offices, the GSCNE and USCNE. A characteristic phenomenon of 1918 was registration red tape. On the one hand, illiterate peasants were unable to draw up a statute in accordance with the regulations in force; on the other hand, the local authorities themselves were often incompetent and could not professionally advise the craftsmen on the requirements for drawing up a document. In 1919, in the framework of implementing the resolution of 26 April 1919 "Concerning Assistance Measures for Handicraft Industry", a Directorate for cooperative affairs, handicraft and small Industry was established un-

der the SCNE, and relevant departments were set up under the GSCNE and the USCNE. Gradually the problem of uncontrolled exploitation of artisans became acute. Although, according to the current resolution, only the departments of cooperative affairs, handicraft and small industry had the right to conclude contracts with artisans, on a practical level this was also carried out by other authorities. In 1920, the trade cooperation was placed under the management of the consumer cooperative. According to another resolution, the Central Administrative Board for crafts, small industry and trade cooperation was put in charge of the handicraft industry, and its local departments were responsible for it.

Keywords: war communism, civil war, handicraft industry, trade cooperation, Glavkustprom, Tambov province

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3-63-75

Поиск наиболее продуктивных способов взаимодействия государственных структур и частного капитала всегда являлся актуальным, поскольку их грамотный синтез повышает эффективность работы экономики всей страны. Сегодня Россия стоит на пути построения новой системы экономических отношений. С одной стороны, казавшаяся на протяжении многих лет абсолютная истина о приоритете государственной собственности была дискредитирована дефицитом товаров широкого потребления, технологическим отставанием от передовых государств, ростом коррупции. С другой – надежды, возложенные на частную собственность, как панацею от всех проблем, также не оправдали ожиданий. Экономический кризис и дефолт 1998 г., мировой экономический кризис 2008 г., ударивший, в том числе и по России, валютный кризис 2014-2015 гг., нефтяной кризис 2020 г. – все эти события приводили к снижению государственного бюджета и реальных доходов населения, росту инфляции и безработицы. В настоящее время все чаще высказывается мнение о должном паритете между государственным и частным секторами, о необходимости продумывать меры по усилению или ослаблению роли государственного регулирования для решения конкретных проблем отечественной экономики.

Для грамотного определения роли государства в развитии экономики важно опираться на опыт предшествующих поколений. Так, в период военного коммунизма была осуществлена первая попытка построения централизованной экономики. Проводить свою политику большевикам приходилось в тяжелых условиях, поскольку их радикальная позиция по многим вопросам уже в скором времени привела к кризису в стране и подняла на Гражданскую войну против новой власти разные слои населения. Внимание большевиков все сильнее занимало не построение нового общества, а необходимость удержаться у власти. И на первый взгляд может сложиться впечатление, что при подобных обстоятельствах проблемы развития кустарной промышленности полностью выпали из поля зрения новой власти. Однако в обстановке общего экономического спада часто только кустарная продукция могла обеспечить возраставшие потребности населения и государства, что и отразилось в отчете о состоянии тамбовского губернского хозяйства в 1919 г. При описании кожевенной, химической, деревообрабатывающей, ткацкой и металлообрабатывающей отраслей сообщалось об остановке заводов и фабрик и исключительной активности кустарных артелей и мастерских, а непосредственно кустарная промышленность была охарактеризована как находившаяся «в периоде налаживания» [11, л. 11-13 об.].

Советское правительство не забывало уделять внимание развитию кустарной промышленности, планируя через кооперирование органически влить ее в новую систему хозяйства. Однако в условиях гражданской войны, когда территории многих губерний переходили под управление то одной воюющей стороны, то другой, рушились экономические связи между регионами, а возникавшие на местах Советы не всегда четко понимали требования верховной власти, проведение сбалансированной политики становилось крайне сложной задачей. Так, Тамбовский ГСХ 9 октября 1919 г., указывая на невозможность

выполнения крупного заказа на производство сапог для РККА, приводил следующую аргументацию: «Что же касается падения производительности по губкожу, то таковая объясняется отсутствием связи с Усманским и Липецким районами, разгромом некоторых артелей и расхищением запасов сырья казаками из складочных организаций, а также и другими причинами, как, например, занятием в летние и осенние месяцы сапожников полевыми работами, отсутствием после набега казаков кожевенных товаров и фурнитуры», – в связи с чем просил предоставить дополнительное сырье и фурнитуру [17, л. 29.]. Таким образом, изучение особенностей реализации постановлений советского руководства в отношении кустарной промышленности местными Советами позволит лучше понять роль федеральных и региональных властей в вопросах поддержки малого бизнеса на современном этапе развития страны.

Если в советской историографии тема кустарной промышленности находилась на периферии исторической науки и работы К. Н. Тарновского [47-49] были скорее исключением из правила, то в постсоветское время в связи со становлением рыночных отношений наблюдалось значительное повышение интереса к этой теме. После распада СССР стали появляться крупные монографии, освещавшие дореволюционный период развития кустарной промышленности в России: М. В. Карташова, Я. Е. Водарский и Г. Э. Истомин [2, 29]; в различных экономических районах: Л. М. Архипова, А. В. Перепелицын [1, 36]; в отдельных губерниях: О. Ю. Антонов, В. Г. Егоров, О. А. Зозуля, Е. С. Сарыков [27, 28]. Региональным особенностям восстановления кустарной промышленности в годы нэпа были посвящены работы А. А. Николаева, А. Н. Дегтярева, О. В. Ягова [20, 33, 34, 50]. Важным дополнением к упомянутым трудам можно считать материалы периодической печати, представленные в формате научных статей М. А. Гилько, М. С. Ловцовой, А. М. Плехановой, Я. А. Ратчина [3, 30-32, 37, 45] и др. При внимательном анализе историографии можно заметить, что в поле зрения историков попадала либо позднеимперская эпоха, либо период нэпа, а годы военного коммунизма выпадали из рассмотрения.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. повлек за собой изменения в хозяйственном укладе страны. Для регулирования экономической жизни декретом от 2 декабря 1917 г. был создан новый орган власти – ВСНХ [21]. Организацией и поддержкой кооперативов должен был заниматься специальный кооперативный отдел. Первые постановления ВСНХ по вопросам корректирования кооперативного строительства были направлены на установление четкого регистрационного порядка. Утверждение уставов новых кооперативов возлагалось на создававшиеся при ГСНХ и УСНХ специальные комиссии (при их отсутствии – на местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов). Основные этапы регистрационного процесса базировались на постановлениях, разработанных еще временным правительством: «О товариществах и союзах» от 20 марта 1917 г., «О регистрации товариществ, обществ и союзов» от 21 июня 1917 г., «О съездах представителей кооперативных учреждений» от 1 августа 1917 г. Однако появились небольшие изменения. Если первоначально новые кооперативы предоставляли три экземпляра устава на утверждение в окружной суд, который принимал решение в единоличном порядке, то по советскому постановлению требовалось пять экземпляров. Регистрационная комиссия, получив уставы, направляла по одному экземпляру на утверждение и хранение местному совету кооперативных съездов, кооперативному отделу ВСНХ и Совету Всероссийских кооперативных съездов. Для союзов кооперативов обязательным нововведением стало утверждение устава Всероссийским центральным союзом потребительских обществ или Советом Всероссийских кооперативных съездов. Эти изменения были направлены на создание централизованной вертикали кооперативных союзов [40, 43, 46].

Дезорганизация в работе местных органов управления на первых этапах установления советской власти стала существенным препятствием при систематизировании процесса регистрации кооперативов. К концу 1918 г. ВСНХ выявил ряд нарушений в работе местных

органов управления: 1) численность упоминавшихся в отчетах новых кооперативов не совпадала с количеством присылаемых уставов, 2) поступавшие в ВСНХ уставы зачастую не соответствовали действующим постановлениям, 3) регистрационные комиссии во многих случаях были некомпетентны при консультировании членов кооперативов о необходимых исправлениях в уставах [8, л. 5, 20, 61].

Примером некачественной работы кооперативного отдела Тамбовского ГСНХ может послужить отзыв об уставе бондарской сапожной артели. ГСНХ отказал в регистрации, указав на то, что в представленном уставе не была четко прописана ответственность членов кооператива по возможным обязательствам, был указан некорректный порядок избрания членов правления, утверждалось право собственности артели на недвижимое имущество и возможность наследования по завещанию. В заключении значилось следующее: «Кроме того Отдел обращает Ваше внимание на то, что устав написан чрезвычайно безграмотно с многочисленными пропусками и ошибками, искажающими смысл текста, что не может быть допустимо в виду того важного значения, который устав имеет не только для членов артели, но и для третьих лиц, вступающих с артелью в деловые отношения» [9, л. 62.]. В приведенной цитате мы специально сохранили авторскую орфографию, чтобы читатель мог самостоятельно убедиться в нецелесообразности подобной критики со стороны кооперативного отдела.

Регистрационная волокита стала характерным явлением для 1918 г. Очевидно, что малограмотные кустари плохо понимали тонкости юриспруденции и идеологические веяния советской власти, а потому им по нескольку раз приходилось переписывать уставы своих кооперативов в соответствии со всеми действовавшими постановлениями. С одной стороны, государственные власти осознавали трудности, с которыми пришлось столкнуться мастерам, а потому ВСНХ рекомендовал кооперативным отделам не обращать внимание на мелкие нарушения в уставах и таким образом уменьшить число отказов в регистрации [8, л. 20.]. Однако, принятие 26 сентября 1918 г. постановления «Об изменении ст. 11 постановления “О кооперативных товариществах и их союзах”», осложнило положение многих кустарей. Все старые кооперативные объединения, чья деятельность началась до принятия постановления «О товариществах и союзах» (т. е. до 20 марта 1917 г.), должны были перерегистрировать свои уставы на основе требований новых постановлений. Сделать это было необходимо до 1 января 1919 г. [42]. Рассмотрев новое постановление, Кирсановский совнархоз сообщил, что в такие сжатые сроки местные кооперативы не смогут предоставить три экземпляра старого и пять экземпляров нового устава [8, л. 82.].

Другая причина регистрационной волокиты была связана с некомпетентностью местных кооперативных отделов. В первую очередь это проявлялось в неумении доступно разъяснять требования к кооперативным уставам и корректно отвечать на возникавшие у мастеров вопросы. Для решения этой проблемы ВСНХ разослал циркуляр с указаниями на типичные ошибки, замеченные при рассмотрении новых уставов, и комментариями по возможным исправлениям [8, л. 61-65 об.]. Во-вторых, частым явлением стала несогласованность действий ГСНХ и УСНХ. Так, Усманский совнархоз в своем отчете отмечал, что приходилось действовать «ощупью и наобум не имея никаких совершенно конкретных указаний центра» [7, л. 4.]. В это же время пленум Тамбовского ГСНХ критиковал непоследовательные действия УСНХ и, в том числе, слабое понимание цели кооперативного строительства и требований центра [7, л. 15 об.]. В-третьих, курс на кооперирование кустарей сопровождался постоянными перегибами. Например, в начале 1919 г. на заседании президиума Козловского совнархоза было принято решение о создании кооперативного союза кустарей-деревообделочников, для чего в срочном порядке повесткой были вызваны местные мастера [6, л. 15, 33 об.]. Подобная принудительная организация кустарей в артели противоречила принципам добровольного начала. В-четвертых, была нарушена работа дореволюционных органов статистики. Отмечалось, что на современном этапе данные по одним и тем же во-

просам собирались по несколько раз с использованием разных методов, поэтому, например, даже о приблизительной численности действовавших в губернии кустарных артелей местные Советы не знали [5, л. 11, 14]. Проблему дезорганизации и перегибов местных органов управления в деле кооперативного строительства советская власть на первых этапах своего существования устранить не могла.

Направление развития кустарной промышленности в 1919 г. было определено постановлением «О мерах содействия кустарной промышленности» от 26 апреля 1919 г. В постановлении фиксировалось, какой тип производства следовало относить к кустарному, и определялась граница полномочий государственных органов власти в вопросах развития кустарной промышленности. Уточнялось, что местные органы власти не имели права национализировать или муниципализировать кустарные артели, использовать в своих целях предназначенное для кустарей сырье и должны были всячески содействовать кооперативному строительству [44].

Постановление «О мерах содействия кустарной промышленности» способствовало повышению внимания местных органов управления к проблемам кустарной промышленности. Например, касательно моршанской кустарной промышленности президиум ГСНХ подготовил такой план действий: 1) проверить уровень организации артелей, 2) наладить своевременные поставки сырья, 3) разрешить возникший из-за проведения крупных кустарных заказов конфликт между кооперативным и лесным отделами, каждый из которых стремился привлечь на свою сторону как можно больше артелей, тем самым искусственно завышая цену на готовую продукцию, 4) установить контроль за исполнением апрельского декрета [12, л. 45 об.]. При этом необходимо понимать, что если ГСНХ хватало средств и кадрового состава для реализации требований верховной власти, то уже на уровне уездных совнархозов возникали проблемы. Например, деятельность Козловского совнархоза сводилась только к выдаче всевозможных удостоверений на право приобретения инструментов [6, л. 111]. И хотя на заседаниях уездных совнархозов все чаще звучали мнения в поддержку кустарного производства: «задача дня и настоятельное требование жизни» [10, л. 21 об.], из-за отсутствия бюджета какую-либо реальную помощь кустарной промышленности оказать было невозможно.

С течением времени советское правительство все сильнее осознавало необходимость реорганизации органов управления для повышения эффективности от государственных мероприятий в области развития кустарной промышленности и, в том числе – кооперативного строительства. Постановлением от 21 июля 1919 г. кооперативный отдел при ВСНХ был преобразован в управление по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности. Новый орган власти должен был регулировать работу всех действовавших в стране главков, центров и совнархозов по вопросам промысловой и сельскохозяйственной кооперации, явно акцентируя большее внимание на первой из них. И здесь важно сделать акцент на том, что для большей результативности задуманного преобразования из ведения управления были выведены потребительская и кредитная кооперации, которые ранее числились при кооперативном отделе. Созданное управление должно было с помощью соответствующих инструкций и циркуляров наладить поставку сырья кустарям и закупку готовой продукции, повысить число кустарных и сельскохозяйственных кооперативов [41].

По всей стране при ГСНХ и УСНХ стали образовываться отделы по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности (в некоторых источниках отдел именовался кустарно-кооперативным). На Тамбовщине отдел по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности при ГСНХ начал свою работу в сентябре 1919 г. [14, л. 10.] Согласно действовавшим инструкциям возглавлять новый отдел должна была собиравшаяся раз в несколько месяцев по наиболее важным вопросам коллегия, состоявшая из заведующего отдела, четырех представителей от президиума ГСНХ и трех – от промысловой, сельскохозяйственной и кредитной коопераций. Однако нехватка денежных средств и кадрового со-

става президиума ГСНХ привела к тому, что административным устройством нового отдела в первые месяцы его существования занималась не коллегия, а исключительно заведующий Н. А. Аменицкий, который на тот момент уже 9 лет как работал в административных органах по вопросам кооперативного строительства [12, л. 68; 16, л. 6].

Основной вектор деятельности управления и отделов по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности на 1919 г. был определен декретом «О перерегистрации производственных артелей, промысловых кооперативов, товариществ, союзов и всякого рода кустарных объединений» от 24 сентября 1919 г. В декрете правительство подняло проблему несоответствия многих новых промысловых кооперативов советской идеологии. Вводилось ограничение социального характера на учредителей и членов правления, среди которых не могли быть лица, являвшиеся за предшествующие 20 лет председателями или членами правления акционерных обществ, владельцами предприятий, охватывавших более двадцати наемных рабочих, владельцами свыше пятидесяти десятин земли или дорогих имений, высокопоставленными чиновниками (под которыми подразумевались первые пять классов для гражданских чинов и шесть – для военных), а также советские чиновники [25]. Соответственно, местные отделы по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности должны были провести ревизию всех образовавшихся с 1 января 1918 г. промысловых кооперативов.

Тамбовский отдел по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности, реализуя декрет от 24 сентября 1919 г., должен был остановить регистрацию новых промысловых кооперативов вплоть до получения инструкции о порядке проведения ревизии [15, л. 5; 39], а образовавшееся свободное время мог потратить на установление числа реально действовавших в губернии промысловых кооперативов и анализ проблем кооперативного строительства. Таким образом, во-первых, были выявлены нарушения в работе местных органов управления с промысловыми кооперативами. Правом утверждать уставы новых кооперативов обладал только отдел по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности при совнархозе, однако желание использовать мастеров для решения своих проблем подталкивало как другие отделы совнархоза, так и исполкомы к регистрационной деятельности. Подобная регистрационная практика позволяла привлечь мастеров к реализации различного рода заказов, что в некоторых случаях приводило к конкурентной борьбе за производителя и искусственному повышению цены на итоговую продукцию. Более того, несоблюдение правительственных постановлений вело к некорректному учету функционирующих кооперативов, которые могли иметь по несколько уставов, хранившихся в разных органах управления, а часть, прекратив свою деятельность, продолжала числиться как действующая [14, л. 14 об.].

Первоначально для решения обозначенной проблемы отдел по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности постановил всем органам власти предоставлять копии заключенных с артелями договоров, что позволяло точно фиксировать объемы деятельности кустарей и отслеживать формировавшиеся цены [14, л. 14 об.]. С течением времени отдел постепенно сосредотачивал под своим управлением все вопросы, связанные с развитием кустарной промышленности. Окончательно его главенствующая роль в деле кооперативного строительства была утверждена на заседаниях президиума Тамбовского ГСНХ 29 марта и 5 апреля 1920 г. [13, л. 60, 63 об.].

Во время проведенного обследования отдел по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности обратил внимание и на слабые темпы кооперирования. Оказалось, что 80% из всех существовавших артелей не имели уставов, а, следовательно, работали не официально [14, л. 13]. Очевидно, что в эту цифру входили артели, учредители которых из-за низкой грамотности не могли написать соответствующий всем действовавшим постановлениям устав, однако большинство кустарей не видели в регистрации своих артелей какой-либо выгоды. Решение первой обозначенной проблемы было возложено на созданную при

отделе инструкторскую часть, которая занималась просветительской деятельностью. Для решения второй проблемы необходимо было повысить привлекательность кооперативного строительства для рядовых кустарей. В первую очередь требовалось наладить своевременные поставки сырья, инструментов и продуктов питания в действовавшие кооперативы, что стало возможно благодаря постепенному установлению главенствующей роли отдела в вопросах развития кустарной промышленности. Важно было также создать кустарям возможность получения кредита, а для этого был необходим значительный капитал. В конце 1919 г. было принято решение организовать союзы на основе совместной деятельности промысловых и кредитных кооперативов и объединить их под руководством сельскобюро [14, л. 15-15 об.]. Уже к началу 1920 г. полномочия сельскобюро охватывали практически всю Тамбовскую губернию и распространялись на 6 организованных кооперативных союзов: Борисоглебский, Козловский, Кирсановский, Моршанский, Сасовский и Токаревский [14, л. 25].

В 1920 г. советское правительство усилило централизацию кооперации. Декрет от 29 января 1920 г. утверждал вхождение кредитной, промысловой и сельскохозяйственной кооперации в состав потребительской. На специально созданный Главный комитет по кооперативным делам была возложена задача организовать при Центральном союзе потребительских обществ секции кредитной, промысловой и сельскохозяйственной коопераций [26].

На местных уровнях свою работу продолжали отделы по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности. К этому моменту уже сложился продуктивный административный аппарат, позволявший вести учет кустарей и промысловых кооперативов, фиксировать проблемы, тормозившие развитие кустарной промышленности и лоббировать на губернском уровне ее интересы: выделение дополнительного финансирования, отпуск требовавшегося сырья, предоставление семьям мастеров пайков, установление объективно выполнимых норм выработок изделий, освобождение от воинской, гужевой и др. повинностей [18, л. 53]. В специальном циркуляре Тамбовскому ГСНХ разъяснялось, что в соответствии с декретом от 29 января 1920 г. необходимо было разработать план обновленного кооперативного строительства применительно к разным местностям. Решить поставленную задачу должна была особая согласительная комиссия в составе представителей от земотдела (который ведал вопросами кустарной промышленности еще с дореволюционного времени), совнархоза и промысловой кооперации [16, л. 56]. Однако до принятия положения «О сельскохозяйственных и промысловых кооперативных организациях» от 19 апреля 1920 г. каких-либо действий комиссия не принимала. Положение утвердило обязательство промысловой кооперации входить в качестве автономной секции в местные потребительские общества, либо существовать как кооператив первой степени, но при условии вступления в союз потребительских обществ на правах автономной секции [24]. Уже после перехода к нэпу станет очевидно, что подобное кооперирование кустарей под началом потребительской кооперации фактически превратит их в индустриальных рабочих «начиная с норм выработки и рабочего дня и кончая тарифом» [35, с. 14].

Дальнейший процесс централизации кооперации был связан с созданием Главного управления по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации (Главкустпрома) постановлением от 20 мая 1920 г. Новый орган власти должен был заменить отдел кустарной промышленности Наркомзема и управление по делам кооперации кустарной и мелкой промышленности при ВСНХ [38]. По всей стране создавалась сеть губкустпромов и укустпромов, которая призвана была окончательно устранить параллелизм между различными органами управления в деле развития кустарной промышленности. 29 июня 1920 г. на заседании президиума Тамбовского губисполкома было принято решение об учреждении губкустпрома [4, л. 41]. Возглавлять губкустпром должна была коллегия, состоявшая из трех человек – представителей от ГСНХ, губземотдела и промысловой секции потребительского союза. Первое заседание коллегии состоялось 24 июля

1920 г. [16, л. 109]. Первоначально председателем был назначен А. Д. Сабуров, который, однако, уже 25 августа 1920 г. был смещен с этой должности. Новым председателем был избран Б. В. Шмельков [16, л. 129].

На первых этапах существования новый орган власти традиционно столкнулся с проблемой определения собственных полномочий в рамках уже функционировавшего административного аппарата. Тамбовский губкустпром сначала занял посредническую позицию, предоставляя полученные заказы различным производственным отделам и потребительскому губсоюзу, а готовые изделия передавая ГСНХ. И когда Главкустпром попытался выяснить результаты реализации важных государственных заказов, губкустпром, не владевший конкретной информацией, не мог дать полноценного отчета [16, л. 108]. В скором времени Главкустпром четко разъяснил губкустпрому необходимость сосредоточения под своим контролем всех вопросов, связанных с кустарной промышленностью.

Последним декретом периода военного коммунизма, значительно повлиявшим на развитие кустарной промышленности, стал декрет от 7 сентября 1920 г. «О регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности». Декрет уточнял зафиксированные в постановлении от 26 апреля 1919 г. отличительные черты кустарной промышленности. Первоначально под кустарной промышленностью понимался труд отдельных кустарей, артелей и предприятий, охватывавших не более пяти наемных рабочих и механический двигатель или имевших не более десяти наемных рабочих без двигателя [44]. По новому декрету кустари, во-первых, могли работать с семьей при условии совместного проживания. Во-вторых, им разрешалось иметь учеников, но не более двух на домохозяина и в возрасте от 14 до 18 лет (по декрету от 4 октября 1920 г. – от 16 до 18 лет при соблюдении 6-часового рабочего дня [22]). Дополнительно уточнялся процесс предоставления кустарям заказов и особенности сбыта готовой продукции. Мастера обязаны были принимать любые государственные заказы, которые должны были быть реализованы только через Главкустпром или его местные органы. Изделия из предоставленного Главкустпром или его местными органами сырья требовалось сдавать им же, продукцию из собственного сырья можно было сдавать в соответствующие государственные органы, либо самостоятельно сбывать на рынках, разрешалась работа под заказ. Вводилось премирование особо активных мастеров. Но самое главное положение нового декрета заключалось в обязательной регистрации кустарных предприятий и разрешении местным органам управления национализировать не соответствовавшие требованиям предприятия [23].

К концу 1920 г. некоторые мастерские, явно не соответствовавшие рассмотренному декрету, были уже сильно интегрированы в кустарную промышленность, а потому их национализация могла подорвать возрождавшиеся промыслы. Так, в Козловском уезде была образцово-показательная механическая мастерская, в которой функционировало 3 электродвигателя. Очевидно, что под понятие «кустарной» она не подходила. Отдел металла ГСНХ, руководствуясь декретом от 7 сентября 1920 г. постановил передать мастерскую в ведение своего уездного отделения. Однако укстпромсекция подала прошение в ГСНХ о том, чтобы оставить мастерскую при кустарях. Сообщалось, что изъятие ее «повлечет за собою не только прекращения производительности артелей по выполнению имеющихся заказов, а также нанесет ущерб всей кустарной промышленности н/района» [19, л. 24 об.]. Собрывшаяся по этому вопросу комиссия приняла решение оставить мастерскую в ведение кустарей «как показательной и подсобного органа для объединения артелей» [19, л. 26].

В заключение важно также заметить, что тотальная централизация нарушала базовые принципы независимости и добровольного начала в работе кооперации. Однако в условиях бушевавшей войны это была единственная возможность одержать победу над антисоветскими силами. Так, в конце февраля 1920 г. Тамбовский отдел по делам кооперации кустарной и мелкой промышленности получил от ВСНХ предложение на заготовку лаптей для военных нужд. Производство сапог к этому моменту стало слишком дорогим занятием, и го-

сударственные власти решили перейти на массовое снабжение армии лаптями. 6 мая 1920 г. был утвержден заказ на производство 450000 лаптей по цене 100 руб. за штуку. Однако уже к 15 июня 1920 г. стало очевидно, что отдел не справлялся с реализацией заказа, и производство лаптей было передано в гублеском [16, л. 74]. Когда же в сентябре 1920 г. за эту работу взялся Главкустпром, то был выпущен специальный приказ, определивший за новым органом власти монопольное право на изготовление лаптей; обязавший местные гублескомы передать все имевшееся в их распоряжении лыко губкустпромам; освободивший от всех трудовых повинностей кустарей-лапотников, которые вырабатывали для РККА по 60 пар лаптей в месяц [16, л. 148]. После чего заготовка лаптей пошла быстрыми темпами.

Таким образом, в годы военного коммунизма советская власть стремилась создать централизованную вертикаль кооперативных союзов, где промысловая кооперация сначала выступала как автономная организация, но в 1920 г. вошла в подчинение потребительской. Предполагалось, что такая система упростит предоставление кустарям сырья, ускорит реализацию государственных заказов и будет способствовать повышению профессионального уровня мастеров, поскольку при крупных кооперативных союзах легче организовать образцово-показательные мастерские и кустарные музеи. Итак, жесткая централизация позволила в короткие сроки привлечь кустарей к снабжению РККА. Но, с другой стороны, политика советской власти сопровождалась частой сменой органов управления, явными перегибами на местах и созданием системы, явно противоречащей базовым принципам работы промысловой кооперации. Действия советской власти поставили кустарную промышленность на путь тупикового развития, а потому с началом нэпа было принято решение отойти от принципов крайней централизации, что дало кустарям свободу действия.

Список источников и литературы

1. Архипова, Л. М. (1995). *Мелкая крестьянская промышленность Центрально-нечерноземного района России в начале XX века*. Москва: Прометей. 162 с.
2. Водарский, Я. Е., Истомина, Э. Г. (2004). *Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX-XX столетий*. Москва: ИРИ РАН. 514 с.
3. Гилько, М. А. (2013). *Влияние Транссибирской магистрали на размещение кустарных промыслов Енисейской губернии в конце XIX - начале XX в.* // Известия Алтайского государственного университета. № 4(80). Т. 2. С. 51-55.
4. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-840. Оп. 1. Д. 535.
5. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 14.
6. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 19.
7. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 67.
8. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 330.
9. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 395.
10. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 706.
11. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 711.
12. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 716.
13. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 717.
14. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 785.
15. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 1039.
16. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 1042.
17. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 1403.
18. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 1529.
19. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 2085.

20. Дегтярев, А. Н. (2001). *Кустарно-промысловая кооперация и услуги как объект государственного регулирования (на примере Башкирии в 1917-1940 гг.)*. Москва: МЭИ, УТИС. 269 с.
21. Декрет ВЦИК и СНК от 2 (15) декабря 1917 г. «Об учреждении Высшего совета народного хозяйства» // *Собрание узаконений и распоряжений правительства*. 1917. № 5. Ст. 83.
22. Декрет СНК от 4 октября 1920 г. «Об изменении примечания 2-го ст. 1-й декрета «о регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности» // *Собрание узаконений и распоряжений правительства*. 1920. № 84. Ст. 416.
23. Декрет СНК от 7 сентября 1920 г. «О регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности» // *Собрание узаконений и распоряжений правительства*. 1920. № 78. Ст. 366.
24. Декрет СНК от 19 апреля 1920 г. «О сельскохозяйственных и промысловых кооперативных организациях (Положение)» // *Собрание узаконений и распоряжений правительства*. 1920. № 30. Ст. 147.
25. Декрет СНК от 24 сентября 1919 г. «О перерегистрации производственных артелей, промысловых кооперативов, товариществ, союзов и всякого рода кустарных объединений» // *Собрание узаконений и распоряжений*. 1919. № 48. Ст. 467.
26. Декрет СНК от 29 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций» // *Собрание узаконений и распоряжений правительства*. 1920. № 6. Ст. 37.
27. Егоров, В. Г., Зозуля, О. А., Антонов, О. Ю. (2014). *Кустарные промыслы Воронежской губернии второй половины XIX-XX вв.* СПб.: Алетейя. 352 с.
28. Егоров, В. Г., Зозуля, О. А., Сарыков, Е. С. (2016). *Кустарные промыслы Курской губернии второй половины XIX-XX вв.* СПб.: Алетейя. 208 с.
29. Карташова, М. В. (2018). *Кустарные промыслы Российской империи в последней трети XIX - начале XX в. (1872-1917 гг.): статистика, локализация, государственная поддержка*. Нижний Новгород: Кварц. 414 с.
30. Ловцова, М. С. (2013). *Местные и отхожие промыслы крестьянства Тамбовской губернии в процессе складывания областной территориальной границы* // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. № 10 (126). С. 115-118.
31. Ловцова, М. С. (2014). *Неземледельческие отхожие промыслы крестьянства Темниковского и Моршанского уездов Тамбовской губернии в последней четверти XIX в.* // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. № 1 (129). С. 130-135.
32. Ловцова, М. С. (2015). *Промыслы крестьянства аграрного региона в ракурсе социального развития (Тамбовская губерния 1870-1908 гг.)* // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. № 10 (125). С. 105-113.
33. Николаев, А. А. (2000). *Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.)*. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 140 с.
34. Николаев, А. А. (1988). *Промысловая кооперация в Сибири (1920 – 1937 гг.)*. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 272 с.
35. Отчет Президиума Тамбовского ГСНХ к 4-му губернскому съезду совнархозов и 5-му губернскому съезду профсоюзов. (За первое полугодие 1921 года). Тамбов: Государственное издательство. Тамбовское отделение, 1921. 38 с.
36. Перепелицын, А. В. (2005). *Крестьянские промыслы в Центрально-Черноземных губерниях России в пореформенный период*. Воронеж: ВГПУ. 171 с.
37. Плеханова, А. М. (2010). *Кустарная промышленность Бурят-Монголии в условиях реализации новой экономической политики* // *Вестник Бурятского государственного университета*. Философия. № 7. С. 68-72.

38. Постановление ВСНХ и НКЗ от 20 мая 1920 г. «О Главном Управлении по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации (Положение)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1920. № 50. Ст. 218.

39. Постановление ВСНХ от 13 ноября 1919 г. «О порядке перерегистрации, ревизии и ликвидации кооперативных организаций, согласно декрета Совета народных комиссаров от 24 сентября 1919 г. (Инструкция)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1919. № 54. Ст. 522;

40. Постановление ВСНХ от 17 февраля 1918 г. «О порядке регистрации уставов кооперативных товариществ и их союзов» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1918. № 4. Ст. 341.

41. Постановление ВСНХ от 21 июля 1919 г. «Об управлении по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности при Высшем совете народного хозяйства (Положение)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1919. № 34. Ст. 334.

42. Постановление ВСНХ от 26 сентября 1918 г. «Об изменении ст. 11 постановления “О кооперативных товариществах и их союзах”» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1918. № 70. Ст. 769.

43. Постановление ВСНХ от 29 мая 1918 г. «О регистрации кооперативных товариществ и союзов» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1918. № 38. Ст. 496.

44. Постановление ВЦИК и СНК от 26 апреля 1919 г. «О мерах содействия кустарной промышленности» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1919. № 14. Ст. 140.

45. Ратчин, Я. А. (2017). *Кустарные промыслы Московского региона в конце XIX - начале XX веков: историографический анализ* // Современная научная мысль. № 2. С. 44-49.

46. Сборник постановлений Временного правительства по кооперации. Москва: Кооперативное издательство, 1917. 30 с.

47. Тарновский, К. Н. (1986). *Кустарная промышленность и царизм (1907-1914 годы)* // Вопросы истории. № 7. С. 33-46.

48. Тарновский, К. Н. (1995). *Мелкая промышленность дореволюционной России в конце XIX – начале XX в.* Москва: Наука. 267 с.

49. Тарновский, К. Н. (1981). *Организация мелкой промышленности России в годы первой мировой войны* // Вопросы истории. № 8. С. 18-35.

50. Ягов, О. В. (2008). *Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики.* Самара-Пенза: Издательство Самарского научного центра РАН; ПГПУ. 335 с.

References

1. Arkhipova, L. M. (1995). *Melkaya krest'yanskaya promyshlennost' Tsentral'nonchernozemnogo rayona Rossii v nachale XX veka* [Small peasant industry in the Central Non-black Earth region of Russia at the beginning of the XXth century]. Moscow, Prometey. (in Russian).

2. Vodarskiy, Ya. E., Istomina, E. G. (2004). *Sel'skie kustarnye promysly Evropeyskoy Rossii na rubezhe XIX-XX stoletiy* [Rural handicraft industry in European Russia at the cusp of the XIXth-XXth centuries]. Moscow, IRI RAN. (in Russian).

3. Gil'ko, M. A. (2013). *Vliyanie Transsibirskoy magistrali na razmeshchenie kustarnykh promyslov Eniseyskoy gubernii v kontse XIX - nachale XX v.* [Influence of Trans-Siberian Railroad on the location of handicrafts in Yenisei province at the end of the XIXth-beginning of the XXth century] in *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4 (80), 51-55. (in Russian).

4. Degtyarev, A. N. (2001). *Kustarno-promyslovaya kooperatsiya i uslugi kak ob"ekt gosudarstvennogo regulirovaniya (na primere Bashkirii v 1917-1940 gg.)* [Artisanal and crafts cooperation and services as an object of governmental regulation (by the example of Bashkiria in 1917-1940)]. Moscow, MEI, UTIS. (in Russian).
5. Egorov, V. G., Zozulya, O. A., Antonov, O. Yu. (2014). *Kustarnye promysly Voronezhskoy gubernii vtoroy poloviny XIX-XX vv.* [Handicraft industry in Voronezh Province in the second half of the XIX-XX centuries]. St. Petersburg, Aleteyya. (in Russian).
6. Egorov, V. G., Zozulya, O. A., Sarykov, E. S. (2016). *Kustarnye promysly Kurskoy gubernii vtoroy poloviny XIX-XX vv.* [Handicraft industry in Kursk Province in the second half of the XIX-XX centuries] St. Petersburg, Aleteyya. (in Russian).
7. Kartashova, M. V. (2018). *Kustarnye promysly Rossiyskoy imperii v posledney treti XIX - nachale XX v. (1872-1917 gg.): statistika, lokalizatsiya, gosudarstvennaya podderzhka* [Handicraft industry in the Russian Empire in the last third of the XIXth century - beginning of the XXth century (1872-1917): statistics, localization, state support]. Nizhniy Novgorod, Kvarts. (in Russian).
8. Lovtsova, M. S. (2013). *Mestnye i otkhozhie promysly krest'yanstva Tambovskoy gubernii v protsesse skladyvaniya oblastnoy territorial'noy granitsy* [Local and seasonal work of the peasantry from Tambov province in the process of formation of the regional territorial boundary] in Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye, 10 (126), 115-118. (in Russian).
9. Lovtsova, M. S. (2014). *Nezemledel'cheskie otkhozhie promysly krest'yanstva Temnikovskogo i Morshanskogo uezdov Tambovskoy gubernii v posledney chetverti XIX v.* [Nonagricultural seasonal work of the peasantry of the Temnikovsky and Morshansky districts of the Tambov province in the last quarter of the XIX century] in Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki, 1 (129), 130-135. (in Russian).
10. Lovtsova, M. S. (2015). *Promysly krest'yanstva agrarnogo regiona v rakurse sotsial'nogo razvitiya (Tambovskaya guberniya 1870-1908 gg.)* [Handicrafts of the peasantry of the agrarian region in a view of social development (Tambov Province, 1870-1908)] in Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki, 10 (125), 105-113. (in Russian).
11. Nikolaev, A. A. (2000). *Melkaya promyshlennost' i kustarnye promysly Sibiri v sovetskoy kooperativnoy sisteme (1920 – seredina 1930-kh gg.)* [Smalland handicraft industries in Siberia in the Soviet cooperative system (1920 - mid-1930s)], Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie. 140 s.
12. Nikolaev, A. A. (1988). *Promyslovaya kooperatsiya v Sibiri (1920-1937 gg.)* [Trade cooperation in Siberia (1920-1937)]. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie. (in Russian).
13. Perepelitsyn, A. V. (2005). *Krest'yanskie promysly v Tsentral'no-Chernozemnykh guberniyakh Rossii v poreformennyy period* [Peasant trades in the Central Black Earth provinces of Russia in the post-reform period], Voronezh, VGPU. (in Russian).
14. Plekhanova, A. M. (2010). *Kustarnaya promyshlennost' Buryat-Mongolii v usloviyakh realizatsii novoy ekonomicheskoy politiki* [Handicraft industry of Buryat-Mongolia in the conditions of implementation of new economic policy] in Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, 7, 68-72. (in Russian).
15. Ratchin, Ya. A. (2017). *Kustarnye promysly Moskovskogo regiona v kontse XIX - nachale XX vekov: istoriograficheskiy analiz* [Handicrafts trades of the Moscow region in the late XIX - early XX centuries: a historiographical analysis] in Sovremennaya nauchnaya mysl', 2, 44-49. (in Russian).
16. Tarnovskiy, K. N. (1986). *Kustarnaya promyshlennost' i tsarizm (1907-1914 gody)* [Handicraft industry and Tsarism (1907-1914)] in Voprosy istorii, 7, 33-46. (in Russian).
17. Tarnovskiy, K. N. (1995). *Melkaya promyshlennost' dorevolyutsionnoy Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Small industry in pre-revolutionary Russia in the late XIXth and early XXth centuries]. Moscow, Nauka. (in Russian).

18. Tarnovskiy, K. N. (1981). *Organizatsiya melkoy promyshlennosti Rossii v gody pervoy mirovoy voyny* [Organisation of small industry in Russia during the First World War] in *Voprosy istorii*, 8, 18-35. (in Russian).

19. Yagov, O. V. (2008). *Kustarno-promyslovaya kooperatsiya Povolzh'ya v usloviyakh realizatsii novoy ekonomicheskoy politiki* [Artisanal and crafts cooperation of the Volga region in the conditions of implementation of the new economic policy]. Samara-Penza, Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN; PGPU. (in Russian).

Семикин А. А.
(Ростов-на-Дону)

УДК 94(47)

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И РАЗВИТИЕ ЖИВОТНОВОДСТВА В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1953-1958 ГГ.

В статье исследуется влияние аграрной политики государства на развитие животноводства в Ростовской области в 1953-1958 гг., то есть от начала реформирования сельского хозяйства в соответствии с решениями сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 г. до начала мясомолочной компании, проходившей под лозунгом «догнать и перегнать Америку». При изучении аграрной политики большое значение имеют ее региональные социально-экономические отличия, которые оказывают влияние не только на развитие региона, но и страны в целом. Автор анализирует основные качественные и количественные показатели развития животноводства региона в исследуемый период. Статья выполнена на основе изучения архивных и статистических материалов по Ростовской области. Автор приходит к выводу о том, что в исследуемый период в области происходило увеличение поголовья всех видов скота, выросли надои и производство молока. Однако производство мяса снизилось по сравнению с уровнем 1953 г. Отмечается большой вклад в производство мясомолочной продукции в регионе личных подсобных хозяйств. В колхозах и совхозах Ростовской области развитие кормовой базы и обеспеченность помещениями не соответствовали росту поголовья скота. Ежегодно во время зимовки от бескормицы, нехватки помещений и плохого ухода наблюдался большой падеж скота. Реализация мероприятий аграрной политики в 1953-1958 гг. не привела к значительному увеличению продукции животноводства. В целом, по Ростовской области в изучаемый период не выполнялся ни один плановый показатель по развитию животноводства.

Ключевые слова: аграрная политика, Ростовская область, животноводство, ЛПХ, колхозы, совхозы.

The article examines the impact of the agrarian policy of the state on the development of animal husbandry in the Rostov region in 1953-1958, that is, from the beginning of the reform of agriculture in accordance with the decisions of the September plenum of the Central Committee of the CPSU in 1953 to the beginning of the meat and dairy company, held under the slogan "catch up and overtake America". In studying of agricultural policy regional socio-economic differences are of great importance, which affect not only the development of the region, but also the country as a whole. The author analyzes the main qualitative and quantitative indicators of the development of animal husbandry in the region during the study period. The article is based on the study of archival and statistical materials of the Rostov region. The author makes a conclusion that during the study period there was an increase in the number of all types of livestock in the region, milk yields and milk production increased. However, meat production has decreased compared to the level of 1953. There is a great contribution to the production of meat and dairy products in the region of personal subsidiary farms. In the collective farms and state farms of the Rostov region, the development of the fodder base and the provision of premises did not correspond to the growth in the number of livestock. During wintering, a large loss of livestock was observed due to starvation, lack of premises and poor care every year. Implementation of agrarian policy measures in 1953-1958 did not lead to a significant increase in livestock production. In general, not a single planned indicator for the development of animal husbandry was fulfilled in the Rostov region during the study period.

Keywords: agrarian policy, Rostov region, animal husbandry, household plots, collective farms, state farms.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3-76-85

Мероприятия аграрной политики осуществлялись в стране по единому принципу. Важной причиной негативных социально-экономических последствий аграрных преобразований исследуемого периода является недооценка особенностей и специфики развития отдельных регионов. В связи с этим, актуальными являются исследования на региональном уровне, которые позволяют выделить общие и специфические черты проведения аграрных преобразований в период правления Н. С. Хрущева.

Из-за ограниченного объема настоящей статьи автор не проводит полный историографический анализ проблемы. Следует отметить, что аграрные реформы при руководстве Н. С. Хрущева оцениваются современными историками противоречиво. Наиболее близкую автору оценку дает историк-аграрник И. Е. Зеленин. Его работы внесли большой вклад в изучение аграрной политики 1953-1964 гг. И. Е. Зеленин проводил комплексное исследование аграрных преобразований Н. С. Хрущева. И. Е. Зеленин отмечал, что аграрное реформирование Хрущева было результативным в первые пять лет после сентябрьского Пленума 1953 г., когда решались основные экономические и социальные проблемы деревни. Но к концу 50-х г., по мнению автора, реформы сельского хозяйства теряют свою актуальность и терпят неудачи из-за того, что «... сказались непродуманность ряда решений и директив, медлительность по преодолению недостатков и издержек, выявившихся в ходе реформирования» [5, с. 398]. Негативно повлияли на ход реформ такие факторы, как научно-необоснованная система земледелия, волюнтаризм Хрущева, запрет на содержание скота в ЛПХ, последствия реорганизации МТС.

В последние годы интерес к аграрной политике 1953-1964 гг. сохраняется. У Е. Ю. Спицина в 2019 г. вышла книга «Хрущевская слякоть. Советская держава в 1953-1964 годах» [7]. Работа посвящена периоду правления Н. С. Хрущева, в которой уделяется внимание проблемным вопросам развития аграрного производства и созданию принципиально новой системы управления сельским хозяйством. В 2021 г. вышла монография историка В. Н. Томилина «Государство и колхозы: 1946-1964 гг.» [8], отражающая взаимоотношения колхозов и государства в процессе реформирования сельского хозяйства. Автор рассматривает основные направления аграрной политики Н. С. Хрущева и ее влияние на деятельность колхозов и отмечает, что возможности колхозной экономики не были реализованы.

В статье проводится анализ влияния аграрной политики 1953-1958 гг. на развитие животноводства в Ростовской области. На региональном уровне эту проблему исследовали такие авторы, как С. Н. Андреев [1] на материалах Западной Сибири, Т. Ю. Задкова [4] на материалах Мордовии, Е. Н. Бикейкин [2] на материалах республик Среднего Поволжья. В своих работах авторы отмечали, что в период 1953-1958 гг. производство животноводческой продукции стабильно повышалось, в основном за счет увеличения поголовья скота. Начавшаяся мясомолочная компания требовала постоянного увеличения принятых обязательств, которые были непосильны для большинства хозяйств. Несмотря на рост производства продукции, установленные планы развития животноводства не выполнялись.

Региональные исследования позволяют более полно воссоздать картину аграрного реформирования страны, основываясь на общих и региональных особенностях ее реализации.

Новизна работы определяется комплексным подходом к изучению истории развития животноводства Ростовской области в первый период аграрного реформирования страны в 1953-1958 гг. на основе привлечения региональных архивных и статистических материалов.

Сентябрьский пленум ЦК КПСС 1953 г. признал, что сельское хозяйство СССР находилось в кризисной ситуации, и поставил задачу достичь крутого подъема всех отраслей сельского хозяйства, в том числе животноводства. Принятая на пленуме программа развития сельского хозяйства предусматривала разработку комплекса мероприятий в регионах.

Для реализации основных направлений развития сельского хозяйства, намеченных на сентябрьском 1953 г. пленуме ЦК КПСС, в Ростовской области 22-24 сентября 1953 г. состоялся VII пленум обкома КПСС. На пленуме отмечалось, что в области животноводство оставалось одной из самых отстающих отраслей сельского хозяйства. По вопросу развития животноводства пленум принял решение в кратчайший срок ликвидировать «нетерпимое отставание в развитии животноводства» [12, д. 1561, л. 76 а], укрепить кормовую базу, обеспечить животных и птицу помещениями, увеличить поголовье и продуктивность скота, осуществить механизацию трудоемких работ. Ростовским обкомом КПСС было принято решение о необходимости значительного увеличения поголовья скота и его продуктивности. Областной план по развитию животноводства предусматривал увеличение поголовья крупного рогатого скота на 12 %, поголовье коров на 27%, поголовье овец на 23%, по птице предусматривалось небольшое увеличение. Поголовье свиней оставалось на уровне 1953 г. [14, д. 459, л. 23]. Для увеличения поголовья скота предусматривалось получать ежегодно не менее 95 телят на 100 коров, 110 ягнят на 100 овец, не менее 15 поросят на свиноматку [12, д. 1561, л. 72].

По надоям молока за год по совхозам планировалось получать не менее 4000–5000 кг, по колхозам Мясниковского, Аксайского, Целинского, Неклиновского, Федоровского, Чертковского, Развиленского районов и городов Ростова, Батайска и Красного Сулина не менее 2500 кг, по остальным районам не менее 1500-1700 кг [12, д. 1561, л. 72].

Животноводство Ростовской области в 1953-1958 гг. в основном было представлено мясным и мясомолочным скотоводством, свиноводством, овцеводством и птицеводством. В структуре стада КРС планировалось увеличение поголовья коров и ремонтного молодняка для обеспечения расширенного воспроизводства стада. Проводились мероприятия по сохранности молодняка в хозяйствах и закупке молодняка скота у населения. В течение всего периода наблюдался рост поголовья скота (табл. 1).

Таблица 1.

Поголовье продуктивного скота в Ростовской области в 1953 и 1958 гг.

Показатели	1953		1958	
	Всего	В т. ч. ЛПХ	Всего	В т. ч. ЛПХ
Крупный рогатый скот	1132,9	344,2	1373,9	381,2
в т. ч. Коровы	415,4	221,8	558,2	242
Свиньи	843,7	249,9	1188,4	143,4
Овцы и козы	3127,3	557,3	3550,9	442,2

Составлено по: Народное хозяйство Ростовской области: Стат. сборник. Ростов н/Д: Статистика. Рост. отд-ние, 1964. С. 80.

По данным таблицы видно, что в 1953 г. основная масса скота находилась в колхозах и совхозах области и составляла по КРС 69,6 %, по коровам 46,6 %, по свиньям 70,4 %, по овцам и козам 82,2 %. К 1958 г. выросла доля всех видов скота в пользу общественного животноводства. Удельный вес коров медленно, но стабильно увеличивался как в колхозах и совхозах, так и в ЛПХ. В 1958 г. его доля составила 40,6 % в общем стаде крупного рогатого скота, что на 3,9 % выше, чем 1953 г. Более всего увеличилось поголовье овец и свиней, причем в личных подсобных хозяйствах их численность сократилась.

Мероприятия, направленные на повышение эффективности производства в животноводстве, принесли результаты. В данном периоде заметно повысилась молочная продуктивность коров (рис. 1).

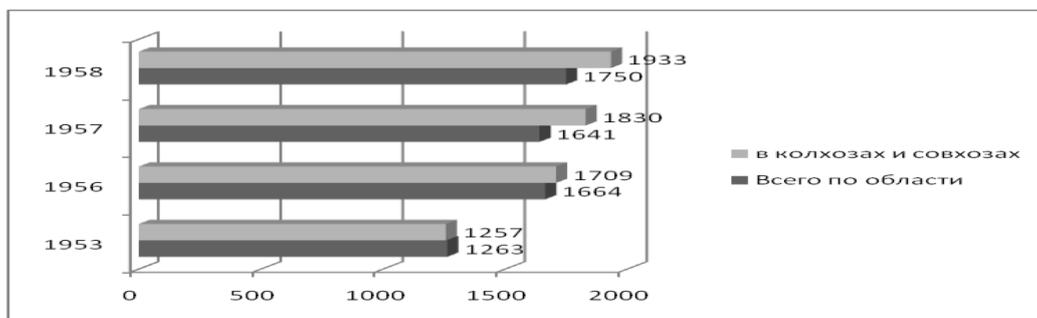

Рис. 1. Динамика надоев молока от одной коровы в Ростовской области в 1953–1958 гг. (кг)

По данным диаграммы видно, что за период надоя молока от одной коровы в целом по Ростовской области выросли с 1263 кг до 1750 кг, а по совхозам и колхозам с 1257 кг до 1933 кг. Рост продуктивности в колхозах и совхозах в 1958 г. к 1953 году составил 53,8 %.

Увеличение поголовья молочного скота и его продуктивности в 1953–1958 гг. значительно повысило производство молока в области (рис. 2).

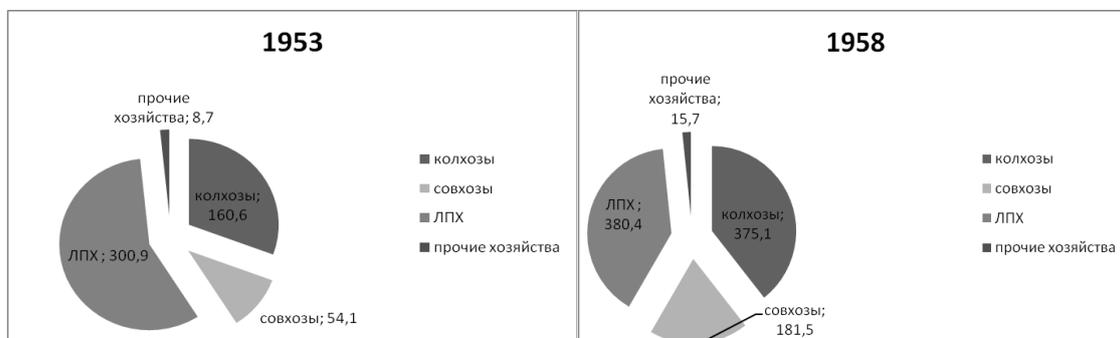

Рис. 2. Изменение производства молока в 1953 и 1958 годах по всем категориям хозяйств (тыс. тонн)

Анализ диаграмм показывает рост производства молока и изменение доли в его производстве по категориям производителей. В 1953 г. в Ростовской области было произведено – 524,3 тыс. тонн молока [6, с. 62]. При этом большая часть за счет личных подсобных хозяйств – 57,4 %, производство молока колхозами составило – 30,6 %, совхозами – 10,3 %. По итогам 1958 г. производство молока в целом по области увеличилось до 952,8 тыс. тонн или на 81,7 % [6, с. 62]. Изменилось и соотношение в производстве молока по категориям хозяйств. Производство молока в личных подсобных хозяйствах увеличилось на 26,4 % и составило от общего количества 39,9 %. Увеличение производства молока в колхозах произошло больше чем в два раза и приблизилось к уровню личных подсобных хозяйств. Совхозы увеличили производство молока почти в 3,5 раза. Таким образом, в 1958 г. главными производителями молока становятся колхозы и совхозы.

Производство молока на 100 га сельскохозяйственных угодий в 1958 г. составило 106 центнеров [6, с. 105]. Большое значение в повышении продуктивности молочного скота сыграло расширение посевов кукурузы на корм скоту.

С увеличением производства молока возросли государственные закупки по молоку с 205,4 тыс. тонн в 1953 г. до 486,3 тыс. тонн в 1958 г. [6, с. 108].

Намного хуже обстояли дела с мясным направлением в животноводстве. По мясу в период 1953–1958 гг. Ростовской области так и не удалось превзойти показатель 1953 г. (рис. 3).

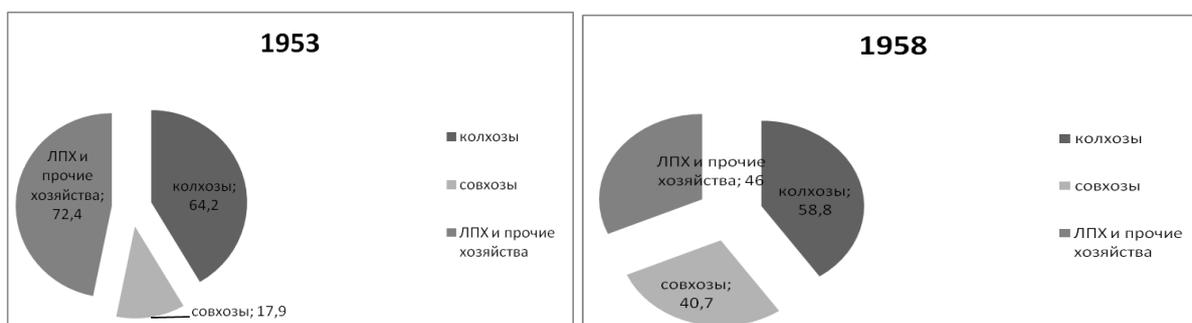

Рис. 3. Изменение производства мяса в убойном весе в 1953 и 1958 гг. по всем категориям хозяйств (тыс. тонн)

Сравнение диаграмм за 1953 и 1958 гг. позволяет сделать вывод, что производство мяса в области находилось на низком уровне. В 1953 г. было произведено 154,5 тыс. тонн, в 1958 г. только 145,5 [6, с. 62] тыс. тонн, что на 5,8 % ниже. Производство было снижено по всем видам мяса, кроме говядины, по которой наблюдался незначительный рост на 8,1 тыс. тонн. В начале периода колхозы и совхозы от общего производства мяса производили 53,1 %. К концу периода колхозы и совхозы увеличили свои показатели всего на 17,4 тыс. тонн, причем благодаря производству совхозов, чьи показатели возросли на 22,8 тыс. тонн. При этом колхозы стали производить мяса меньше, чем в 1953 г. За счет снижения производства мяса в ЛПХ на 26,4 тыс. тонн, доля колхозов и совхозов в общем объеме мяса составила 68,4 %.

За 1953 г. в целом Ростовской областью план по развитию животноводства был не выполнен. В хозяйствах области большие потери скота были связаны с падежом животных. Крупного рогатого скота пало 41 тыс. голов, по овцеводству общие потери составили 364 тыс. голов. Всего область потеряла от падежа 460 тыс. голов продуктивного скота [14, д. 459, л. 25]. Падеж животных в основном был связан с бескормицей и нарушением норм содержания скота.

К зимовке 1953-1954 гг. план заготовки грубых кормов был выполнен на 62 %, сочных кормов на 47 %, концентрированных кормов на 31 % [3, л. 1]. Обеспеченность одной головы крупного рогатого скота кормами составляла 15,1 центнера, при плане 24 центнера грубых и 4,2 центнера сочных кормов [3, д. 218, л. 2]. В отдельных районах скот практически не был обеспечен кормами. Так, в Заветинском районе было заготовлено грубых кормов на 37 % от потребности, сочных не заготовлено совсем. В Ремонтненском районе грубых кормов заготовлено 34 % от плана, сочных 25 %.

Большой проблемой в животноводстве оставалась необеспеченность скота помещениями. Часть животных зимовала в непригодных помещениях или в открытых базах. По области план строительства помещений для животных был выполнен на 63 %, в связи с недостатком строительных материалов. Обеспеченность помещениями крупного рогатого скота составляла 78,4 %, свиней 69,4 %, овец 65,1 % [3, д. 218, л. 2].

Для предотвращения гибели скота от бескормицы и ненадлежащего содержания исполком областного Совета был вынужден разрешить колхозам сдать часть продуктивного скота к концу 1953 г. авансом в счет 1954 г. В четвертом квартале 1953 г. хозяйствами Ростовской области было сдано государству и продано потребкооперации: крупного рогатого скота – 95,4; свиней – 51,3; овец и коз – 161 тысяча голов [3, д. 218, л. 6]. Но и после этого обеспеченность кормами и помещениями оставалась недостаточной.

За 1953–1954 гг. большинство хозяйств Ростовской области не выполнили планы государственного развития животноводства. Вместо роста поголовья скота в 1954 г. в Ростовской области пало 257 тысяч овец, 37 тысяч голов крупного рогатого скота, 128 тысяч голов свиней [13, д.459, л. 18]. По решению облисполкома были проведены проверки в районах,

где наблюдался большой падеж животных. Профессор Дудукалов установил, что причиной гибели является нарушение элементарных правил содержания скота. Проведение проверок ветлабораториями показало, что скот в зимовку идет неудовлетворительно упитанным, часть истощенным. В животноводстве наблюдается плохой уход за скотом и несоблюдение ветеринарных норм.

Несмотря на большую работу по проведению механизации в животноводстве на многих фермах оставалась низкая механизация трудоемких работ, даже если оборудование устанавливалось, то не использовалось или использовалось неудовлетворительно.

Кроме того, большие потери скота происходили в связи со сдачей животных низкой упитанности, только за 1 полугодие 1954 г. хозяйства области сдали на 3615 голов крупного рогатого скота больше, чем планировалось.

К концу 1954 г. область имела лучшую обеспеченность кормами по сравнению с 1953 г. Однако грубых кормов в пересчете на одну голову крупного рогатого скота составила 17 центнеров при норме 21 центнер, сочных кормов 5,4 центнера при норме 21–22 центнера [17, д. 529, л. 52], что говорит о недостаточном обеспечении кормами.

Кроме того, многие колхозы кормление животных производили без предварительной обработки кормов. Колхозы не хотели производить дополнительные затраты. Например, во время проверки готовности к зимовке скота в октябре 1953 г. председатель колхоза «Заветы Ильича» Чертковского района заявил: «Резать солому и запаривать не будем, так как в колхозе нет саморезки и движка, а если это будет делать МТС, то нужно платить ей натуроплату, а для колхоза это не выгодно!» [3, д. 218, л. 93]. Корма не измельчались и не запаривались, даже при наличии соответствующего оборудования из-за недостатка персонала.

С целью выполнения плана развития животноводства решением Ростовского обкома партии и облисполкома от 24 мая 1954 г. был установлен план закупки у населения: молодняка крупного рогатого скота 85 тыс. голов; коров 9 тыс. голов; овец 40 тыс. голов [3, д. 218, л. 19].

Из-за недостатка средств в колхозах, руководство области обращалось в Совет Министров СССР за выделением долгосрочной ссуды в сумме 21 млн. рублей [3, л. 21] на приобретение скота у населения. Несмотря на принятые меры, область не выполнила план по увеличению поголовья скота. Заведующий сельскохозяйственным отделом Титаренко положение в животноводстве оценил как тревожное. Скот гибнет или сдается, и закупается новый непродуктивный скот, который к следующей весне опять гибнет. «Значит, трата средств, бесконечная игра в животноводство и никакого роста ни количественного, ни качественного» [17, д. 529, л. 100].

Выход продукции животноводства в 1954 г. не увеличился, а снизился по сравнению с 1953 г. На совещании секретарей РК КПСС Ростовской области 15 января 1955 г. секретарь обкома КПСС Н. В. Киселев сделал заключение, что работа в области животноводства ведется очень плохо. План развития животноводства не выполнен ни по одному виду показателей. В животноводстве плохо спланирована работа специалистов, работниками не соблюдается трудовая дисциплина.

При сложной ситуации выполнения планов развития животноводства перед партийными органами регионов ставилась задача по увеличению продовольственных фондов. Возлагались задачи по разработке конкретных мероприятий по получению сверхплановых объемов по мясу и молоку. В Ростовской области принимаются еще более высокие плановые показатели по производству животноводческой продукции, без учета фактических возможностей хозяйств.

В Ростовской области кормовая база из года в год отставала от роста поголовья скота, из-за низких урожаев кормовых культур, сенокосов и недостатка посевных площадей большинство хозяйств области испытывали недостаток кормов.

Большинство хозяйств области не могло обеспечить планируемое увеличение поголовья скота кормами. Руководство Пролетарского района отмечало: «Разрабатывая практические мероприятия по увеличению производства продукции животноводства, нужно было, прежде всего, изучить использование земель в колхозах» [15, д. 515, л. 22]. При недостаточной кормовой базе в 1955 г. план посева кормовых культур по Ростовской области был еще уменьшен на 70 тыс. гектаров. Вместе с этим, планом развития животноводства было предусмотрено значительное увеличение поголовья скота. Секретарь обкома КПСС Н. В. Киселев обращался в Совет Министров РСФСР с пояснениями, что в Ростовской области невозможно на такой площади получить достаточное количество кормов под плановое количество животных. В обращении были приведены конкретные расчеты по производству кормов в области, по которым обеспеченность сочными кормами составляла 46,4 %, сеном – 34,8 %, пастбищными кормами – 54 % [16, д. 520, л. 138–140]. В связи с этим Н. В. Киселев просил увеличить площади под кормовые культуры, а план по увеличению скота снизить.

К 1956 г. увеличилась продажа хлеба населению. Организованной проверкой местных советских органов было установлено, что большая часть хлеба и других продуктов, покупаемых в магазинах, идет на корм скоту, находящемуся в личной собственности населения. Совет Министров СССР посчитал необходимым пересмотреть законодательство. После опубликования проекта постановления «О мерах борьбы с расходом из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту» в Ростовской области с 29 июня 1956 г. резко возрос убой скота, находившегося в личных подсобных хозяйствах. К примеру, в Ростове-на-Дону с 1 по 29 июня выдано 115 справок на убой скота, за два дня с 29 июня по 1 июля выдана 41 справка [18, д. 569, л. 138]. В связи с этим, значительно сократилось содержание скота в личных хозяйствах.

12 марта 1957 г. состоялось совещание работников сельского хозяйства юга и Северного Кавказа в Ростове-на-Дону по вопросу «Борьба за увеличение производства мяса – всенародная задача». Н. С. Хрущев в своей речи на совещании отмечал, что Ростовская область топчется на месте. «В 1956 году ваша область дала государству мяса столько же, сколько давала и три года назад» [10, с. 346].

В 1958 г. уровень производства мяса несколько повысился, но по-прежнему оставался низким. В докладе об итогах развития сельского хозяйства за пять лет на декабрьском пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев отмечал: «А вот в Ростовской области при увеличении производства мяса в колхозах и совхозах только на 5 процентов производство мяса в целом по области уменьшилось на 16,5 тысяч тонн, или на 11 процентов» [11, с. 375].

Согласно отчету ЦСУ о производстве мяса в колхозах и совхозах РСФСР на 1 апреля 1959 г. по производству мяса на 100 га сельхозугодий Ростовская область занимала 17 позицию [19, д. 613, л. 66]. Крупным резервом по производству мяса оставалась закупка скота у населения на доращивание и откорм. На деле наблюдались «факты очковтирательства», колхозы закупали скот у населения, а сдавали как колхозный.

22 мая 1957 г. в Ленинграде состоялось совещание работников сельского хозяйства областей и автономных республик северо-запада РСФСР. В своей речи Н. С. Хрущев отметил, что положение в нашем сельском хозяйстве позволяет «поставить и решить задачу большой государственной важности – догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, молока и масла на душу населения» [10, с. 446]. Для этого необходимо достичь на 100 га земли мяса 42 ц в убойном весе, или 70 ц в живом весе, и 141 ц молока» [9, с. 100]. После этого совещания в стране началась мясомолочная компания. Включилась в социальные обязательства и Ростовская область. Колхозами и совхозами области каждый год брались высокие обязательства, которые были под силу только экономически крепким хозяйствам. В целом область принятые обязательства не выполняла. По итогам 1958 г. показатели были низкими: в РСФСР на 100 га сельхозугодий производилось 147 центнеров моло-

ка, а в Ростовской области – 107; по мясу соответственно 58 и 17 центнеров мяса в убойном весе.

Поголовье скота постепенно увеличивалось. Отставал лишь рост поголовья овец, процент увеличения в 1958 г. к 1953 г. составил только 13,5 %. Планируемые показатели по развитию животноводства по получению приплода на 100 маток по итогу 1958 г. были практически выполнены только по свиньям и достигли 14,8 поросят при плане 15. На 100 коров было получено вместо плана 95 телят только 82, по овцам был получен самый низкий результат 75 ягнят на 100 овец при плане 110, показатель оказался ниже, чем в 1953 г. [6, с. 98].

Плановые надои молока от одной коровы по совхозам планировались 4000-5000 кг, по факту надои молока составили 1986 кг и не были выполнены даже наполовину. По колхозам в среднем по области план по надоям молока выполнялся и составлял 1909 кг.

За период 1953-1958 гг. показатели развития животноводства в Ростовской области значительно отставали от показателей по РСФСР. Руководством области принимались усилия для реализации планов развития животноводства области, которые практически не принесли результатов. Принимались завышенные показатели, которые в 1953-1958 гг. ни разу не выполнялись. Хозяйствам области за этот период удалось повысить поголовье молочно-го скота и производительность коров, что позволило увеличить производство молока, но при этом результаты оказались ниже ожидаемых. По мясу сложилась критическая ситуация: за 1958 г. не были достигнуты даже показатели 1953 г. Рост мясного поголовья в основном по свиньям требовал много кормов, но развитие кормовой базы и обеспеченность помещениями не соответствовали росту поголовья. Ежегодно в период зимовки от бескормицы и ненадлежащего содержания в Ростовской области наблюдался большой падеж скота, особенно молодняка. Мясное животноводство продолжало не развиваться, а выживать.

Таким образом, в процессе реализации мероприятий аграрной политики 1953-1958 гг. на территории Ростовской области не удалось добиться значительного увеличения продукции животноводства.

Список источников и литературы

1. Андреенков, С. Н. (2007). *Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953-1964 гг.* Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. 212 с.
2. Бикейкин, Е. Н. (2016). *Аграрная модернизация во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.: региональный дискурс (по материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)*. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 270 с.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-3737. Оп. 1. Д. 218.
4. Задкова, Т. Ю. (2010). *Колхозная деревня Мордовии в условиях "Оттепели" (1953-1964)*. Саранск: Науч.-исслед. ин-т гуманитарных наук при Правительстве Респ. Мордовия. 270 с.
5. Зеленин, И. Е. (2000). *Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история.* № 1. С. 394-425.
6. Народное хозяйство Ростовской области: Стат. сборник / ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Рост. обл. Ростов н/Д.: Статистика, 1964. 271 с.
7. Спицын, Е. Ю. (2019). *Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953-1964 годах*. Москва: Концептуал. 592 с.
8. Томилин, В. Н. (2021). *Государство и колхозы: 1946-1964 гг.* Москва: АИРО-XXI. 448 с.
9. Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: документы из личного фонда Н.

С. Хрущева: В 2 томах: Т. 2. / Гл. редактор Н. Г. Томилина. Москва, 2009. 880 с.

10. Хрущев, Н. С. (1962). *Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства*. Т. 2. Москва: Госполитиздат. 534 с.

11. Хрущев, Н. С. (1962). *Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства*. Т. 3. Москва: Госполитиздат. 544 с.

12. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 1561.

13. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1758.

14. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 7. Д. 459.

15. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 7. Д. 515.

16. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 7. Д. 520.

17. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 7. Д. 529.

18. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 7. Д. 569.

19. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 7. Д. 613.

References

1. Andreenkov, S. N. (2007). *Agrarnye preobrazovaniya v Zapadnoj Sibiri v 1953-1964 gg.* [Agrarian reforms in Western Siberia in 1953-1964]. Novosibirsk, Novosibirskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet. (in Russian).

2. Bikejkin, E. N. (2016). *Agrarnaja modernizacija vo vtoroj polovine 1950-h – nachale 1960-h gg* [Agrarian Modernization in the Second Half of the 1950s – Early 1960s: Regional Discourse]: regional'nyj diskurs (po materialam Marijskoj, Mordovskoj i Chuvashskoj ASSR). Saransk, NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija. (in Russian).

3. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO). [State Archives of the Rostov Region] F. R-3737. Op. 1. D. 218. (in Russian).

4. Zadkova, T. Ju. (2010). *Kolhoznoj derevnja Mordovii v uslovijah "Ottepeli" (1953-1964)*. [Collective-farm village of Mordovia under the conditions of the "Thaw" (1953-1964)]. Saransk, Nauch.-issled. in-t gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Resp. Mordovija. (in Russian).

5. Zelenin, I. E. (2000). *Agrarnaja politika N. S. Hrushheva i sel'skoe hozjajstvo strany* [Agricultural policy N. S. Khrushchev and the country's agriculture] in *Otechestvennaja istorija*, 1, 394-425. (in Russian).

6. *Narodnoe hozyajstvo Rostovskoj oblasti: Stat. sbornik. Rostov n/D: Statistika*. [The national economy of the Rostov region: Stat. Collection]. Rostov n/D, Statistics. Growth. ed., 1964. (in Russian).

7. Spicyn, E. Ju. (2019). *Hrushh'jovskaja sljakot'. Sovetskaja derzhava v 1953-1964 godah*. [Khrushchev slush. Soviet power in 1953-1964] Moscow, Konceptual Publ. (in Russian).

8. Tomilin, V. N. (2021). *Gosudarstvo i kolhozy: 1946-1964 gg.* [State and collective farms: 1946-1964]. Moscow, AIRO-HHI Publ. (in Russian).

9. Nikita Sergeevich Hrushhev. *Dva cveta vremeni: dokumenty iz lichnogo fonda N. S. Hrushheva: V 2 tomah*: [Nikita Sergeevich Khrushchev. Two colors of time: documents from the personal fund of N. S. Khrushchev: In 2 volumes] Т. 2. / Ch. editor N. G. Tomilina. Moscow, 2009. (in Russian).

10. Hrushhev, N. S. (1962). *Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitie sel'skogo hozjajstva*. [The construction of communism in the USSR and the development of agriculture]. Т. 2. Moscow, Gospolitizdat. (in Russian).

11. Hrushhev, N. S. (1962). *Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitie sel'skogo hozjajstva*. [The construction of communism in the USSR and the development of agriculture]. Т. 3. Moscow, Gospolitizdat. (in Russian).

12. Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti (CDNIRO). [Center for

Documentation of Contemporary History of the Rostov Region] (TsDNIRO). F. 9. Op. 1. D. 1561. (in Russian).

13. TsDNIRO. F. 9. Op. 1. D. 1758.
14. TsDNIRO. F. 9. Op. 7. D. 459.
15. TsDNIRO. F. 9. Op. 7. D. 515.
16. TsDNIRO. F. 9. Op. 7. D. 520.
17. TsDNIRO. F. 9. Op. 7. D. 529.
18. TsDNIRO. F. 9. Op. 7. D. 569.
19. TsDNIRO. F. 9. Op. 7. D. 613.

Шеримет А. Г.
(Оренбург)

УДК 04(470.56): 323.2

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПРОВИНЦИИ 1920-Х ГОДОВ: МОНОПОЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА

В центре внимания статьи - начальный этап складывания системы идеологического воздействия в советской России после окончания Гражданской войны. Наступившие политический, экономический и социальный кризисы показали, помимо прочего, необходимость перестройки и совершенствования пропаганды и агитации. Это было зафиксировано на X съезде партии. В отечественной историографии традиционно рассматривается партийное воздействие на все население Советской России, а период 1920-х гг. – начальным этапом складывания системы такового воздействия. Мы полагаем, что более корректно говорить о складывании в этот период элементов системы прежде на региональном уровне с учетом региональных особенностей и возможностей. Кроме того, в рассматриваемый период первым и основным объектом идеологического воздействия были партийцы, затем – рабочие и «трудовое» крестьянство, и параллельно с ними – дети рабочих. На протяжении рассматриваемого периода итоговый успех был обусловлен не только и не столько созданием и усилением системы коммунистического воздействия на массы, сколько исчезновением альтернативных, а точнее – источников этих альтернатив.

Ключевые слова: идеологическое воздействие, пропаганда, работа с массами, методы агитации, результативность агитации, НЭП.

The focus of the article is the initial formation stage of the system of ideological influence in Soviet Russia after the end of the civil war. The ensuing political, economic and social crises showed, among other things, the need to restructure and improve propaganda and agitation. That was recorded at the X Party Congress. In national historiography, the party influence on the entire population of Soviet Russia in the 1920s is traditionally considered as the initial stage of the establishment of a system of such an impact. We believe that it is more appropriate to discuss this process, first and foremost, on the regional level, taking regional characteristics and opportunities into account. In addition, during the period under review, the party members were the first and the main object of ideological influence, followed by workers, the “laboring” peasantry and their children. During the period under review, the final success was due not only and not so much to the creation and strengthening of the system of communist influence on the masses, but to the disappearance of alternative, or rather, the sources of these alternatives.

Keywords: Ideological influence, propaganda, work with the masses, methods of agitation, effectiveness of agitation, NEP.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3-86-101

Тема идеологического воздействия большевистской (коммунистической) партии, эффективности проводимой этой партией пропаганды и агитации была, без преувеличения, одной из самых распространенных на всем протяжении советского периода нашей истории. Советская историография видела эту проблему как поступательный процесс от зарождения в гражданской войне с последующим складыванием по ее окончании целостной системы идеологического воздействия, все более и более совершенствующейся на последующих этапах, с безвариантным признанием успехов и результативности на каждом из них. В принципе, подобное суждение перешло в настоящую историографию; вероятно, в немалой степени по причине очевидной данности наблюдаемо-

го итогового результата – создания тотальной системы воздействия по всем информационным каналам к концу истории СССР. Таким образом, можно говорить о двух подходах, наблюдаемых в современной историографии: рассмотрение 1920-х гг. как времени создания системы агитационно-пропагандистского воздействия как явления и элемента советской реальности [17; 34; 35], и как начального этапа формирования тоталитарной системы [11; 12; 13]. Условно третьим вариантом можно определить позицию, выраженную Н. В. Шалаевой, полагающей это время периодом создания новой идентичности, выраженной в понятии «советский народ» [49, с.2], что, на наш взгляд, является несколько чрезмерным.

Некоторая вариативность наблюдается в хронологических рубежах внутренних этапов. Так, есть суждение, что уже в 1918 г. большевики имели мощный государственный аппарат, который позволил им развернуть широкую пропагандистскую деятельность, охватывающую огромные слои населения, и обеспечил победу в гражданской войне [29]. Но есть и более осторожные суждения, например, что именно в 1920 году прежде разрозненные органы агитации и пропаганды оформились в цельную систему, была намечена новая стратегия агитационно-пропагандистской работы, изменялись её формы [50]. Другие авторы также считают, что в это время советская партийно-государственная система агитации и пропаганды «мирного времени» «обрела устойчивые черты», но расширяют временные рамки до 1921-1923 гг. [7]. Есть и иной вариант: где рубежом определяется 1927 год – когда «была в основных параметрах выстроена система СМИ, главной целью которой была трансляция коммунистической идеологии», а в 1928 г. медиасистема СССР реализовала «свои возможности по пропагандистскому обеспечению строительства нового общества» [35]. Стоит упомянуть и мнение, что процесс оформления в СССР «тоталитарной политической системы» происходил в 1919-1929 гг. [10], и что в 20-х годах складывается, в частности, цензурная политика, «принципиально» не менявшаяся в течение всей советской истории [11]. Позиция современных авторов – как раз акцентирование на отрицательных сторонах этого процесса; так, например, С. А. Дианов напрямую связывает органы политической цензуры со становлением тоталитаризма [12]. Между тем, для любой власти нормально стремление создать систему воздействия на общество – во-первых, и контроля за информационными каналами – во-вторых. Создание системы, жесткие принципы ее функционирования, эффективность воздействия – все это лишь один аспект рассматриваемой проблемы. Есть и иной – борьба с иными взглядами, иным воздействием, а также с носителями и трансляторами этих взглядов – реальными и потенциальными. А это в советской историографии особо не разрабатывалось, ограничиваясь утверждением о продолжающейся борьбе с проявлениями контрреволюции, без детализации и уточнений последнего.

На современном этапе начинают появляться работы, затрагивающие именно этот аспект – прежде всего, статьи А. А. Слезина о различных мероприятиях и инициативах советской власти в отношении альтернативных организаций [38; 39; 40; 41; 42].

Единой политики в масштабах всей страны в собственном смысле этого слова в рассматриваемый период не было, как не было единого управляющего именно этим процессом центра – в пользу чего – отсутствие подобных директивных документов. Центр не предоставлял исходную модель действий. В целом, ставились – причем достаточно общие, и, что не менее важно, одновременно – задачи, задавались нужные и допустимые рамки действий, а непосредственно реализация задач на местах возлагалась на местные власти и потому напрямую зависела от местных условий, возможностей и локальных проблем. Практически в каждом регионе были свои объективные и субъективные сложности и проблемы, связанные с кадровым обеспечением (вероятно, можно сказать прямо – кадровым голодом), отсутствием нужных специалистов, техническими возможностями, общим состоянием общества и хозяйства после гражданской войны и многое иное. Очень важно осознавать, что недостаточность четких инструкций центра вместе с организационным и идейным уровнем товарищей на местах неизбежно порождала свое понимание того, что и как нужно делать. Очевидны

различия между центральными, промышленными регионами и провинциальными, окраинными. Но при этом, по нашему убеждению, последние также вариативны, что никоим образом не отрицает наличие каких-либо общих или схожих моментов. Становится ясно, что проблема, при всей ее многоуровневости и многоплановости, неизбежно требует учета региональных уровней.

Отсюда рассматривать ее следует на конкретном материале, но регионально. В данном случае, мы берем юго-восточную окраину европейской России, Оренбургскую губернию 1920-х гг. Технически для Оренбурга начало складывания системы идейного воздействия и новых подходов следует отнести к 1922 году, когда завершилась вооруженная борьба с крестьянскими повстанцами, что знаменовало собой окончание гражданской войны в регионе и стала постепенно изменяться к лучшему ситуация с продовольствием после голодных 1920-1921 гг. Первый фактор означал гибель или уход сил, открыто противостоявших власти коммунистов, а второй – в условиях голода резко сворачивалась политическая активность, массово прекращали существование партийные и комсомольские ячейки на местах. И хотя административные границы края часто менялись – Оренбург был столицей Кир-республики в 1922-1925 гг., а с 1928 г. территория перешла в состав Средневожского края, в основном политическая, экономическая и социальная активность сосредотачивалась в Оренбургском и Орском уездах (районы с 1927 г.).

Главный вопрос: на кого были направлены пропаганда и агитация, кто был основным объектом идеологического воздействия? Абсолютное большинство авторов, писавших и пишущих о государственной пропаганде в Советской России в 1920-х гг., говорили и говорят о стране в целом – взаимозаменяемые упоминания о массах, населении, обществе создавали иллюзию всеохвата, что, в свою очередь, как бы подкрепляло тезис о скором создании в реальности единой и эффективной системы в масштабах всей страны. Иными словами, итоговый результат предопределял исходную позицию. Разумеется, победа на фронтах гражданской войны не означала столь же успешной победы в тылу. Молчаливое большинство населения, уклонявшееся по мере сил от втягивания в открытое противостояние за одну из сторон, никуда не делось, поэтому победившим коммунистам нужно было срочно создавать авторитет власти. Сделанное нами логическое допущение очевидно аргументирует необходимость пропагандистского воздействия именно на все население Советской России. Вероятно, тем же путем логических рассуждений прошли уже названные нами и многие иные неназванные здесь современные авторы.

Тем не менее, факты по Оренбургской губернии ставят подобный вывод под сомнение. Следовательно, остается либо признать некую уникальную особенность одной данной губернии, либо поставить под сомнение существующее в современной историографии мнение.

После окончания военных действий, а также воследовавшего голода все провинциальные, и еще более окраинные губернии, столкнулись с дефицитом всего – кадров, специалистов, технических возможностей, денег, бумаги, опыта, четких представлений о том, что именно и как нужно делать.

В резолюциях 8-й Оренбургской губернской партийной конференции в марте 1923 г. был особый IX раздел «Партия и ее влияние на массы». Из содержания становится видно, что речь шла именно о рабочем классе и «широких трудовых крестьянских массах» [31, с. 45]. Сходным образом, поставленную в 1928 г. к 1-й областной партконференции первым секретарем Средне-Волжского областного — краевого комитета ВКП(б) М. Хатаевичем задачу сосредоточить всю массовую и культурно-политическую работу «партии, профсоюзов и всех иных организаций» «на широком разъяснении конкретных вопросов и задач хозяйственного и культурного строительства» [47, с. 8-9] – можно полагать ориентированной на все население. Но достаточно ознакомиться с планом работы обкома этого времени, чтобы увидеть, что перед коммунистами ставилась более конкретная задача «укрепления внутренней

сплоченности парторганизации и связей с широкими рабочими и бедняцко-средняцкими крестьянскими массами» [44, с. 1].

Применительно к задачам, стоящим перед партией, в начале 1922 г. зав. агитпропом Оренбургского губкома РКП(б) П. Софронов писал, что со времени XI-го съезда партии перед РКП(б) стоит задача «политического воспитания своих членов» - в войну «думать о воспитании своих членов партии не приходилось». Он указывал на серьезнейшую проблему - низкий уровень образовательный и идейный у большинства членов губернской парторганизации; «главная масса членов мало выдержаны, малограмотны и малоразвиты политически», но таковые составляли 4/5 общего числа [43, с. 21]. В 1923 г. секретарь губкома Н. Мутнов констатировал, что культурный уровень организации «очень не высок»: из 3525 членов с высшим образованием лишь 14, средним – 144, и 166 чел. совершенно безграмотных; «остальные умеют только читать и писать и чуть-чуть разбираться в политической обстановке» [18, с. 35]. Его беспокоил и классовый состав организации - рабочих 34,2%, крестьян 36,8% по партстажу в 1918 г. вступили 311 (11%), в 1919-ом – 924 (35%), в 1920-м – 807 (30%), 1921-1922 гг. – 336 (12,5%) [18, с. 36]. В декабре 1925 г. в отчете Оренбургского губкома РКП(б) к XIгубпартконференции приводились данные: с января 1924 г. по 1.10.1925 рабочих в организации стало с 24,5% до 40,4%, на 1.7.1925 – 43,7% [27, с. 47]. Местными руководителями использовался термин «ленинцы» в отношении рабочих, принятых в партию в рамках т.н. «ленинского призыва». Имевшие «нужное» происхождение, они были крайне слабы в идейном отношении, почему поднимался вопрос о необходимости скорейшего создания именно для них 27 сокращенных школ политграмоты [27, с. 37].

На партконференции проблема выдвинулась в том, что парторганизация находится в губернии «с исключительно крестьянским населением, имеет в своих рядах преобладающее большинство членов, вышедших из мелкобуржуазных слоев и по партстажу на 80 процентов состоит из членов, вступивших в 1919-20-21 и 22 годах. Отсюда вытекает опасность в условиях НЭПа быть захлестнутыми мелкобуржуазной стихией» [27, с. 46]. Об этой угрозе более детально писал и Н. Мутнов: «НЭП с его соблазнами частной собственности, свободным рынком и т. п. находит в наших рядах мало сознательных и неустойчивых товарищей, быстро поддающихся этим соблазнам». Далее он детализировал: «Наиболее характерные черты НЭПовских влияний таковы: пьянство, захлестнувшее целый ряд членов партии; всевозможные попойки, принимавшие систематический характер, доходившие до отвратительнейших безобразий, хулиганства, стрельбы и дебоша в пьяном виде. Нередко наблюдаются случаи, когда ответственные работники – коммунисты в пьяном виде появляются в общественных местах и общаются с людьми, чуждыми по классу и по духу и пр. Другое зло, менее распространенное, это злоупотребление по должности, приобретение крупной собственности. Мы имеем случаи злоупотреблений по службе, когда члены партии приобретали дома, лошадей и т. п. и это проделывалось во время, когда окружающее население умирало с голоду» [18, с. 36]. Несколько позже в циркуляре уполномоченного Оренбургской губернской контрольной комиссии отмечались следующие «причины болезненных явлений среди членов партии»: «корыстная цель наживы, использование служебного положения, влияние чуждого партии элемента, связь с чужим элементом, карьеристические наклонности, склочничество, политическая малограмотность, неизжитие м-буржуазных предрассудков (религиозность и др.), стремление к хозобрастанию, перегруженность работой, усталость, общее разложение» [21, л. 4].

Таким образом, подводя некоторый итог, можно констатировать, что на начальном этапе НЭПа, в 1923 г., местные коммунистические лидеры главной задачей полагали обеспечение «безусловной чистоты классового сознания» (слова Н. Мутнова) у членов партии. Кроме базовой, к основным задачам «на ближайшее будущее» относились «а) изменение состава организации в сторону увеличения рабочей ее части, б) укрепление партийных резервов, в) развитие и углубление партийно-воспитательной работы» [27, с. 43]. И при этом

работа среди партийцев по-прежнему выделялась: «ликвидация среди членов РКП политнеграмотности и технической безграмотности в первую очередь» [27, с. 44].

Методов работы определялось только два – устная и печатная агитация. Приоритет отдавался печатной. П. Софронов подчеркивал, что этот способ агитации «был и остается важнейшим» [43, с. 23]. Сходно высказывалась и 8-я партконференция: «Агитация через печать в настоящее время приобретает колоссальное значение» [30, с. 45]. Там же отмечалась необходимость корректировки устной агитации: «метод устной агитации во время гражданской войны существенно помогал нам организовывать Красную армию и т. д., носил характер краткий, ударный. Теперь, с переходом на экономический фронт положение изменилось и перед нами стоит задача главным образом воспитать массу путем длительного воздействия на сознание масс» [30, с. 44].

Если говорить о направлениях агитационного воздействия, то местные партийные документы были достаточно скупы на детализацию таковых. Относительно печатной агитации особым пунктом «в» определялось: «Упорядочить библиотечную связь. Взять под свое влияние, трестировать книжную торговлю, поставить в задачу распространение печатного слова через партийные, профессиональные и кооперативные аппараты» [30, с. 46]. Еще более обще определялись задачи пропаганды в массах: «необходимо поставить дело так, чтобы агитация захватила массы до самых низов, начиная с самого отсталого рабочего, занятого в производстве, и кончая темным бедняком крестьянином в деревне». Далее уточнялось, что «центром агитации должно быть после заводской жизни, в городе – клубы, в деревне – избы-читальни [30, с. 44]. Поручалось «обратить внимание на постановку анти-религиозной пропаганды» [30, с. 44].

Подчеркнем еще раз: ближайшей задачей виделась работа с рабочими и детьми рабочих. Прочие же шли как потенциальные противники. Н. Мутнов объявлял проводниками контрреволюционной идеологии «чуждые советской власти элементы – из числа кооператоров, агрономов, учительства». [18, с. 35]. Список был расширен на 8-й партконференции: к т.н. мелкобуржуазной интеллигенции с враждебной партии идеологии, относились техническая интеллигенция, учительство и учащиеся [30, с. 46], а также «особое внимание» требовалось уделять духовенству, особенно деревенскому, которое «является одним из опасных врагов советской власти, распространяющих контрреволюционные идеи среди темного крестьянства» [30, с. 46]. При достаточно очевидном определении враждебных объектов никаких конкретных мероприятий определено не было. И даже позднее, в 1927 году, в резолюциях XIII губпартконференции говорилось достаточно обще: «Разработать меры к усилению партийного влияния и руководства работой среди интеллигенции»; «твердо выявить и вести постоянную борьбу с антисоветской частью интеллигенции и ее попытками влиять на широкие массы» [31, с. 14]. Очевидно, что в реальности все никак не могло и не ограничивалось обще сформулированными задачами.

В историографии существуют варианты позиций относительно направлений (видов) и форм пропагандистской работы в рассматриваемый период. Так, А. С. Бочкарева выделяет наглядную агитацию, устную пропаганду и пропаганду с помощью средств массовой агитации, а также формы деятельности: литературно-публицистическую, художественно-агитационную, и просто агитационную [3]. Из множества направлений пропагандистского воздействия А. С. Бочкарева берет к рассмотрению агитационно-пропагандистские кампании (субботники, воскресники, различного рода недели), а также агитационно-пропагандистские поезда; новые советские праздники; символы и их сочетание (символы-идеи, символы-действия (ритуалы), символы-объекты, символы-персоны и символы-звуки); монументальное искусство, топонимы [3]. Н. В. Шалаева с той же целью берет в качестве объекта рассмотрения «пространственные виды искусства», впрочем, достаточно запутывая вопрос относительно того, что относить к таковым: она то говорит о монументальной пропаганде, театре и советских праздниках [49, с. 9], то монументальной пропаганде, поли-

тическом плакате, театре и его разновидности в 1920-е гг. – политическом празднике [49, с. 12), то усложняет вопрос, вводя помимо пространственных видов искусства (относя к такому монументальную скульптуру и политический плакат), понятие вербализованного вида – театра, при этом выводя за рамки праздник как нечто особое, «соединяющее в себе все элементы, приемы и методы репрезентации» [49, с. 2]. М. К. Деканова останавливалась только на советских праздниках, определяя их как «особое метафорическое обобщение» [9, с. 20]. И. В. Самойлова к формам «воздействия» относит избы-читальни, библиотеки, школы, «народные дома», митинги, прессу [34]. И. В. Киселева называет основными формами митинги, собрания и агиткампании, государственные праздники, газеты и пролетарскую поэзию, «организацию городского пространства» [17]. Детальнее всех по вопросу высказывался А. И. Гурьев, выделявший 11 каналов воздействия: пресса, марксистские политические работы, стенгазеты, документальный кинематограф, радиовещание, граммофонная запись, клубы и народные дома, существовавшие при партийных комитетах, на предприятиях, по месту жительства, библиотеки и избы-читальни (сельские библиотеки), ликпункты, монументальная пропаганда, праздники, агиткомпании [8].

Предпримем попытку предложить свой вариант каналов воздействия на трудящиеся массы в Оренбуржье в 1920-х гг. В принципе, любой из существовавших ранее информационных каналов требовал замены содержания, использование касалось только технических сторон. Примером таковых замен можно назвать введение октябрин вместо крестин.

Применительно к отдельным регионам приоритеты менялись в зависимости от реального положения вещей. Например, в Оренбуржье не было борьбы с некоммунистической печатью, как это наблюдалось в иных регионах. Почему – потому что частое движение линии фронта в период гражданской войны привело общество к полной поляризации, и в итоге перед окончательным приходом красных, все, кто не разделял их взгляды, ушли с их противниками. В условиях военного противостояния небогатые издательские мощности присваивались красными по праву сильного, и потому в итоге некоммунистической печати было просто негде издаваться.

То же можно сказать о зачистках книжных магазинов и чистке библиотек. Списки книг, каковые надлежало изымать, в Оренбург поступали, вот только наличие здесь самих книг вызывает большое сомнение. Только в одном подобном списке – подлежащих изъятию из продажи 1.11.1923-1.1.1924, основную массу составляли книги, вышедшие в 1918-1920 гг. Учитывая, что в эти годы в крае бушевала гражданская война, крайне маловероятно, что сюда могли завести такие книги из списка, как «10 лет на кооперативной работе» (Вологда, 1918), «История средних веков» (Казань, 1918), «Из родной литературы (сборник)» (Владивосток, 1920) или «Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» (1917). Самой старой в данном списке была книга 1888 г. издания. Также заслуживает внимания факт, что в губернском городе до революции было только два книжных магазина [24, л. 4.]; в 1925 г. – 6 [23, л. 30.]. В начале 1921 г. был создан т. н. губернской книжный склад, где аккумулировались все находимые где-либо книги с целью последующей передачи в библиотеки – в итоге до 60 тыс. экз. [33, с. 152]. Н. И. Сайгин, ставивший целью показать значительный прорыв в культурной сфере в регионе именно при советской власти, отмечал, что в 1920-х гг. расширялась сеть библиотек по инициативе местных партийных и комсомольских организаций, и весной 1921 г. в губернии было 236 библиотек, в том числе 34 – в Оренбурге [33, с. 151]. Это оценивалось как серьезное достижение, хотя следует отметить два момента. Первый: в 1890 г. при церквях Оренбургской епархии работали 250 библиотек, в 1905 г. – 560, в 1915 г. – 650 [45, с. 30]. И второй, о чем автор не говорит, что подобные «библиотеки» чаще всего состояли из небольшой подборки политических брошюр и книг. Однако, даже благожелательно настроенный к действиям большевиков автор признавал, что после изъятия отовсюду «религиозной и антисоветской литературы» в 1925 г. библиотек осталось 48, из них в Оренбурге – 6 [33, с. 202].

Важным элементом была борьба с контрреволюционной идеологией. Вот только понимание этого разное. А. Гурьев для Петрограда полагал важным участком борьбы таковую с идейно-политической деятельностью противников большевизма, каналами распространения этих идеологий (эмигрантская и российская легальная и подпольная печать, выступления на митингах и собраниях, в частности, предвыборных, работа в исполнительных органах различных организаций» [7, с. 13]. В Оренбуржье идейных, и что важно – организованных – противников линии большевистской партии, практически не было. В Орске перед X съездом партии, когда Л. Троцким был поднят вопрос о роли профсоюзов, по словам бывшего зам. зав. политотделом Орского укрепункта А. Хрипунова, в парторганизации никто позицию Троцкого не поддерживал. Но губком потребовал обязательного проведения дискуссии и протокольную фиксацию результатов по ней. В итоге, удалось уговорить молодого коммуниста Мих. Вяльцева выступить в качестве троцкиста [1, л. 200].

Некоторые местные инициативы лишь впоследствии стали включать в общий ряд начинаний, связанных с государственной пропагандой. В 1926 г. было осуществлено массовое переименование улиц в губернском центре – прежде всего, центральных с историческими названиями [35, л. 2]. В краеведческой литературе принято считать переименования исключительно местной рабочей инициативой¹. Новые варианты были совершенно типовыми – Ленина, Маркса, Энгельса, Люксембург, Бебеля, Лассаля, Плеханова и т. п.; некоторым улицам и переулкам присвоили имена недавно погибших за советскую власть в крае. Переименования продолжались и позднее; к началу 1930-х гг. только в губернском центре более ста улиц носили имена деятелей партии и международного революционного движения, героев борьбы за Советскую власть [37, с. 3].

Сходной была ситуация с монументальной пропагандой. В губернском центре был только один монумент дореволюционной эпохи – т. н. Александровская колонна – памятник Александру I, поставленный в 1824 г. в благодарность за отмену воинского постоя в городе. Он убран не был, хотя краеведы утверждают, что в Оренбурге сразу началось «практическое решение одной из важнейших идеологических задач советской власти – конструирование новой культурной памяти» – реализация декрета СНК «О памятниках республики» [46, с. 46].

В местной историографии установилась традиция любые инициативные действия местной коммунистической власти обязательно связывать с решениями центра, директивами или декретами Ленина и иными центральными документами. Именно в «соответствии с ленинским декретом», по мнению Т. И. Тугай, первый обелиск революции в Оренбурге был поставлен 1 мая 1920 г. на 18 разъезде [46, с. 46]. На самом деле, речь шла о памятнике на братской могиле, находившейся не в Оренбурге. Тогда же местная газета «Коммунар» писала: «недалеко от Оренбурга, на 18 разъезде железной дороги Самара-Оренбург состоялось открытие памятника красноармейцам, похороненным в 1919 году во время защиты Оренбурга» [16]. Вторым революционным памятником в Оренбурге Т. И. Тугай полагает памятник В. И. Ленину, открытый 1 мая 1925 г. (скульптор В. В. Козлов, арх. М. В. Рянгин), допуская при этом ошибку – утверждая, что памятник вождю был в натуральный рост [46, с. 47]. Это не соответствовало действительности – в любой краеведческой литературе отмечается, что высота монумента 1 м. 80 см.

---

¹И. Скутин, автор книги о названиях улиц Оренбурга, приводил без каких-либо доказательств и ссылок на источник красочный рассказ с прямой речью о том, как к председателю Оренбургского городского Совета К. Н. Котову собрались активные борцы за Советскую власть и прямо поставили вопрос: «почему в городе улицы носят имена губернаторов, купцов, а имен красногвардейцев, которые погибли за власть Советов, нет?». На что Котов «быстро вынул из стола план города, расстелил его и пригласил всех присутствовавших: - Ну, конкретно предлагайте... Часа через полтора у Котова был список двух десятков улиц, которым давались новые названия» [37, с. 4.].

Более верный и детальный перечень приводил Н. И. Сайгин. Первым памятником «новой эпохи» он полагал открытый в Сорочинске 1 мая 1919 г. памятник Свободе. Затем летом 1919 г. по инициативе местной комячейки между д. Рождественка и хутором Холодный Ключ был поставлен памятник на могиле нескольких крестьян, расстрелянных за отказ служить в дутовской армии. 1 мая 1920 г. был открыт уже упомянутый памятник на 18-ом разъезде. По мнению историка, он был третьим по счету и первым в Оренбуржье памятником защитникам советской власти [33, с. 184]. В июне 1920 г. в Соль-Илецке был открыт памятник на могиле 18 интернационалистов, погибших там в 1918 г. [33, с. 185]. 2 марта 1924 г. был открыт деревянный обелиск, посвященный памяти Ленина в с. Юрьево Саракташского района. 8 июня 1924 г. на заводе «Орлес» был открыт памятник 55 рабочим завода, погибшим в годы гражданской [33, с. 223]. Затем началась установка памятника В. И. Ленину: в Орске в 1924 г., 1 мая 1925 г. в Оренбурге.

Масштабы осуществленных новаций позволяют считать таковые не частью общегосударственного плана, а скорее местными инициативами, созвучными, прежде всего, с существующими в партии и рабочей среде настроениями. Сюда же можно отнести и стихийное появление новых обрядов, вроде «красных» свадеб. Селькор «Бедноты» Т. С. Мурысев в заметке «Свадьба в Сарай-Гире», опубликованной в 1924 г., рассказывал, как «он сам, уже старик, выдавал дочь замуж за комсомольца и, не посмотрев на осуждение и гнев старых верующих людей Сарай-Гира, справил красную свадьбу без попов и венчания. Свадебный поезд на семи парах лошадей с красными флагами, бантами и красными плакатами на дугах двинулся по селу мимо церкви. Говорили хорошие речи о новой жизни на селе, танцевали, пели старинные и современные песни. И хотя старушки, крестьясь, осуждали эту новь, свадьба прошла весело. Красная свадьба стала после этого входить в быт села» [48].

Но были и иные направления работы, которые точно можно отнести к задачам, формулируемым из центра, с определенным организационным и идейным обеспечением. Прежде всего, это массовые агитационные кампании. В существующих работах на эту тему встречаются разные оценки происшедшего: от утверждений о полном провале кампаний, до признания эффективности таковых. Мы склонны разделять последнюю точку зрения - частые мероприятия подобного рода позволили создать на местах функционирующие механизмы воздействия в рамках тех технических возможностей, каковыми располагали на тот момент местные власти: отработать приемы работы, обучить кадры [51, с. 213]. Еще в 1922 г. П. Софронов предсказывал, что кампании «займут еще на долгое время важное место в задачах партии и агитации. Кампания страховая, налоговая, займут первое место среди других» [43, с. 24]. Кампаний действительно было много; только за первое полугодие 1928 г. нами определено 17 таковых [51, с. 212].

Еще одним направлением можно полагать создание в 1922 г. детской пионерской организации в губернии – параллельно с созданием таковой начата была непримиримая борьба со скаутами, чья организация возникла в Оренбурге раньше пионерской, в 1920 г. Специальным циркулярным письмом КирЦИК указывал, что «отряды юных пионеров организовывать в первую очередь в рабочих пунктах из среды рабочих детей, детей коммунистов и детей детских домов» [36, с. 15]. На 1 января 1923 г., по данным бюро детских коммунистических групп, таковые были созданы при производстве 11%, детдоме 14%, школах 22%, ячейках и клубах 42%, прочие 11% [22, л. 2]. В дальнейшем, в 1926 г. IX-я Оренбургская губернская конференция РЛКСМ поставила задачу работы с «детьми рабочих и крестьян» и создания отрядов в деревнях [32, с. 40]. Борьба с влиянием скаутов завершилась после использования административного ресурса: по стране прошли аресты руководителей скаутских «контрреволюционных групп», в том числе и в Оренбурге: «У них была обнаружена переписка с Англией и в частности директивы самого полковника Бадена [Баден-Пауэрлла] о том, чтобы скаутов отвлекать от всякой политической жизни – то есть делать безвольных людей, подчиняющихся лишь слепой дисциплине «вождей»» [36, с. 17].

Ряд авторов, ранее уже упомянутых, полагает едва ли не самым успешным и эффективным направлением политической цензуры. Действительно, оренбургские документы это подтверждают. Но нужно учитывать, что применительно к данному региону информационный сегмент, который подлежал цензурированию, был более чем узок, и потому взять его под контроль было значительно проще, нежели чем в более развитых регионах. К 1928 г. в Средне-Волжской области, куда вошло Оренбуржье, сложилась «твердая сеть периодических изданий»: три областных газеты (комсомольская, партийная и профсоюзная), пять журналов (партийный, профсоюзный, кооперативный, планово-экономический и по вопросам советского строительства для низового актива), окружные газеты, две национальные [44, с. 111]. Оренбургское губернское управление по делам печати и зрелищ было создано 15 декабря 1924 г. Тогда же была проведена перерегистрация театров, кино, клубов, типографий, фотографий, литографий, граверных мастерских, книго-магазинов. В реальности в г. Орске была лишь 1 типография, в райцентре Каширинскене было вообще ничего, в Оренбурге - 9 типографий, граверных - 2, фотографий - 3, книготорговлей занимались 6 магазинов. Вновь созданная комиссия по изъятию вредной литературы, куда входили представители гублита, губкома, губполитпросвета, ГСПС, ОГПУ, терокруга и Нацмена, не действовала по причине отсутствия материала [23, л. 130]. В этот период в губернию вообще не поступали иностранные газеты и какие-либо заграничные издания [23, л. 131].

Еще одно направление – антирелигиозная пропаганда и противодействие религиозному влиянию на массы. 6 января 1923 г., в ночь под Рождество, в Оренбурге был организован карнавал-шествие с участием группы ряженых, где было задействовано около 10 тысяч чел. Шествие прошло по центральным улицам города мимо нескольких церквей. С 1924 г. началось празднование т. н. «Комсомольской пасхи» [5, с. 38]. С 1923 года стало выходить еженедельное приложение к газете «Советская степь» «Безбожник» - редакция особо гордилась, что это второе антирелигиозное издание после общереспубликанского. Но в целом эффективность была явно небольшой. Оренбургский губком РКП (б) в отчете к XI губернской партийной конференции в декабре 1925 г. косвенно признавал это, констатируя, что созданное «Общество безбожников» фактически существует только в Оренбурге, а антирелигиозная пропаганда сводится к «семинариям» - биологическим и физическим, также - поездка антирелигиозной экспедиции по деревням в связи с «обновлением» икон и четыре диспута, проведенных опять-таки в Оренбурге [27, с. 75]. Восторги редакции «Безбожника» относительно своей огромной популярности в деревне также умерились; с февраля 1924 г. газета превратилась в страницу в областной «Советской степи».

Центр проводил единый репрессивный курс в отношении РПЦ, и именно здесь нет оснований говорить о каких-либо региональных особенностях. Начавшийся голод 1920-1921 гг. был использован для нанесения решающего удара по РПЦ. По декрету от 23 февраля 1922 г. «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» с мая началось изъятие таковых по губернии – всего в губернии были изъяты церковные ценности на 1 т 212 кг серебра, 1,5 кг. золота и бриллиантов на 1000 рублей по курсу довоенного времени [5, с. 38]. После выхода постановления ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» началось массовое закрытие церквей и монастырей [5, с. 38]. По мнению историков церкви, основные события 20-х гг. – противодействие церкви этим насильственным и изощренным способам большевистской власти подчинить, запугать, поставить под контроль ГПУ все церковные решения, чтобы разделить и разложить церковь изнутри [19, с. 187].

Таким образом, нужно констатировать, что наиболее эффективными оказались те направления воздействия, которые подкреплялись административным, силовым ресурсом.

Сложности в работе возникали при столкновении с альтернативными каналами воздействия. Ситуация еще более усугублялась НЭПом - последний действительно действовал разлагающе на рабочие массы, об ощущениях конца революции писалось и написано нема-

ло. Прибавим сюда постоянную нехватку квалифицированных кадров, а также отсутствие, особенно поначалу, четко сформулированных центром задач.

При таком раскладе именно ликвидация альтернативных факторов воздействия давала скорый и наблюдаемый эффект. В перспективе монополия «своей» пропаганды с возможностями манипулирования, внедрения лживых тезисов – действительно привела к созданию системы тотального контроля. Но важно подчеркнуть, что в 1920-х гг. никто не строил тоталитарное общество.

Завоевывать на свою сторону непролетарские слои власти и не пыталась. Проблема стала разрешаться по мере исчезновения этих непролетарских слоев, как результат государственной политики и репрессий. По сути, процесс победного утверждения коммунистического идеологического влияния состоял из двух равноценных параллельно идущих процессов – насаждением «своих» взглядов, ценностей, ориентиров среди населения и одновременной изоляции этого населения от иных, условно альтернативных взглядов, ценностей, ориентиров. Видеть в происходившем продуманную программу действий и намеренное создание системы идеологической обработки масс, особенно применительно к 1920-м гг., нам кажется преждевременным. Пропаганда стала ориентирована на все общество только по достижении этим обществом определенной социальной однородности. Впрочем, любые действия на конкретном временном отрезке можно впоследствии воспринимать как определенную систему. Серьезное влияние на реализацию поставленных задач оказывали технические возможности и субъективные особенности отдельных регионов, почему мы полагаем более точным говорить не об едином, но единонаправленном процессе. Из двух равноценных по важности задач, вторая – т. е. изоляция общества от «иногo» идеологического воздействия в какой-либо форме, была более понятной для исполнителей на местах, она решалась быстрее и проще, результаты были более ощутимыми и наглядными. Сложившаяся впоследствии именно система всестороннего охвата населения утвердилась на абсолютно защищенном информационном поле. Это имело следствием исчезновение какой-либо конкуренции – занимающиеся пропагандой воспринимали существующую ситуацию как единственно возможную данность, делавшую ненужной повышение качества идеологической работы. Каждое следующее поколение пропагандистов становилось все более слабым, поскольку работало почти в тепличных условиях. Применение насилия в отношении какого-либо инакомыслия, поддержание общества в состоянии изоляции в итоге обеспечили успешность складывания и функционирования идеологической системы при наличии обязательного фактора – полного владения информационным полем. Появление новых технологий в конце XX в. стало тем непредусмотренным фактором, неизбежно разрушившим систему.

Список источников и литературы

1. Архив Бузулукского краеведческого музея. Т. 9.
2. *Берегите революционные завоевания* // Смычка. 1926. 4 августа.
3. Бочкарева, А. С. (2007). *Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в.*: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Краснодар. 30 с.
4. Вестник просвещенца. 1925. № 1 (окт.)
5. Воронова, А. А. и др. (2017). *Новомученики и исповедники Оренбургской епархии XX века*. Оренбург: изд-во «Южный Урал». 188 с.
6. Гаранькин, Ю. Д. (1996). *Улицы Оренбурга: справочник* / Ю. Д. Гаранькин, В. В. Дорофеев, А. Н. Жилин. Оренбург: кн. изд-во. 157 с.

7. Гурьев, А. И. (1993). *Система идеологического воздействия на массы в первые годы НЭПа: на материалах Северо-Запада РСФСР*: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.01. Санкт-Петербург. 19 с.
8. Гурьев, А. И. (2011). *Как закалялся агитпроп*. Москва: ООО «Научно-издательский центр «Академика». 432 с.
9. Деканова, М. К. (2008). *Формирование советской праздничной культуры в деревне в 1920-е гг.* // Вестник СамГУ. № 1(60). С. 20-27.
10. Дианов, С. А. (2007). *Политический контроль в Пермском крае в 1919-1929 гг.*: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Пермь. 26 с.
11. Дианов, С. А. (2010). *Политическая цензура на Урале в период НЭПа* // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск. Т. 9. Вып. 1: История. С. 167-174.
12. Дианов, С. А. (2011). *Органы Главлита и цензура зрелищ на Урале в 1922-1940 гг.* // Вестник Пермского Университета. История. Вып. 3(17). С. 28-34.
13. Дианов, С. А. (2012). *Организационное строительство местных органов Главлита на Урале в 1922-1934 годах* // Вестник Удмуртского государственного университета Ижевск. Серия 5: История и филология. Вып. 1. С. 57-66.
14. Зими́на, Н. П. (2014). *«Полубновленчество» в Патриаршей Церкви в середине 1920-х гг.: епископ Иаков (Маскаев) на Оренбургской кафедре (1923-1925)* // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 6 (61). С. 91-112.
15. Известия ЦК РКП(б). 1921. № 36.
16. Коммунар (Оренбург). 1920. 5 мая.
17. Киселева, Е. В. (2011). *Формирование образа Советской власти средствами агитации и пропаганды: октябрь 1917-1920-гг. (на материалах Орловской и Брянской губерний)*: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Брянск. 231 с.
18. Мутнов, Н. (1923). *Задачи РКП(б) в условиях НЭПа и укрепление рядов нашей организации.* // Пролетарий. Ежемесячный орган Оренбургского губкома РКП(б). № 1(3). С. 34-37.
19. Никитин, И. В. (2014). *Оренбургская епархия в 1922-1938 гг.* // Страницы истории Оренбургской епархии / под общ. ред. прот. Н. Стремского. Саракташ. С. 186-233.
20. О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии // Десятый съезд РКП(б): март 1921 года. Стенографический отчет. Москва: Госполитиздат, 1963.
21. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. 31. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
22. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. 208. Оп. 1. Д. 274.
23. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. 454. Оп. 1. Д. 2.
24. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. 454. Оп. 1. Д. 4.
25. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 285.
26. Основные задачи Средне-Волжской областной парторганизации. Проект плана работы обкома до II-й облпартконференции. Самара: изд. Областкома ВКП(б), 1928. 25 с.
27. Отчет Оренбургского губкома РКП (б) к XI Губернской Партийной Конференции. Декабрь 1925 г. Оренбург: 1-ая Гос. типо-литография Оренполиграфпрома, 1925. 120 с.
28. Пролетарий. Ежемесячный орган Оренбургского губкома РКП(б). 1923. № 2/4 (февраль).

29. Пруткая, Т. С., Хотина Ю. В. (2016). *Основные направления агитационно-пропагандистской работы большевиков* // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. № 9. С. 217-226.
30. Резолюции 8 Губпартконференции. Учет влияния нэп и задачи внутрипартийного строительства // Пролетарий. № 3(5). С. 42-48.
31. Резолюции Оренбургской XIII Губпартконференции (19-26 ноября 1927 г.). Оренбург, 1927. 54 с.
32. Решения IX-й Оренбургской губернской конференции РЛКСМ. 25 февраля 1926 - 1 марта 1926. Оренбург: 9-ая гостип. Оренбгубполиграфа, 1926. 47 с.
33. Сайгин, Н. И. (2011). *История культуры Оренбуржья (XVIII-XXI вв.)*: [монография] / Н. И. Сайгин; М-во образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Оренбургский гос. пед. ун-т». Оренбург: Изд-во ОГПУ. 479 с.
34. Самойлова, И. В. (2008). *Идеологическое воздействие на крестьян в 1921-1925 гг.: формы и средства: по материалам Новгородской губернии*: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург. 193 с.
35. Сарычева, А. М. (2019). *Образ советской власти в центральных партийных изданиях в 1917-1927 гг.*: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. / МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва. 17 с.
36. Сафонова, З. Г. (2012). *Детские организации Оренбуржья в XX веке* / З. Г. Сафонова, Д. А. Сафонов; Оренб. гос. пед. ин-т. Оренбург: ОГПУ. 148 с.
37. Скутин, И. Я. (1972). *Славные имена оренбургских улиц* / И. Я. Скутин; Оренб. обл. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во. 97 с.
38. Слезин, А. А. (2009). *Антирелигиозный аспект «Великого перелома»: нормативная база и правоприменительная практика* // Политика и общество. № 7. С. 66-76.
39. Слезин, А. А. (2009). *Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи в начале 1920-х годов* // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 2 (3). С. 92-98.
40. Слезин, А.А. (2007). *Государственная функция политического контроля: особенности правоприменительной практики* // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Т. 13. № 3. С. 821-825.
41. Слезин, А. А (1995). *Крестьянские альтернативы комсомолу* // Крестьяне и власть. Тамбов: ТГТУ. С. 91-93.
42. Слезин, А. А. (1997). *Становление монополии комсомола в молодежном движении России* // Клио. № 1. С. 134-139.
43. Софронов, П. (1922). *Об очередных задачах агитации и пропаганды* // Пролетарий. Ежемесячный орган Оренбургского губкома РКП(б). № 1. С. 21-24.
44. Средне-Волжская область. Сборник материалов к 1-й Областной Конференции ВКП(б) и 1-му Областному Съезду Советов. Самара: издание Бюро ЦК ВКП(б) и организ. комитета Средне-Волж. области, 1928. 121 с.
45. Татусь Вадим, иерей. (2017). *Подвиг святых Оренбуржья – урок потомкам* // Вестник Оренбургской духовной семинарии. Оренбург. Вып. 2(8). С. 29-36.
46. Тугай, Т. И. (2011). *Увековечение революционного прошлого в Оренбурге в 1920-1930-е годы* // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования : сб. работ науч.-исслед. краевед. лаб. ОГПУ / Оренб. гос. пед. ун-т; отв. ред. А. Г. Прокофьева. Оренбург: ОГПУ. Вып. 5. С. 46-52.
47. Хатаевич, М. (1928). *Важнейшие задачи Средне-Волжской областной парторганизации* // Средне-Волжская область. Сборник материалов к 1-й Областной Конференции

ВКП(б) и 1-му Областному Съезду Советов. Самара: издание Бюро ЦК ВКП(б) и Организ. Комитета Средне-Волж. области. С. 5-11.

48. Хохлов, В. (1963). *400 корреспонденций Мурысева* // Южный Урал. 20 апреля.

49. Шалаева, Н. В. (2015). *Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917-1920-е гг.: социокультурный аспект*: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Саратов. 39 с.

50. Шульман, М. Г. (2004). *Партийно-государственная агитация и пропаганда первых лет Советской власти: октябрь 1917-1920 гг. (По материалам Калужской и Тульской губерний)*: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Калуга. 23 с.

51. Шеримет, А. Г. (2021). *Формирование системы идеологического воздействия в российской провинции 1920-х гг.: проблемы и возможности источниковой базы* // Партийные архивы. Проблемы и перспективы развития: материалы VI межрегиональной (с международным участием) научно-практической конференции. Екатеринбург. С. 207-213.

References

1. Arhiv Buzulukskogo kraevedcheskogo muzeja, t. 9. (in Russian).
2. *Beregite revoljucionnyje zavoevanija* [Cherish revolutionary gains] in Smychka, 1926, 4 avgusta. (in Russian).
3. Bochkareva, A. S. (2007). *Politicheskaja propaganda i agitacija partijno-sovetskih organov vlasti na Kubani v 20-e gg. XX v.* [Political propaganda and agitation of the party-Soviet authorities in the Kuban in the 20s. 20th century]: (doctoral dissertation abstract). Krasnodar. (in Russian).
4. Vestnik prosveshhenca [Herald of the Enlightener], 1925, 1 (okt.). (in Russian).
5. Voronova, A. A., Mishuchkov A. A., Panov Petr, ierej, Kolyvanov Aleksij, ierej, Denisov D. N. (2017). *Novomucheniki i ispovedniki Orenburgskoj eparhii XX veka.* [New martyrs and confessors of the Orenburg diocese of the XX century]. Orenburg, Juzhnyj Ural Publ. (in Russian).
6. Garan'kin, Ju. D (1996). *Ulicy Orenburga: spravocnik* [Streets of Orenburg: reference book] / Ju. D. Garan'kin, V. V. Dorofeev, A. N. Zhilin. Orenburg, kn. izd-vo. (in Russian).
7. Gur'ev, A. I. (1993). *Sistema ideologicheskogo vozdejstvija na massy v pervyegody NJePA: na materialah Severo-Zapada RSFSR.* [The system of ideological influence on the masses in the early years of the New Economic Policy: based on the materials of the North-West of the RSFSR]: (doctoral dissertation abstract) / A. I. Gur'ev; St. Petersburg. (in Russian).
8. Gur'ev, A. I. (2011). *Kak zakaljal'sja agitprop.* [How agitprop was tempered]. Moscow, ООО «Nauchno-izdatel'skij centr «Akademika». (in Russian).
9. Dekanova, M. K. (2008). *Formirovanie sovetskoj prazdnichnoj kul'tury v derevne v 1920-e gg.* [Formation of the Soviet festive culture in the countryside in the 1920s] in Vestnik SamGU, 1(60), 20-27. (in Russian).
10. Dianov, S. A. (2007). *Politicheskij kontrol' v Permskom krae v 1919-1929 gg.* [Political control in the Perm region in 1919-1929]: (doctoral dissertation abstract). Perm'. (in Russian).
11. Dianov, S. A. (2010). *Politicheskaja cenzura na Urale v period NJePa* [Political censorship in the Urals during the NEP] in Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Novosibirsk, t. 9, vyp. 1: Istorija, 167-174. (in Russian).
12. Dianov, S. A. (2011). *Organy Glavlitaicenzurazrelissh na Urale v 1922-1940 gg.* [Glavlit Organs and Censorship of Spectacles in the Urals in 1922-1940] in Vestnik Permskogo Universiteta. Istorija, vyp. 3(17), 28-34. (in Russian).
13. Dianov, S. A. (2012). *Organizacionnoe stroitel'stvo mestnyh organov Glavlita na Urale v 1922-1934 godah* [Organizational construction of local bodies of Glavlit in the Urals in 1922-1934] in Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta Izhevsk, serija 5: Istorija i filologija, vyp. 1, 57-66. (in Russian).

14. Zimina, N. P. (2014). «*Poluobnovlenchestvo*» v *Patriarshej Cerkvi v seredine 1920-h gg.: episkop Iakov (Maskaev) na Orenburgskoj kafedre (1923-1925)* ["Semi-renovation" in the Patriarchal Church in the mid-1920s: Bishop Jacob (Maskaev) at the Orenburg cathedra (1923-1925)] in *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*, vyp. 6 (61), 91-112. (in Russian).
15. Izvestija CK RKP(b). [News of the Central Committee of the RCP(b)], 1921, 36. (in Russian).
16. Kommunar (Orenburg). [Kommunar]. 1920, 5 maja. (in Russian).
17. Kiseleva, E. V. (2011). *Formirovanie obraza Sovetskoj vlasti sredstvami agitacii i propagandy: oktjabr' 1917–1920-gg. (na materialah Orlovskoj i Brjanskoj gubernij)*. [Shaping the image of Soviet power through agitation and propaganda: October 1917-1920 (on the materials of the Oryol and Bryansk provinces)]: (doctoral dissertation). Brjansk. (in Russian).
18. Mutnov, N. (1923). *Zadachi RKP(b) v uslovijah NJeP-a i ukreplenie rjadov nashej organizacii*. [Tasks of the RCP(b) in the conditions of the New Economic Policy and strengthening the ranks of our organization.] in *Proletarij. Ezhemesjachnyj organ Orenburgsko gogubkoma RKP(b)*, 1(3), 34-37. (in Russian).
19. Nikitin, I. V. (2014). *Orenburgskaja eparhija v 1922-1938 gg.* in *Stranicy istori i Orenburgskoj eparhii* [Orenburg diocese in 1922-1938] / pod obshh. red. prot. N. Strem'skogo, p. Saraktash, 186-233. (in Russian).
20. O Glavpolitprosvete i agitacionno-propagandistskikh zadachah partii [About Glavpolitprosvet and agitation and propaganda tasks of the party] in *Desjatyj s#ezd RKP(b): mart 1921 goda. Stenograficheskiy otchet*. Moscow, Gospolitizdat, 1963. (in Russian).
21. Ob#edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti. F. 31. Op. 1. D. 3. L. 4. (in Russian).
22. Ob#edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti. F. 208. Op. 1. D. 274. (in Russian).
23. Ob#edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti. F. 454. Op. 1. D. 2. (in Russian).
24. Ob#edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti. F. 454. Op. 1. D. 4. (in Russian).
25. Ob#edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti. F. 7924. Op. 1. D. 285. (in Russian).
26. Osnovnye zadachi Sredne-Volzhskoj oblastnoj partorganizacii. Proekt plana raboty obkoma do II-j oblpartkoferencii. [The main tasks of the Middle Volga regional party organization. Draft work plan of the regional committee until the 2nd regional party conference]: Samara, izd. Oblastkoma VKP(b), 1928. (in Russian).
27. Otchet Orenburgskogo gubkoma RKP (b) k XI Gubernskoj Partijnoj Konferencii. Dekabr' 1925 g. [Report of the Orenburg Provincial Committee of the RCP (b) to the XI Provincial Party Conference]. Orenburg, 1-aja Gos. tipo-litografija Orenpoligrafroma, 1925. (in Russian).
28. Proletarij [Proletarian]. Ezhemesjachnyj organ Orenburgskogo gubkoma RKP(b). 1923, 2/4 (fevral'). (in Russian).
29. Prutkaja, T. S., Hotina Ju. V. (2016). *Osnovnye napravlenija agitacionno-propagandistskoj raboty bol'shevikov*. [The main directions of the propaganda work of the Bolsheviks] in *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*, 9, 217-226. (in Russian).
30. Rezoljucii 8 Gubpartkoferencii. Uchetvljan i janjepi zadachi vnutripartijnogo stroitel'stva [Resolutions of the 8th Gubernia Party Conference. Accounting for the influence of the NEP and the tasks of inner-party construction] in *Proletarij*, 3(5), 42-48. (in Russian).

31. Rezoljucii Orenburgskoj XIII Gubpartkoferencii (19-26 nojabrja 1927 g.) [Resolutions of the Orenburg XIII Provincial Party Conference (November 19-26, 1927)]. Orenburg, 1927. (in Russian).
32. Reshenija IX-j Orenburgskoj gubernskoj konferencii RLKSM. 25 fevralja 1926 - 1 marta 1926. [Decisions of the IXth Orenburg provincial conference of the RLKSM]. Orenburg, 9-aja gostip. Orenbubpoligrafa, 1926. (in Russian).
33. Sajgin, N. I. (2011). *Istorija kul'tury Orenburzh'ja (XVIII-XXI vv.)* [Cultural history of the Orenburg region (XVIII-XXI centuries)]. Orenburg, izd-vo OGPU. (in Russian).
34. Samojlova, I. V. (2008). *Ideologicheskoe vozdejstvie na krest'jan v 1921-1925 gg.: formy i sredstva: po materialam Novgorodskoj gubernii* [Ideological influence on the peasants in 1921-1925: forms and means: based on materials from the Novgorod province]: (doctoral dissertation). St. Petersburg (in Russian).
35. Sarycheva, A. M. (2019). *Obraz sovetskoj vlasti v central'nyh partijnyh izdanijah v 1917-1927 gg.* [The image of Soviet power in the central party publications in 1917-1927]: (doctoral dissertation abstract) / MGU im. M. V. Lomonosova. Moscow. (in Russian).
36. Safonova, Z. G. (2012). *Detskie organizacii Orenburzh'ja v XX veke* [Children's organizations of the Orenburg region in the XX century]: / Z. G. Safonova, D. A. Safonov; Orenb. gos. ped. in-t. Orenburg, OGPU. (in Russian).
37. Skutin, I. Ja. (1972). *Slavnye imena orenburgskih ulic* [Glorious names of Orenburg streets]. Cheljabinsk, Juzhno-Ural'skoe kn. izd-vo. (in Russian).
38. Slezin, A. A. (2009). *Antireligioznyj aspekt "Velikogo pereloma": normativnaja baza i pravoprimenitel'naja praktika* [The anti-religious aspect of the "Great Break": the regulatory framework and law enforcement practice] in *Politika i obshhestvo*, 7, 66-76. (in Russian).
39. Slezin, A. A. (2009). *Gosudarstvennaja politika v otnoshenii religii i politicheskij kontrol' sredi molodjozhi v nachale 1920-h godov* [State policy towards religion and political control among youth in the early 1920s] in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie: voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2 (3), 92-98. (in Russian).
40. Slezin, A. A. (2007). *Gosudarstvennaja funkcija politicheskogo kontrolja: osobennosti pravoprimenitel'noj praktiki*. [State function of political control: features of law enforcement practice] in *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, t. 13, 3, 821-825. (in Russian).
41. Slezin, A. A. (1995). *Krest'janskije al'ternativy komsomolu* [Peasant alternatives to the Komsomol] in *Krest'jane i vlast'*. Tambov, TGTU, 91-93. (in Russian).
42. Slezin, A. A. (1997). *Stanovlenie monopolii komsomola v molodezhnom dvizhenii Rossii* [The formation of the monopoly of the Komsomol in the youth movement in Russia] in *Klio*, 1, 134-139. (in Russian).
43. Sofronov, P. (1922). *Ob ocherednyh zadachah agitacii i propagandy* [On the immediate tasks of agitation and propaganda.] in *Proletarij. Ezhemesjachnyj organ Orenburgskogogubkoma RKP(b)*, 1, 21-24. (in Russian).
44. Sredne-Volzhskaaja oblast'. *Sbornik materialov k 1-j Oblastnoj Konferencii VKP(b) i 1-mu Oblastnomu S#ezdu Sovetov.* [Middle Volga region. Collection of materials for the 1st Regional Conference of the AUCP(b) and the 1st Regional Congress of Soviets]. Samara, izdanie Bjuro CK VKP(b) i organiz. Komiteta Sredne-Volzh. oblasti, 1928. (in Russian).
45. Tatus' Vadim, ierej. (2017). *Podvig svjatyh Orenburzh'ja – urok potomkam* [The feat of the saints of the Orenburg region is a lesson for posterity] in *Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii*, Orenburg, vyp. 2(8), 29-36. (in Russian).
46. Tugaj, T. I. (2011). *Uvekovečenje revoljucionnogo proshlogo v Orenburge v 1920-1930-e gody* [Perpetuating the revolutionary past in Orenburg in the 1920s-1930s] in *Orenburgskij*

kraj. Arhivnye dokumenty. Materialy. Issledovanija. Orenburg, OGPU, vyp. 5, 46-52. (in Russian).

47. Hataevich, M. (1928). *Vazhnejšie zadachi Sredne-Volzhskoj oblastnoj partorganizacii* [The most important tasks of the Middle Volga regional party organization.] in *Sredne-Volzhskaja oblast'. Sbornik materialov k 1-j Oblastnoj Konferencii VKP(b) i 1-mu Oblastnomu S#ezdu Sovetov*. Samara, izdanie Bjuro CK VKP(b) i Organiz. Komiteta Sredne-Volzh. oblasti, 5-11. (in Russian).

48. Hohlov, V. (1963). *400 korrespondencij Muryseva* [400 Correspondences of Murysev] in *Juzhnyj Ural*, 20 aprelja. (in Russian).

49. Shalaeva, N. V. (2015). *Formirovanie obraza sovetskoj vlasti v rossijskom obshhestve v 1917-1920-e gg.: sociokul'turnyj aspekt*. [Formation of the image of Soviet power in Russian society in the 1917-1920s]: (doctoral dissertation abstract). Saratov. (in Russian).

50. Shul'man, M. G. (2004). *Partijno-gosudarstvennaja agitacija i propaganda pervyh let Sovetskoj vlasti: oktjabr' 1917-1920 gg. (Po materialam Kaluzhskoj i Tul'skoj gubernij)* [Party-state agitation and propaganda of the first years of Soviet power: October 1917-1920]: (doctoral dissertation abstract). Kaluga. (in Russian).

51. Sherimet, A. G. (2021). *Formirovanie sistemy ideologičeskogo vozdejstvija v rossijskoj provincii 1920-h gg.: problem i vozmožnosti istočnikovoj bazy* [Formation of the system of ideological influence in the Russian provinces of the 1920s: problems and possibilities of the source base] in *Partijnye arhivy. Problemy i perspektivy razvitija. Materialy VI mezhhregional'noj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-praktičeskoj konferencii*. Ekaterinburg, 207-213. (in Russian).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Китаева И. В.
(Пятигорск)

УДК 008:001.89

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ МОНАСТЫРСКИХ
ПОДВОРИЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ, ОСНОВАННЫХ
В XIX И XX СТОЛЕТИЯХ**

Монастыри, которые были построены в досоветское время, были важнейшими центрами духовной жизни России. Краснодарский край, территория которого при Российской империи называлась Черноморией, а после получила статус административно-территориальной единицы и именовалась Черноморской губернией, развивался благодаря казакам, нуждавшимся в церквях и монастырских обителях. Советский период для России стал временем, когда религия перестала занимать важное место в жизни большинства людей, населяющих страну. Краснодарские монастырские обители были закрыты, их имущество было конфисковано для нужд советского государства. В постсоветское время закрытые монастыри получили возможность возродиться и снова начать свою духовную работу. Помимо этого, в Краснодарском крае стали создаваться новые монастырские обители. В данной статье приводится сравнительно-исторический анализ состояний монастырей Краснодарского края, которые были основаны в досоветское и постсоветское времена.

Ключевые слова: Краснодарский край, Екатерино-Лебяжский Николаевский монастырь, Марие-Магдалинский женский монастырь, мужской монастырь «Крестовая пустынь», Апшеронский женский монастырь иконы Божией Матери «Нерушимая Стена».

The monasteries that were built during pre-Soviet times were the most important centers of Russia spiritual life. The Krasnodar Krai, whose territory during the Russian Empire had been called the Black Sea Region, and then received the status of an administrative-territorial unit and was called the Black Sea Governorate, developed by the Cossacks, who needed churches and monastic cloisters. For Russia, the Soviet period became a time when religion ceased to occupy an important place in the lives of most people, that inhabiting the country. Krasnodar monastic cloisters were closed, their property was confiscated for the needs of the Soviet state. In the post-Soviet era, closed monasteries were given the opportunity to revive and begin their ecclesiastical work again. In addition, new monastic cloisters began to be created in the Krasnodar Territory. This article provides a comparative-historical analysis of the Krasnodar Territory monasteries' condition, which were founded in pre-Soviet and post-Soviet times.

Keywords: Krasnodar Territory, the Yekaterino-Lebyazhsky Nikolaevsky Monastery, the Mary Magdalinsky Nunnery, the male Monastery «Cross Hermitage», Apsheronsk Nunnery of the Icon of the Mother of God «Unbreakable Wall».

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3-102-110

С идеалистической точки зрения «духовность страны» напрямую связана с населяющим её территорию народом, несущим в себе некий стержень, который словно маяк, прорезающий светлым лучом мрак ночи, ориентирует людские потоки жителей этой страны в море событий, крушащих и топящих всё в пучине своих вод или подталкивающих это «всё» на своих волнах к тихой и безмятежной

гавани. В этой парадигме храмы или целые храмовые ансамбли представляют по своей сути объекты, в стенах которых эта духовность возвращается для последующего её распространения среди широких масс, считающих себя верующими и относящими себя к той или иной религии.

Православное храмостроительство в России имеет длинную историю и уходит корнями ещё во времена Крещения Руси. Духовные традиции России непрерывно крепили и развивались, становились всё более и более многогранными, но в XX столетии этим ставшим привычным для российской культуры вероисповедательным традициям пришлось на время уйти в забвение, так как на смену идеалистической парадигме мироощущения жителей России пришла материалистическая модель восприятия мира советских граждан. Сравнительно небольшой период существования Советского Союза стал водоразделом двух временных этапов, в рамках одного из которых (до СССР) метафизическая суть православной веры была закреплена и развита в России, а в рамках другого (после распада СССР) сущность православия как элемента культурно-духовного института страны находится в процессе реставрации и возрождения. Советский Союз боролся не столько с духовностью или с верой в высшие силы, сколько с религиозными институтами, которые противоречили идеологии образованного социалистического государства. Разумеется, в период борьбы с религиозностью пострадали и многие храмовые сооружения, которые не могли получить от советских граждан ни материальной поддержки, ни морально-духовной заинтересованности в необходимости продолжения своего существования. После распада СССР существующие храмовые комплексы, находящиеся в запустении, снова начали функционировать. Кроме того, стали возводиться и новые религиозные объекты. В данной статье предлагается на примере краснодарских храмовых комплексов рассмотреть и сравнить современное положение дел в монастырских подворьях, возникших до СССР, и новых монастырях, которые появились после распада Советского Союза.

В качестве объектов, необходимых для сравнения, возьмём четыре монастыря, а именно: Екатерино-Лебяжский Николаевский монастырь (также Черноморская Николаевская пустынь), Марие-Магдалинский женский монастырь, мужской монастырь «Крестовая пустынь», Апшеронский женский монастырь иконы Божьей Матери «Нерушимая Стена». Первые два из предлагаемых для рассмотрения монастырских подворий были заложены до СССР, ещё в XVIII веке (Екатерино-Лебяжский Николаевский монастырь был основан в 1794 г.) и XIX столетии, а последние два – уже в начале XXI века.

Екатерино-Лебяжский Николаевский монастырь был основан запорожскими казаками на берегу Лебяжьего лимана и «заменил собой для казаков древний Межигорский монастырь... существовавший в продолжении 7 веков, (который) был закрыт в 1786 г., вслед за тем, как уничтожена была Запорожская Сечь» [1]. Межигорский монастырь, находившийся около села Новые Петровцы Вышгородского района Киевской области, сгорел, а затем по приказу императрицы Екатерины II был упразднён в процессе секуляризации церковного имущества. За 7 столетий своего существования Межигорский монастырь превратился в главный казачий войсковой монастырь Запорожья, и поэтому после его упразднения возводившийся «на смену» ему Екатерино-Лебяжский монастырь стал не только новым духовным центром для страждущих, но и приемником казачьих традиций. Строительство Екатерино-Лебяжского монастыря являлось как важным условием для духовной жизни казаков на отвоеванных и заселяемых землях Кубани, так и необходимым условием для хозяйственного освоения данной, присоединённой к Российской империи территории. Стоит отметить также тот факт, что немалое количество пожилых казаков на склоне лет становились монахами, «удаляясь на покой и покаяние» [1, с. 5]. Иными словами, Екатерино-Лебяжский монастырь с самого начала закладывался и как духовный центр, и как стратегически важный хозяйственный объект, находящийся в подчинении российской армии, которая при помощи казачьих воинских формирований охраняла новообразованные границы империи.

С начала своего существования и вплоть до 1920 г., ставший датой закрытия Екатерино-Лебяжского монастыря и появления на её территории недолго просуществовавшей коммуны «Набат», данное воинское монастырское подворье неоднократно подвергалось тяжелым испытаниям, вызванными и голодом (1833 г.), и цингой (1843 г.), и холерой (1847 г.), и даже чумой (1876 г.) [2]. Тем не менее, Екатерино-Лебяжский монастырь, заложенный с согласия императрицы как пустынь (незаселённое людьми территория), выдерживал все эти беды, разрастался и преобразовывался, постепенно перестраивая свои деревянные сооружения с камышовыми крышами для проведения религиозных обрядов в массивные кирпичные монастырские объекты. «В первой трети XIX века пустынь имела около десяти тысяч десятин земли», монастырь владел пашнями, садами, огородами, виноградниками, а также имел «три мельницы, два рыбных завода и мастерские» [3]. Кроме того, хозяйственными видами деятельности, которыми занимались монахи, были пчеловодство, овцеводство и коневодство. Через лиман от Екатерино-Лебяжского монастыря находилась Киновия с построенной на её территории церковью «Во имя Всех Святых», а также небольшие постройки хозяйственного типа и кирпичный заводик.

Во времена Советского Союза на территории закрывшегося монастыря с 1928 г. функционировал птицеводческий совхоз «Лебяжий Остров», который имел собственный «инкубатор, кормокухню, 3 мехмастерские, автогараж, плотницкую мастерскую, водонапорную башню, птичники, а также склады для хранения кормов, яйца и других товароматериальных ценностей» [4]. Кроме того, совхоз выращивал «ячмень, пшеницу, сахарную, кормовую свеклу и люцерну» [4]. Иными словами, после распада СССР на землях закрывшегося Екатерино-Лебяжского монастырского подворья больше не осталось следов от храмового комплекса. Единственным напоминанием о существовавшем ранее на Лебяжем острове монастыре является водонапорная башня, построенная ещё в 1909 г.

В 2011 году началось восстановление Екатерино-Лебяжского монастыря, которое длится и по сей день. В 2018 г. на территории возрождающегося монастыря был заложен храм в честь святителя Николая Чудотворца, строительство которого ведётся уже 4 года. Кроме того, при Екатерино-Лебяжском монастыре строится часовня в честь святителя Спиридона Тримифунтского (строительные работы проходят в 3-х км от поворота с трассы Краснодар-Ейск в сторону монастыря). Учитывая скорость работ по возрождению Екатерино-Лебяжского монастыря, можно отметить, что восстановление подворья ведётся достаточно скромными темпами: за десять лет было лишь начато и до сих пор не закончено строительство православного храма, сама монашеская братия в настоящее время живёт и проводит службы в бывшем здании ДК ЗАО «Лебяжье-Чепигинское».

История Екатерино-Лебяжского монастыря не сильно отличается от истории другого краснодарского монастырского подворья, которое располагалось в XIX – начале XX столетия между станицами Тимашевской и Роговской, а в настоящее время находится непосредственно в станице Роговская. Данный монастырь является женским и назван в честь святой Марии Магдалины. Храмовый комплекс строился в стороне от людских поселений, поэтому считался пустыней. Годом его основания принято считать 22 сентября 1849 г. [5].

Основание Марие-Магдалинского женского монастыря связывают с именами генерал-лейтенанта и исполняющего обязанности наказного атамана Черноморского казачьего войска Григория Антоновича Рапшила и его близкой родственницы Ладанского Полтавского монастыря Митрофании, которые видели необходимость создания женской монастырской обители на территории Черномории (территории будущей Черноморской губернии, просуществовавшей с 1896 г. по 1918 г.), которая была бы первой в своём роде на кубанской земле. Иными словами, Мария-Магдалинский монастырь – это первая на территории современного Краснодарского края (ранее Черномории) войсковая женская обитель.

Изначально для «устроения обители» было отведено место «на реке Керпили между станицами Тимашевской и Роговской, в форме полуострова и с присоединением к нему

участка земли в 171 десятину для хлебопашества, сенокоса и других хозяйственных потреб монастырских»; для монастыря были предоставлены 35 квадратных десятин для рыбной ловли [6, с. 788]. В течении 70 лет после своего основания обитель расширяла своё подворье: внутри неё был построен трёхпрестольный Вознесенский Собор (первый престол освящён во имя Св. Димитрия Ростовского в 1834г.), перевезена деревянная церковь (в 1849 г.) из станицы Старокорсунская, воздвигнут обительный храм (1860 г.) «в честь небесной покровительницы монастыря – Святой Равноапостольной Марии Магдалины, с примыкающим к нему настоятельским корпусом». К 1870 г. в монастырской обители были выстроены уже 22 каменных строений с железными крышами. В 1905 году в финансовом отчёте духовной консистории от 29 августа по состоянию дел в Марие-Магдалинском женском монастыре записано следующее: «Имеет: «500 десятин всей земли, 10 десятин под усадьбой, 30 десятин выгона. Удобной 200 десятин и неудобной 20 десятин. Пахотной 100 десятин, сенокосы 110 десятин; под лесом, рекою и прудом 30 десятин. Один мост, одна гать, почва черноземная. Дополнительная земля в ст. Должанской, Ейском отделении 340 десятин. Число жителей: женского пола 500, детей – 80. 14 корпусов, 5 зданий общественных. 2 церкви деревянные и один собор каменный. Одна школа, отделение Кубанского женского исправительного приюта. Кирпичный завод для собственной надобности, 2 лавки (бакалейная и книжная). 2 странно-приемные гостиницы. Питание экономское: сад, огород, ловля рыбы, все выращенное для монастырских нужд, вода колодезная» [5].

В июне 1920 г. Марие-Магдалинский женский монастырь на время прекратил своё существование: монахини были выселены из келий, а церковная утварь, сельскохозяйственный инвентарь и предметы быта монастыря были уничтожены или разворованы. Большинство монахинь были «взяты на учет и отправлены» на рыбные промыслы в город Петровск-порт (Махачкалу) [7]. На территории обители местными жителями (в количестве 20 семейств) была образована коммуна «Всемирная Дружба», во владение которой, помимо земель, отошли принадлежащие ранее обители «пасака, кирпичный завод и три ветряные мельницы» [8]. Всего в коммуне проживало 203 человека. Некоторое время приходская община села проводила богослужения в Вознесенском соборе, но совет коммуны 9 января 1922 года решил, что для коммунаров будет комфортнее, если в соборе прекратятся религиозные обряды, аргументируя это тем, что богослужения отражаются на «психологии коммунаров», которые «начинают уже посматривать в сторону веры» [7, с. 90].

В 1927 г. коммуна «Всемирная Дружба» была признана одним из лучших хозяйств в РСФСР. Коммуна просуществовала 18 лет и за время своего существования смогла восстановить и приумножить хозяйство бывшего монастыря: коммуна занималась семеноводческим полеводством, огородничеством, животноводством и птицеводством, а также имела мастерские, занимающиеся слесарным, кузнечным, столярным, сапожным, переплетным делами. Коммуна располагала собственным кожзаводом, занималось молочным и кирпичным производством, а на её территории находились «прачечная, столовая, кинотеатр, радиоузел, больница, детсад, школа, клуб» [9]. После расформирования «Всемирной Дружбы» на территории уже бывшей коммуны, а до этого монастырской обители, в 1936 г. был образован колхоз им. Дмитриева. В 90-е гг. прошлого столетия, после распада СССР на территории колхоза им. Дмитриева было образовано ЗАО Семеноводческая агрофирма «Русь» (зарегистрировано 15 сентября 1992 г.).

За время существования Советского Союза храмовый комплекс закрывшегося Марие-Магдалинского монастыря был полностью уничтожен. В связи с тем, что территория разрушенной обители отошла новым владельцам, в частности фермерам, Священный Синод РПЦ принял решение о возрождении монастыря в 7 км от его исторически изначального местоположения – в станице Роговской. В 1997 г. в новоотстраиваемом монастыре начали проводиться службы [10]. На территории нового монастырского подворья размером в три гектара теперь располагаются церковь Марии Магдалины, церковь Покрова Пресвятой Бо-

городицы, келейный корпус, художественная мастерская и трапезная. Кроме того, на территории подворья располагаются фруктовый сад и огород. Церковь Марии Магдалины является домовым храмом, который представляет из себя небольшое шатровое сооружение в один четверик, выполненное из природного камня. Крест церкви установлен на каменном глухом барабане. Храм Покрова Пресвятой Богородицы – это главный храм современного Марие-Магдалинского женского монастыря, являющейся одноэтажным сооружением с колокольней и алтарной частью. Храм имеет 5 главок голубого цвета, стоящие на барабанах. Его колокольня пристроена к основному объёму храма и имеет шатровую крышу зелёного цвета с небольшой маковкой на ней.

И Марие-Магдалинский женский монастырь, и Екатерино-Лебяжский Николаевский монастырь были созданы до Советского Союза, при СССР разрушены, при этом первая из названных обителей была возрождена на новом месте с нуля и имеет немного абстрактное отношение к своему прошлому, а второй храмовый комплекс восстанавливается практически на собственном исторически обоснованном «фундаменте». Иное положение дел наблюдается в новых монастырях Краснодарского края, созданных уже в XXI столетии.

Мужской монастырь «Крестовая пустынь» был заложен 7 марта 2000 г. на территории посёлка Нижний Солохаул в верховьях р. Шахе недалеко от г. Сочи. По дороге в монастырь построена в неовизантийском стиле часовня во имя Хиландарской иконы Божией Матери «Троеручица», которая находится в монастыре «Крестовая пустынь». По задумке сочинского архитектора Бориса Бабакова «Крестовая пустынь» выполнена в стиле афонских монастырей. «На Афоне такой монастырь называется «келией», в котором объединены храм в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня, братские келии и трапезная» [11]. Второй этаж монастыря имеет домовую церковь, названную по имени Святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Монастырская обитель выполняет не только религиозные функции, которые, разумеется, являются основными, но и также несёт в себе межкультурные смыслы, так как олицетворяет собой «сербско-русское духовное единение и дружбу». Об этом прихожанам напоминают мраморные плиты, заложенные в колонны храм обители, на которых высечены надписи на русском и сербском языках. Сам же храмовый комплекс монастыря был выстроен сербской строительной фирмой «Путеви», которая не только занималась созданием обители, но и жертвовала средства для «Крестовой пустыни». На территории монастыря расположен святой источник, названный в честь великомученика и целителя Пантелеймона. Источник оборудован двумя купелями, рядом есть раздевалка. И монастырь «Крестовая пустынь», и его святой источник визуально не выбиваются из общего естественного пейзажа: забор вокруг монастыря, дорожки до источника, купели выложены из природного камня; сам же монастырь выполнен в теплых оранжевых тонах, его крыша имеет покрытие из красно-коричневой металлочерепицы, а колокольня, имеющая золотые маковку и крест на ней, имеет шатровую крышу чёрного цвета.

Другой монастырь, построенный в нашем веке на территории Краснодарского края, находится в г. Апшеронск и назван в честь иконы Божьей Матери «Нерушимая Стена». Монастырь был основан в 2002 г. решением Священного Синода Русской Православной Церкви. В том же году был заложен первый храм монастырской обители – церковь Ильи Пророка, которая в 2004 г. была освящена. На сегодняшний день это кирпичное двухэтажное, четырёхугольное сооружение с завершённым круглым световым барабаном, который покрыт шлемовидным красным куполом. С западной стороны здание соединено с сестринским корпусом, а с его южной стороны имеются надвратные башни [12]. В 2006 г. в обители был заложен первый камень будущего собора Иконы Божьей Матери Нерушимая Стена, строительство которого было полностью завершено в 2014 г. освящением небольшого придела во имя Николая Чудотворца. Собор является трёхпрестольным, трёхапсидным двухэтажным зданием с одной главой, которая стоит на «высоком четверике с трёхчастным завершением – восьмерик на восьмерике» [13]. Фасад белоснежного собора украшен упро-

щёнными наличниками, полукруглыми сандриками, лопатками и уступчатыми карнизами. Рядом с собором возведена отдельно стоящая колокольня, имеющая высоту 39 метров.

Помимо собора и церкви на территории монастыря построены две часовни: одна названа в честь иконы Божьей Матери «Живоносный Источник», вторая – в честь священномученика Исидора Юрьевского. Обе часовни построены в 2010 г. Часовня Иконы Божьей Матери «Живоносный Источник» является надкладезным каменным сооружением, имеющим со всех четырёх сторон фрески с изображением Богородицы. Часовня расположена в центре обители. Часовня Исидора Юрьевского является сооружением с шатровым завершением. Она построена над вторыми грузовыми воротами в монастырскую обитель. На её фасаде располагается фреска с изображением Святой Троицы в виде стоящих Ангелов.

На территории монастыря Иконы Божьей Матери «Нерушимая Стена» также расположен детский приют, к зданию которого пристроена домовая Марфо-Мариинская церковь с детским клиросом.

В настоящее время все проекты, задуманные на территории монастыря Иконы Божьей Матери «Нерушимая Стена» воплощены в жизнь. Монастырь окружён белокаменными стенами, а его подворье украшено высаженными вдоль внутренних дорожек, вымощенных плиткой, и тропинок обители цветниками и деревьями, среди которых в большинстве своём – это берёзы и ели.

Мужской монастырь «Крестовая пустынь» и женский монастырь Иконы Божьей Матери «Нерушимая Стена» – это показательные примеры того, насколько успешно и быстро строятся новые монастырские обители в современной России, в которой больше не проводится советская антирелигиозная политика. По своим территориальным масштабам приведённые в качестве примеров краснодарские монастырские подворья, появившиеся в XXI столетии, уступают земельным владениям монастырских обителей, строившимся при Российской империи. Тем не менее, восстанавливаемые монастыри, разрушенные в советскую эпоху, не могут более похвастаться своими обширными землевладениями или прочим имуществом в виде мастерских и фабрик, находящихся под их управлением. Екатерино-Лебяжский мужской монастырь в отличие от нововозведённых монастырских храмовых комплексов Краснодарского края до сих пор не отстроил на своей территории храм для богослужений, а Марие-Магдалинский женский монастырь был восстановлен за счёт того, что его пришлось перенести на другое место, и поэтому он с формальной точки зрения является не восстановленным монастырём, а новым, но с названием, унаследованным от прежней обители. Таким образом, выходит, что Марие-Магдалинский женский монастырь не сильно отличается по своей сути от женского монастыря Иконы Божьей Матери «Нерушимая Стена», так как их архитектурные ансамбли являются современниками друг друга.

В качестве результата проведённого в данной статье сравнительного анализа монастырей Краснодарского края, стоит обратить внимание на ряд выявленных фактов, а именно:

1) существующие монастыри, как и в дореволюционную эпоху России, занимают важное место в жизни верующих, и данный тезис подтверждается тем, что монастырские обители досоветского времени восстанавливаются, а новые монастырские подворья открываются и развиваются;

2) процессы восстановления и развития монастырских храмовых комплексов досоветского времени и процесс развития новых монастырских подворий постсоветского времени в Краснодарском крае на сегодняшний день отличаются тем, что новые монастыри более успешно и в более скором темпе выполняют проектные задачи по сооружению на своих территориях ансамблей из соборов, церквей, часовен и прочих религиозных сооружений.

Советский период времени разделил религиозно-обрядовую жизнь России на два временных этапа, подорвав материальное существование храмовых комплексов с помощью

пропаганды среди советского населения материалистического мировоззрения, стоящего в оппозиции к идеалистическому восприятию действительности. В настоящее время процесс реставрации религии, как социального института страны, идёт полным ходом, и монастырские обители, как новые, так и старые, развиваются по мере того, насколько они необходимы для тех, кто в них нуждается.

Список источников и литературы

1. Филарет (Гумилевский, Д. Г.). (1856). *Черноморская Николаевская пустынь при Лебяжьем лимане*. Изд.: Рус. библиогр. словарь Фабер-Цявловский, с. 81.
2. Русская православная церковь (Московский патриархат). Кубанская митрополия. Официальный сайт Ейской епархии // Екатерино-Лебяжская пустынь. История монастыря. URL: <http://old.eisk-eparh.ru/blagochiniya/ekaterino-lebyazhskaya-nikolaevskaya-pustyn/istoriya-monastyrya.html> (дата обращения 29.09.2021).
3. Монастырский Вестник. Синодальный отдел по монастырям и монашеству Русской православной церкви // Екатерино-Лебяжский Николаевский мужской монастырь, п. Лебяжий Остров. URL: <https://monasterium.ru/monastyri/monastery/ekaterino-lebyazhskiy-nikolaevskiy-muzhskoy-monastyr-p-lebyazhiy-ostrov/> (дата обращения 29.09.2021).
4. Архивный путеводитель. Фонд № Р-13. Птицесовхоз "Лебяжий Остров" Брюховецкого района. 1943-1988 гг. URL: <https://alertino.com/ru/337993> (дата обращения 28.09.2021).
5. Марие-Магдалинский женский монастырь // Летопись монастыря. URL: http://mironositsa.ru/letopis_monastyrya (дата обращения 28.09.2021).
6. Крыжановский, П. Н. (1902). *Исторический Очерк женской во имя св. Марии Магдалины иноческой за 50 летъ ея существованія пустыни—съ 21 сентября 1849 по 21 сентября 1899 г.г.* // Ставропольские епархиальные ведомости. № 13. С. 786-808.
7. Кияшко, Н. В. (2019). «Прикрываясь различными каноническими правилами, производят демонстративные поминовения Патриарха»: советская власть и православные монастыри на Юге РСФСР // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Выпуск VII: Материалы Межрегиональной научной конференции. С. 87-95.
8. Дюран, Доминик. (2010). *Коммунизм своими руками. Образ аграрных коммун в Советской России*. Изд.: Европейский университет в Санкт-Петербурге. С. 44.
9. Сайт общественно-политической газеты Тимашевского района Краснодарского края ЗНАМЯ ТРУДА // Сто лет с любовью к родной земле. Днепровское сельское поселение. URL: <https://zttim.ru/articles/11092/> (дата обращения 30.09.2021).
10. Кубанская Митрополия. Екатериноградская и Кубанская Епархия. Русская Православная Церковь (Московский Патриархат) // 170-летие Марие-Магдалинского монастыря. URL: <https://mitropoliakuban.ru/170-letie-marie-magdalinskogo-monastyrja/> (дата обращения 30.09.2021).
11. Мужской монастырь "Крестовая Пустынь", поселок Солох-Аул. Официальный сайт монастыря // О монастыре. URL: <http://krestovayapustin.cerkov.ru/> (дата обращения 30.09.2021).
12. Святцы.орг // Ильинская церковь - Церковь Илии Пророка в Апшеронском монастыре Иконы Божией Матери Нерушимая Стена, Апшеронск. URL: https://svyatsy.org/churches/krasnodarskiy_kray/apsheronkiy_rayon/apsheronsk/cerkov_iliy_proroka_v_apsheronskom_monastyre_ikony_bozhiy_materi_nerushimaya_stena/ (дата обращения 30.09.2021).
13. Храмы России // Собор Иконы Божией Матери Нерушимая Стена в Апшеронском монастыре Иконы Божией Матери Нерушимая Стена. URL: <http://temples.ru/card.php?ID=22973> (дата обращения 30.09.2021).

References

1. Filaret (Gumilevskij, D. G.). (1856). *Chernomorskaya Nikolaevskaya pustyn' pri Lebyazh'em limane*. [Chernomorskaya Nikolaevskaya hermitage at the Lebyazhy estuary]. Izd. Rus. bibliogr. slovar' Faber-Cyavlovskij, 81. (in Russian).
2. Russkaya pravoslavnaya cerkov' (Moskovskij patriarhat). Kubanskaya mitropoliya. Oficial'nyj sajt Ejskoj eparhii [The Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate). The Kuban Metropolia. The official website of the Yeisk Diocese] in Ekaterino-Lebyazhskaya pustyn'. Istoriya monastyrya. URL: <http://old.eisk-eparh.ru/blagochiniya/ekaterino-lebyazhskaya-nikolaevskaya-pustyn/istoriya-monastyrya.html> (date accessed 29.09.2021). (in Russian).
3. Monastyrskij Vestnik. Sinodal'nyj otdel po monastyryam i monashestvu Russkoj pravoslavnoj cerkvi [Monastic Bulletin. Synodal Department for Monasteries and Monasticism of the Russian Orthodox Church] in Ekaterino-Lebyazhskij Nikolaevskij muzhskoj monastyr', p. Lebyazhij Ostrov. URL: <https://monasterium.ru/monastyri/monastery/ekaterino-lebyazhskiy-nikolaevskiy-muzhskoy-monastyr-p-lebyazhiy-ostrov/> (date accessed 29.09.2021). (in Russian).
4. Arhivnyj putevoditel'. Fond № R-13. Pticesovhoz "Lebyazhij Ostrov" Bryuhoveckogo rajona. 1943-1988 gg. [Archival guide. Fund number R-13. The Lebyazhy Ostrov poultry farm of the Bryukhovets district. 1943-1988]. URL: <https://alertino.com/ru/337993> (date accessed 28.09.2021). (in Russian).
5. Marie-Magdalinskij zhenskij monastyr' [Mary Magdalene Convent] in Letopis' monastyrya [Chronicle of the monastery]. URL: http://mironositsa.ru/letopis_monastyrya (date accessed 28.09.2021). (in Russian).
6. Kryzhanovskij, P. N. (1902). *Istoricheskij Oчерk" zhenskoj vo imya sv. Marii Magdaliny inocheskoj za 50 let" eja sushchestvovaniya pustynis" 21 sentyabrya 1849 po 21 sentyabrya 1899 gg.* [Historical article about the Mary Magdalinsky Nunnery for 50 years of the hermitage existence — from September 21, 1849 to September 21, 1899] in Stavropol'skie eparhial'nye ведомosti, 13, 786-808. (in Russian).
7. Kiyashko, N. V. (2019). «*Prikryvayas' razlichnymi kanonicheskimi pravilami, proivodyat demonstrativnye pominoveniya Patriarha*»: sovetskaya vlast' i pravoslavnye monastyri na yuge RSFSR ["Under the guise of various canonical rules, they make demonstrative commemorations of the Patriarch": Soviet power and Orthodox monasteries in the South of the RSFSR] in Otradnenskie istoriko-kraevedcheskie chteniya, vypusk VII: Materialy Mezhhregional'noj nauchnoj konferencii, 87-95. (in Russian).
8. Dyuran, Dominik. (2010). *Kommunizm svoimi rukami. Obraz agrarnyh kommun v Sovetskoj Rossii*. [To make communism with your own hands. The image of agricultural communes in Soviet Russia.]. Izd.: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. (in Russian).
9. Cajt obshchestvenno-politicheskoj gazety Timashevskogo rajona Krasnodarskogo kraja ZNAMYA TRUDA [Website of the socio-political newspaper of the Timashevsky district of Krasnodar Krai BANNER OF LABOR] in Sto let s lyubov'yu k rodnoj zemle. Dneprovskoe sel'skoe poselenie. URL: <https://zttim.ru/articles/11092/> (date accessed 30.09.2021). (in Russian).
10. Kubanskaya Mitropoliya. Ekaterinogradskaya i Kubanskaya Eparhiya. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' (Moskovskij Patriarhat) [The Kuban Metropolia. Ekaterinodar and Kuban Diocese. Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)] in 170-letie Marie-Magdalinskogo monastyrya. URL: <https://mitropoliakuban.ru/170-letie-marie-magdalinskogo-monastyrja/> (date accessed 30.09.2021). (in Russian).
11. Muzhskoj monastyr' "Krestovaya Pustyn'", poselok Soloh-Aul. Oficial'nyj sajt monastyrya [The monastery "Krestovaya Pustyn", the village of Solokh-Aul. The official website of the monastery] in O monastyre. URL: <http://krestovayapustin.cerkov.ru/> (date accessed 30.09.2021). (in Russian).

12. Svyatcy.org in Il'inskaya cerkov' - Cerkov' Ilii Proroka v Apsheronском монастыре Иконы Божией Матери Nerushimaya Stena, Apsheronск. URL: https://svyatsy.org/churches/krasnodarskiy_kray/apsheronский_rayon/apsheronск/cerkov_илиi_proroka_v_apsheronском_monastyre_иконы_божией_матери_nerushimaya_stena/ (date accessed 30.09.2021). (in Russian).

13. Храмы России [Temples of Russia] in Sobor Иконы Божией Матери Nerushimaya Stena v Apsheronском монастыре Иконы Божией Матери Nerushimaya Stena. URL: <http://temples.ru/card.php?ID=22973> (date accessed 30.09.2021). (in Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

*Жиров Н. А.,
Ляпин Д. А.,
Логунова Н. В.
(Елец)*

**ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
НОВЫЕ МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ¹**

Методика анализа социально-демографических процессов и изучение данных о населении имеет определяющее значение для анализа закономерностей историко-демографических процессов, происходящих на территории отдельного региона. Исследование социально-экономических и демографических процессов на локальном уровне в широких хронологических рамках является перспективным направлением современной исторической науки. Смещение исследовательских акцентов с фиксации фактического состояния процессов в определенное время в пользу изучения их исторической эволюции на протяжении длительного хронологического отрезка может помочь научному сообществу по-новому взглянуть как на малоизученные, так и на хорошо известные факты. На наш взгляд, перспективным предметом исследования социально-демографических процессов может быть регион Центрального Черноземья России.

Современный Центрально-Черноземный район включает в себя пять областей: Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую. В настоящий момент — это самостоятельный экономический регион с развитой промышленностью и сельским хозяйством. Демографическая история этого региона в отдельности может представлять большой интерес, поскольку он прошел большой путь от «дикого поля» и степной окраины страны к развитому экономическому кластеру с крупнейшими промышленными предприятиями Европы и с территорией, занятой в сельском хозяйстве на 90%. Этот путь был проделан приблизительно за 350 лет. Это была зона интенсивного хозяйственного освоения целинных земель южного пограничья. Развитие этой территории и рост населения, в том числе экономически активного, связаны с появлением общинного землепользования, основанного на принципах совместной обработки земли мелкопоместными дворянами и служилым населением, ставшим позднее однодворцами. На протяжении всего XVII в. этот принцип не менялся, но с наступлением петровской эпохи преобразований начинается активная модернизация аграрных отношений, заключавшаяся, в том числе в закреплении сельского населения и подчинения землевладельцев интересам государства. В XVIII-XIX вв. происходит интенсивное освоение пространства Центрального Черноземья, сопровождавшееся резким увеличением численности населения. К середине XIX в. территория Центрального Черноземья была полностью освоена, а дальнейший рост сельского населения при сохранении старых форм обработки земли вел к аграрному перенаселению и экологическому кризису (изменению ландшафтной среды). Начало XX в. поставило перед страной необходимость технической модернизации сельского хозяйства региона, но начавшееся в этом направлении движение было прервано экономическим и политическим кризисом, обернувшимся гибелью Российской империи и формированием государства на новых политических принципах.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина"

Территория Центрального Черноземья уникальна, так как ее формирование шло в логике развития пограничной или фронтальной зоны. Местное население было представлено выходцами из коренной Московской Руси (военно-служилые люди, великорусские пахари, посадское население старорусских городов), а также казачеством и сельскими обывателями из Левобережной Украины. Смешение традиций, языка, принципов самоорганизации легли в основу южного варианта великорусской культуры, заметные черты которой сохраняются и продолжают работать на укрепление русской национальной идентичности и в наше время. Изучение истории данного региона является, по сути, выявлением закономерностей процесса модернизации аграрного общества и специфики становления индустриальной цивилизации.

В России общие представления о демографических процессах в Российской империи XVIII – начала XX вв. наиболее основательно представлены в работах Б. Н. Миронова ("Социальная история Российской империи..." и др.), при этом его выводы остаются дискуссионными. Интересна работа С. Д. Морозова ("Центральная Россия в 1897-1917 гг.: Проблемы демографического развития") и др.

Стоит отметить, что аналогичные историко-демографические работы на региональном уровне ведутся учеными в различных научных центрах и вузах Санкт-Петербурга, Ярославля, Петрозаводска, Барнаула и т. д. Исследование Центрально-Черноземного региона с середины 1990-х г. проводится тамбовскими историками В. В. Канищевым, В. Л. Дьячковым и другими. Стоит особенно отметить опыт их сотрудничества с крупными зарубежными учеными-демографами из Нидерландов и США (например, С. Хоком). Совместная работа благотворно отразилась на развитии методики исследования в области исторической демографии, что способствовало изучению демографических процессов в сельской местности Тамбовской губернии в имперский период. Итогом сотрудничества зарубежных и отечественных историков гг. Тамбова, Ярославля, Курска и Тулы стали российско-американский проект по демографии крестьянства России XVIII – начала XX вв., проект «Социально-демографическая история Российской провинции в XIX – начале XX в.».

Историко-демографическое изучение сельского населения Центрального Черноземья в XVII-начале XX вв., конечно, должно осуществляться в контексте «больших демографических циклов». В настоящий момент структурно-демографическая теория является одной из самых актуальных обсуждаемых в мировой научной практике. Начиная с разработок Ф. Броделя, нашедших свое отражение в его знаменитой книге «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках» (1979), ведутся дискуссии по поводу возможности отражения демографических циклов на конкретных исторических событиях. Благодаря работам ученика Ф. Броделя Э. Леруа Ладури влияние «приливов» и «отливов», как «вековых циклов» цивилизации, связь социально-политических событий (войн, революций, экспансий) с ростом населения отдельной страны считается доказанной. Тема цикличности демографических и экономических процессов в Европе нашла подробное отражение в трудах М. Постана, Б. Сливера ван Бата, Р. Мунье, К. Чиппола, Д. Гласса и Д. Эверслея и других авторов (Postan M. M. *The medieval economy and society: an economic history of Britain, 1100-1500*. Berkley; Los Angeles, 1972; Cippolla C. M. *Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000-1700*. L., 1976). Затем был получен ценный опыт для анализа процессов происходящих в Османской империи (Inalcik H. *The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600 // An economic and social history of Ottoman Empire. 1300-1913*. Cambridge, 1993), а также в 2000-е годы в России (Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007). В 2010 г. С. А. Нефедов стал автором обстоятельной статьи, посвященной особенностям аграрного развития Российского государства в контексте демографически-структурной теории (Нефедов С. А. Особенности истории российского аграрного общества в контексте демографически-структурной теории // Вестник ТГУ, выпуск 12 (92), 2010. С. 230-241). В работе была показана тесная зависимость социально-политического

развития страны и проводимой властями модернизации от демографических «приливов» и «отливов». В контексте научных данных мы выстраиваем общий план реализации проекта, рассматривая историю сельских поселений через призму «вековых циклов».

Таким образом, на данный момент есть крупные историко-демографические исследования на макроуровне (область, республика, губерния), но работ в рамках изучения локальных территорий на микроуровне (отдельных населенных пунктов или исторически связанных сети поселений, например, православных приходов) в этом направлении все еще недостаточно.

Стоит отметить, что нужно обращаться не только к традиционным методам отечественной школы исторической демографии (Л. В. Милов, Е. Н. Швейковская, Я. Е. Водарский, С. Д. Морозов, В. М. Кабузан), но и к научному арсеналу новой локальной истории.

Комплексный методологический подход заставляет нас обратиться также к новой локальной истории – популярного сегодня направления развития исторического знания. Предметное поле новой локальной истории находится в пост-неклассической исторической науке, где изучаются локальные объекты не в традиционных границах, заранее заданных территориальными рамками, а выявляются отдельные социокультурные локусы и конструируется историческое целое на основе принципов компаративистики. Данное направление получило свое развитие в британской исторической науке несколько десятилетий назад и сегодня развивается довольно успешно в США и Австралии (Frank Bongiorno «From Local History to the History of Place: A Brief History of Local History in Australia» https://www.academia.edu/7944534/From_Local_History_to_the_History_of_Place_A_Brief_History_of_Local_History_in_Australia).

Новая локальная история, как проблемное поле актуального исторического знания, пользуется вниманием российского научного сообщества на протяжении последних десятилетий (см. работы Л. П. Репиной, М. Ф. Румянцевой, Т. А. Булыгиной, С. И. Маловичко), однако исследования в этом направлении имеют теоретический характер. Данное направление связано с изучением локальных объектов не в традиционных территориальных границах, а в особых социокультурных рамках. Необходимость практических разработок в данном научном поле давно назрела и на наш взгляд перспективным направлением для работы здесь может стать аграрно-демографическая проблематика черноземного региона.

Принципиально важно не просто зафиксировать отражение вековых демографических циклов в истории черноземного региона, но увидеть Человека в меняющихся природных и социокультурных условиях на протяжении большого периода времени. Каждое государство на своем историческом пути переживает периоды демографических циклов «приливов» и «отливов», и каждый раз перед обществом возникают «вызовы», преодоление которых связано с самой сутью работы сложившегося государственного механизма. Российское аграрное общество в крайние демографические периоды было вынуждено вырабатывать свои способы интегративной деятельности, связанные со сложившейся системой взаимодействия власти и общества, принятыми формами поведения, менталитетом, опытом предшествующего развития социума.

Актуальность решения обозначенной проблемы заключается и в новизне предлагаемого подхода, связанного с новым восприятием историко-демографического анализа прошлого. Использование методологических приемов и принципов новой локальной истории в контексте социально-демографического развития территории за продолжительный период времени должно вывести на новый уровень осмысления прошлого. На примере конкретных локальных поселений мы можем наглядно наблюдать менталитет и самосознание населения, слаженность действий власти и «миров» – как специфическую особенность механизма функционирования российской государственности в целом.

Шапиро Б. Л.
(Москва)

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: КАКОЙ ОН?

Предметный мир представляет собой фундамент мировой культуры. Подход к изучению разнообразия мировых культур через опосредование материальной культуры не нов. Из наиболее интересных и перспективных исследований последних лет, поддерживающих эту идею, можно назвать труды специалистов Британского музея [17; 29; 30]. Здесь история человечества, взятая в максимально возможном диапазоне – от Олдувайского периода до современности – показана через раскрытие специфики предметов, которые оно оставило после себя.

При таком подходе материальная культура выступает как атрибутивная черта истории: в ее силах существенно дополнить историю общества, историю его культурных и идеологических особенностей, включая национально-культурную идентичность. Материальная культура наглядно рассказывает об отношениях между обществом, людьми и их окружающим их вещным миром – о его создании, бытовании, сохранении и интерпретации в прочной связи с конкретными культурными и историческими контекстами. Другими, словами, предметный мир культуры показывает, как социокультурные отношения могут быть воплощены в материальном.

Так мы подошли к главной идее изучения истории материальной культуры, которая представляется как максимально возможное раскрытие ее исторической уникальности, ее своеобразия. Несомненно, в таком случае *история материальной культуры* может быть представлена как с исторической, так и с культурологической методологии познания.

И в том, и в другом случае изложение (в идеальном его варианте) будет представлять своего рода многоуровневый и многомерный гипертекст в виде сложной системы, состоящей из более простых текстов. В первом случае во главе исследования ожидается прежде всего скрупулезное представление фактографии, когда, выражаясь словами известного историка и историографа Ю. А. Тихонова, много занимавшегося историей русской материальной культуры и быта, «вещи как бы говорят за себя и не требуют комментариев» [26, с. 57]). Культурологическое осмысление вопроса представляет его с несколько иной стороны, поскольку именно культурология занимается не столько фактографией истории и истории культуры, сколько ее контекстами, и «более того, можно, пожалуй, заявить, что культурология – это наука, изучающая именно контексты культуры и те смыслы, которые обретают различные тексты, будучи включенными в тот или иной ценностно-смысловой контекст» [14, с. 146]. Наиболее перспективным сегодня представляется вариант, совмещающий оба подхода. Тогда во главу ставится концептуально-проблемный базис (не «история-повествование», а «история-проблема»), а ключевые объекты материальной культуры, как и окружающие их события и даты присутствуют в качестве иллюстраций, подтверждающих основную мысль.

Интерес к истории материальной культуры возник не сегодня: он прослеживается как минимум более полутора столетий. Начальный период ее историографии связывают с все возрастающим интересом к первобытной и древним культурам. В России первая литература такого рода появилась в последней четверти XIX – начале XX вв., это были русскоязычные переводы трудов немецких ученых [10; 11; 28].

В советское и постсоветское время оформились, развились и продолжают свое развитие новые направления – в виде истории материальной культуры отдельных проблем [9] и, что более чем логично, истории русской и советской материальной культуры [8; 12; 13; 22; 23; 24 и др.]. Появляются первые хрестоматии по истории материальной культуры [27].

В 1960-1990-е гг. – время «культурного поворота» в исторической науке – наблюдается заметный рост интереса к материальной культуре, как за рубежом (так, в 1996 г. начал издаваться научный журнал «Journal of Material Culture»), так и в России. Она обретает все большую самостоятельность. Появляется отечественная вузовская книга по проблеме [7; 18], чья востребованность убедительно доказана многократными переизданиями [2; 3; 4; 5; 6; 19; 20; 21].

Однако наука и сейчас не стоит на месте. Непрерывно изучаются материальные остатки различных культур далекого и недавнего прошлого, вводятся в научный оборот результаты новейших открытий, ищутся и разрабатываются новые эмпирически-прикладные приемы, процедуры и инструменты исследования, новые методологические подходы.

Актуальность создания *современного* вузовского учебника по истории материальной культуры (особенно в контексте «материального поворота» последнего времени) определяется ценностью для отечественной и мировой культуры ее материального наследия. Она очевидна. Каким же он должен быть?

Концептуальные основы проектирования такого учебника представляются следующими.

Во-первых, главными задачами работы с объектами материальной культуры должно стать вовлечение в учебный процесс новых, ранее не использовавшихся источников и повышение информативной отдачи источников уже известных, для чего необходимо раскрыть специфику их аксиологической и коммуникативной функций, а также показать взаимосвязь форм материальной культуры в контексте общих законов развития материального мира.

Во-вторых, при работе над основным текстом базовые методы исторического и культурологического познания необходимо обогатить избранными методами смежных гуманитарных дисциплин – антропологии, социологии, истории искусства (в особенности, декоративно-прикладного искусства) и др. А также методами узкопрофильных отраслей, таких как египтология, антиковедение, византистика, медиевистика и т.д.

В-третьих, основной текст нуждается в дополнении дидактическим материалом, облегчающим изучение материала. Это могут быть контрольные вопросы и тесты различного уровня сложности (как репродуктивные, так и творческие, нацеленные на самостоятельное осмысление прочитанного), обучающие задания, методические рекомендации по работе с источниками и научной литературой, иллюстративный, биографический и хрестоматийный материал, справочный аппарат, а также прочее оснащение, необходимое для самоконтроля и самоподготовки – что, собственно, и делает учебник учебником. Очевидно, обогатят издание и рекомендации по дальнейшему изучению дисциплины, краткие обзоры специальной литературы для самостоятельного чтения.

В-четвертых, принятие вышесказанного не должно повлечь за собой экстенсивное увеличение фактологического охвата [1, с. 302], влекущее за собой и увеличение объема учебника. Для этого при построении концепции основное внимание должно быть распределено между теоретико-методологическим и инструментально-аналитическим составляющими, позволяющими эффективно решить проблемы фильтрации большого потока информации.

В-пятых, процесс должен быть ориентирован на конечный результат – подготовку профессионалов, владеющих методологией изучения и интерпретации истории материальной культуры на современном научном уровне, способных и к научной, и к практической работе с самым широким спектром объектов материальной культуры.

И последнее (но далеко не последнее по смыслу). Текст такого учебника должен строиться в диалоговом режиме с читателем, а суммирующим результатом работы должен стать совместный поиск ответа на вопрос, сформулированный более столетия назад историком П. К. Степановым: «Какую культуру дали нам древние обитатели нашей страны... и какое отношение мы, современные обитатели, имеем к этой культуре?» [25, с. 3]. При таком

подходе [15, с. 109-110; 16, с. 45-46] учебник органично становится составляющей частью одноименного авторского лекционного курса.

Список источников и литературы

1. Безбородов, А. Б., Корчинский, А. В., Павленко, О. В., Шкаренков, П. П. (2017). *Культурная история как основа исторического образования гуманитариев* // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. № 4/2. С. 300-305.
2. Беловинский, Л. В. (2003). *История русской материальной культуры*. Москва: Вузовская книга. 423 с.
3. Беловинский, Л. В. (2012). *История русской материальной культуры*. 2-е изд. Москва: Вузовская книга. 423 с.
4. Беловинский, Л. В. (2015). *История русской материальной культуры. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Музейное дело и охрана памятников», направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» и слушателям курсов повышения квалификации и переподготовки музейных работников*. Москва: Форум. 512 с.
5. Беловинский, Л. В. (2018). *История русской материальной культуры: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Музейное дело и охрана памятников», направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» и слушателям курсов повышения квалификации и переподготовки музейных работников*. 2-е изд. Москва: Форум. 512 с.
6. Беловинский, Л. В. (2020). *История русской материальной культуры: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Музейное дело и охрана памятников», направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» и слушателям курсов повышения квалификации и переподготовки музейных работников*. 3-е изд. Москва: Форум. 512 с.
7. Беловинский, Л. В. (1995). *История русской материальной культуры: учебное пособие для студентов вузов специальности «Музейное дело и охрана памятников»*. Ч. I. Москва: Издательство МГУК. 112 с.
8. Беловинский, Л. В. (2012). *История советской материальной культуры. Учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Музейное дело и охрана памятников» и «Музеология»*. Москва: МГИК. 314 с.
9. Браудо, Е. М. (1924). *Основы материальной культуры в музыке*. Москва: Новая Москва. 170 с.
10. Вейс, Г. (1873-1879). *Внешний быт народов с древнейших до наших времен*. В 3 т., 6 ч. Москва: Тип. Солдатенкова. 388 с.; 504 с.; 249 с.; 430 с.; 343 с.; 450 с.
11. Готтенрот, Ф. (1911). *История внешней культуры. Одежда, домашняя утварь, полевые и военные орудия народов древних и новых времен: в 2 т.* СПб.: М. О. Вольф. 224; 240 с.
12. Готье, Ю. В. (1925). *Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Т. I*. Ленинград: Брокгауз-Ефрон. 271 с.
13. *История культуры Древней Руси. Т. 1. Домонгольский период: материальная Культура*. Москва: АН СССР, 1951. 484 с.
14. Кондаков, И. В. (2008). *Культурология как наука* // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. № 1 (19). С. 141-149.
15. Лурье, Л. И. (2011). *Может ли учебник стать захватывающим чтением* // Образование и наука. № 6 (85). С. 100-111.
16. Лурье, Л. И. (2013). *Может ли учебник стать захватывающим чтением?* // Инновационные проекты и программы в образовании. № 2. С. 42-46.

17. Макгрегор, Н. (2012). *История мира в 100 предметах*. Москва: Эксмо. 800 с.
18. Марков, Г. Е. (1979). *История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. Учебное пособие для студентов исторических специальностей высших учебных заведений*. Москва: МГУ. 304 с.
19. Марков, Г. Е. (2010). *История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. Учебное пособие для студентов исторических специальностей высших учебных заведений. 2-е изд.* Москва: URSS. 304 с.
20. Марков, Г. Е. (2012). *История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. Учебное пособие для студентов исторических специальностей высших учебных заведений. 3-е изд.* Москва: URSS, 2012. 304 с.
21. Марков, Г. Е. (2022). *История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. Учебное пособие для студентов исторических специальностей высших учебных заведений. 4-е изд.* Москва: URSS. 2022. 304 с.
22. *Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. Материальная культура (1977)*. Москва: Изд-во МГУ. 386 с.
23. *Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. Материальная культура (1979)*. Государственный строй. Москва: Изд-во МГУ. 352 с.
24. Рабинович, М. Г. (1988). *Очерки материальной культуры русского феодального города*. Москва: Наука. 312 с.
25. Степанов, П. К. *История русской одежды*. Петроград: Тип. Министерства внутренних дел, 1915. 38 с.
26. Тихонов, Ю. А. (2011). *Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.)*. Москва: Кучково поле, 2011. 400 с.
27. *Хрестоматия по истории материальной культуры (1924)*. Ленинград: Госиздат. 335 с.
28. Шурц, Г. (1896). *Материальная культура* // Шурц Г. *История первобытной культуры*. СПб., Т-во «Просвещение». С. 294-474.
29. Hannan, L., Longair, S. (2017). *History through material culture*. Bloomington: Indiana University Press. 200 p.
30. Macgregor, N. (2010). *A History of the World in 100 Objects*. London: Penguin Books. 736 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия, karina-best21@mail.ru

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия, bul.tamara2011@yandex.ru

Гайденко Павел Иванович – доктор, профессор Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия, prof.gaydenko@rambler.ru

Жиров Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, zhirov-nikolai@mail.ru

Китаева Ирина Владимировна – доцент Северо-Кавказского Федерального университета, Пятигорск, Россия, kiv-diz2012@yandex.ru

Литвиненко Павел Валерьевич – независимый исследователь, Москва, Россия, masterlitvinenko@yandex.ru

Логунова Надежда Владимировна – бакалавр Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, logunova.nw@gmail.com

Махрачев Георгий Сергеевич – аспирант Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия, mahrachova@mail.ru

Мельникова Алена Романовна – бакалавр Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, alna.melnikova.2000@list.ru

Попова Анна Дмитриевна – доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, Рязань, Россия, a.d.pорова@mail.ru

Семикин Андрей Андреевич – аспирант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, Andrew.semikin@yandex.ru

Шапиро Бэлла Львовна – доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, b.shapiro@mail.ru

Шеримет Анна Геннадьевна – сотрудник Объединенного государственного архива Оренбургской области, Оренбург, Россия, sherimeta@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karine R. Ambartsumyan – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Caucasian Federal University, Stavropol, Russia, karina-best21@mail.ru

Tamara A. Bulygina – Doctor of Historical Sciences, Professor of the North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia, bul.tamara2011@yandex.ru

Pavel I. Gaidenko – Doctor, Professor of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, prof.gaydenko@rambler.ru

Nikolay A. Zhirov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, zhirov-nikolai@mail.ru

Irina V. Kitaeva - Associate Professor, North Caucasian Federal University, Pyatigorsk, Russia, kiv-diz2012@yandex.ru

Pavel V. Litvinenko – independent researcher, Moscow, Russia, masterlitvinenko@yandex.ru

Nadezhda V. Logunova - Bachelor of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, logunova.nw@gmail.com

Georgy S. Makhrachev – post-graduate student of the Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, mahrachova@mail.ru

Alena R. Melnikova - Bachelor of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, alena.melnikova.2000@list.ru

Anna D. Popova – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Yesenin Ryazan State University, Ryazan, Russia, a.d.popova@mail.ru

Andrey A. Semikin – post-graduate student of the Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, Andrew.semikin@yandex.ru

Bella L. Shapiro – Doctor of Cultural Studies, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, b.shapiro@mail.ru

Anna G. Sherimet - employee of the Joint State Archive of the Orenburg Region, Orenburg, Russia, sherimeta@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Объем статьи не должен быть меньше 15 страниц А4, с текстом, набранным 14 шрифтом. Библиографический список статьи должен содержать не менее 10 позиций (не считая ссылок на архивные фонды).

ТЕКСТ научной статьи следует строго оформлять согласно следующим требованиям:

Текстовый редактор – Microsoft Word.

Формат – А4.

Поля – 2 см со всех сторон.

Шрифт – Times New Roman (при необходимости – другой; если шрифт не входит в список обще-принятых, его нужно прислать отдельным файлом).

Размер шрифта – 14.

Межстрочный интервал – 1,5.

Абзац (отступ) – 1,25.

Ориентация – книжная, без простановки страниц, без переносов.

Редактор формул – пакет Microsoft Office (MathType).

Графики, таблицы и рисунки – черно-белые, без цветной заливки, допускается штриховка.

УДК (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udkcodes.net>).

Краткая аннотация статьи на русском языке (курсивом). Объем аннотации **не менее 200 слов**. Аннотация должна содержать: актуальность работы, новизну, методы, источниковую базу, результаты (выводы).

Ключевые слова (курсивом, не менее 5-7).

Краткая аннотация статьи на английском языке (курсивом).

Ключевые слова на английском языке.

Фамилия, имя, отчество автора(ов) (жирным шрифтом, курсивом, имя и отчество сокращенно), ниже – город, который представляет автор (курсивом), – по левому краю, строчными буквами.

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Текст статьи – выравнивание по ширине.

ССЫЛКИ в тексте оформляются по следующему образцу: [1, с. 195], [4], [3, с. 20; 7, с. 68], [8, д. 143, л. 8]. Библиография оформляется в соответствии с образцом, который прилагается к данным требованиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ приводится в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В списке источников и литературы указывается издательство и количество страниц. После списка источников и литературы обязательно следует References.

REFERENCES

Список литературы на английском языке (References) – комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок.

Более подробно об оформлении статей можно узнать на сайте: <http://historic-journal.ru/about/for-authors/requirement/>

Дополнительно

Уважаемые авторы! Заявки на публикацию принимаются только по указанному выше адресу электронной почты. Рецензирование научной работы осуществляется редакционной коллегией журнала, которая принимает решение о публикации статьи, внешние рецензии не учитываются. Редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи авторов, материалы которых неоднократно отклонялись редакционной коллегией. Публикуются только одобренные редакционной коллегией статьи.

Рассылка печатных экземпляров редакцией не осуществляется. Оформить подписку можно в любом отделении «Почты России».

Научное издание

ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ

№ 3 (32) / Елец, 2022

Литературный редактор, корректор – В. В. Ряполов
Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. М. Гришин
Дизайн обложки – П. А. Фрольцова (ИАИ РГГУ)

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 15.09.2022
Дата выхода в свет 16.09.2022
Бумага 60,5 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 58
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: nauka@elsu.ru
Сайт журнала: <http://historic-journal.ru>

Подписной индекс журнала № 64989 в каталоге периодических изданий
органов научно-технической информации агентства «Роспечать»

Подписной индекс журнала № 43281 в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1